Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»
№ 3 Выходит 5 раз в год 2012

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:
Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:
The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:
Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 3 Issued 5 times a year 2012
Series «History and Political Sciences»
Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (*зам. председателя совета*)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коничев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.п.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. - канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н, проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГГУ им. М.Л. Шолохова
Троич К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozerov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolyubov – member of Russian Academy of Education,Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulin – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Brunch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhan University (China)

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»
Series editorial board «History and Political Sciences »

Ответственный редактор серии:
Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор
Заместитель ответственного редактора серии:
Волобуев О.В. – доктор исторических наук, профессор.
Ответственный секретарь серии:
Насонова С.А. – кандидат исторических наук.
Члены редакционной коллегии серии:
Журавлев В.В. – д.и.н., проф.**; Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.**; Фукс А.Н.** – к.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – к. полит. н., доц.; **Дж. Гонзалес,** доктор наук, университет Воллонгонг (Австралия); **Могильницкий Б.Г.** – д.и.н., проф. (ТГУ, Томск)**; Протасов Л.Г**. – д.и.н., проф. (ТГУ, Тамбов)**; Наталици М.** – доктор наук (университет Сиена, Италия); **Воронин С.А**. – д.и.н., проф. (РУДН, Москва)

Editor-in-chief **:**
N.I. Smolensky, Doctor of History, Professor
Deputy editor-in-chief:
O.V. Volobuyev, Doctor of History, Professor
Executive secretary of the series: **S.A. Nasonova**, Ph.D. in History
Members of Editorial Board: **V.V. Zhuravlev**, Doctor of History, Professor; **V.N. Zakharov,** Doctor of History, Professor; **A.N. Fuks**, Ph.D. in History, Professor; **A.V. Abramov**, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González,** Doctor of Science (University of Wollongong, Australia); **B.G. Mogilnitsky**, Doctor of History, Professor (Tomsk State University; Tomsk); **L.G. Protasov**, Doctor of History, Professor (Tambov State University; Tambov); **M. Natalici**, Doctor of Science (University of Siena, Italy); **S. Voronin** – Doctor of History, Professor (People's Friendship University of Russia).

ISSN 2072-8360
Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 3. – М.: Изд-во МГОУ. – 138 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство **ПИ № ФС77-26139**

Индекс серии «История и политические науки» по каталогу агентства «Роспечать» **36765**

ISSN 2072-8360
Bulletin of the MSRU. Series «History and Political Sciences ». – 2012. – № 3. – M.: MSRU Publishing house. – 138 p.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate **ПИ № ФС77-26139**

Index series «History and Political Sciences» under "Rospechat" agency catalog **36765**

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Дейников Р.Т. Литература конца XVIII – середины XIX вв. по истории Крымского ханства: историографический обзор 7
Снесарева Н.В. Особенности пролетариата и рабочего вопроса в России на страницах консервативной прессы конца XIX – начала XX вв. 14
Плюйко Д.В., Трофимов А.В. Проблемы истории социального противостояния в годы Гражданской войны на территории Сибири в современной историографии 20

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, Средних веков и Нового времени

Морозов Е.В. Конголезский кризис 1894 г. Образование франко-бельгийского колониального союза 28
Машкин М.Н. Из истории Академии наук в Берлине 34

Новейшая история

Курков Н.В. Американская федерация труда и революционно-демократическое движение на Кубе в 1930-х гг. 39
Каширина Т.В. Проблемы советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОССВ) в 1982–1983 гг. 47
Крюков А.Н. Х. Коль и Ф. Миттеран на историческом изломе (1982-1992) 53
Базаркина Д.Ю. Борьба с ультралевым терроризмом в ЕС: коммуникационный аспект 57

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Денисов А.В. Меч келермесского типа с территории Самарской области 65
Севостьянов А.С. Организация Посольского приказа в правление Петра I 68
Травникова Е.Г. Концепция «общее благо» в русском общественном сознании XVIII – первой трети XIX вв. 72
Федорова Е.Ю. Славянский вопрос на страницах журнала «Вестник Европы» (1870 – начало 1877 гг.) 77
Колесникова М.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в восприятии русских мыслителей конца XIX – начала XX вв. 82

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Тен В.А. О трудностях первоначальной адаптации российских корейцев в Казахстане (1937–1938 гг.) 88
Никитаева Е.Б. Миграция и особенности социально-демографической ситуации в селах Центрального района России в 1960-е – начале 1980-х гг. 93

Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя..... 98
Хабарова Е.С. Исторический опыт взаимодействия местных органов власти и бизнеса в Российской Федерации в начале XXI в. (на примере г. Москвы).....104

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Вититнев С.Ф. Проблемы и перспективы развития индустриального общества сквозь призму экологического учения германской партии «зеленых».....108
Рудакова Е.Н. Потенциал российской образовательной политики в современных условиях развития общества и государства.....119
Высоцкий И.В. Местное самоуправление и механизм политической социализации личности в современной России.....123
Бондаренко Ю.Ю. Формирование эпистемологических сообществ Европейского Союза: национальные и евродипломаты 128

НАШИ АВТОРЫ 136

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

R. Deynikov. Publications on the history of the Crimean Khanate of the end of XVIIIth – middle of the XIXth centuries: historiographical review.....7
N. Snesareva. Peculiarities of the proletariat and the question of workers in Russia on the pages of the conservative press of the end of XIXth and the beginning of the XXth centuries.....14
D. Plyuyko, A. Trofimov. Problems of the history of social confrontation during the Civil war on the territory of Siberia in modern historiography.....20

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

E. Morozov. The Congolese Crisis of 1894. The Forming of the Franco-Belgian Colonial Union 28
M. Mashkin. From the History of the Academy of Sciences in Berlin 34

Contemporary history

N. Kurkov. American federation of labor and the revolutionary-democratic movement in Cuba in the 1930s 39
T. Kashirina. Problems Soviet-American negotiations on restriction and reduction of strategic armaments in 1982-1983.....47
A. Kryukov. H. Kol and F. Mitterand on the historical break (1982–1992) 53
D. Bazarkina. Struggle against ultra-left terrorism in EU:communication aspect 57

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

A. Denisov. The sword of Kelermessky type from the territory of Samara region.....65
A. Sevostyanov. The organization of the Ambassadorial department in the times of Peter I governing.....68
E. Travnikova. «Common welfare» concept in the Russian social consciousness of the XVIIIth – first third of the XIXth century.....72
E. Fedorova. The Slavic question as presented in "The Bulletin of Europe" (1870 − beg. 1877) 77
M. Kolesnicova. The Russian-Japanese War of 1904–1905 through the perception of Russian philosophers of the end of the 19th century – beginning of the 20th century.....82

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

V. Ten. On the difficulties of the initial adaptation of the Russian Koreans in Kazakhstan (1937–1938) 88
E. Nikitayeva. Migration and the peculiarities of socio-demographic situation in rural settlements in Central region of Russia in the 1960s – early 80s.....93

V. Sergeev. On the Question of Ideology the Krasnopevtsev-Rendel Group.....98
E. Khabarova. Historical experience of local authorities'interaction with business in the russian federationin the early xxi century 104

SECTION V. POLITOLOGY

S. Vititnev. Problems and perspectives of development of industrial society via the prism of ecological doctrine of the German «Green» Party 108
E. Rudakova. Potential of the Russian educational policy in modernconditions of development of society and the state 119
I. Vysotskiy. Local self-government and the mechanism of political socialization of a person in modern Russia 123
Y. Bondarenko. The forming of epistemic communitiesof the european Union: national and Euro-diplomats 128

OUR AUTHORS.....136

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930 (470) «18/19»

Дейников Р.Т.
Московский государственный областной университет

ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX вв. ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

R. Deynikov
Moscow State Regional University

PUBLICATIONS ON THE HISTORY OF THE CRIMEAN KHANATE OF THE END OF XVIIIth – MIDDLE OF THE XIXTH CENTURIES: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Аннотация. В данном историографическом обзоре впервые освещается малоизученный период в исследовании истории Крымского ханства – сочинения конца XVIII – середины XIX вв. В статье охарактеризованы сюжеты работ разных авторов на русском, турецком, крымскотатарском и других языках. Несмотря на относительную немногочисленность и слабый уровень научности обозреваемых работ, именно они определили возникновение интереса последующих исследователей к истории Крымского ханства, что стимулировало резкий рост количества и качества появлявшихся со второй половины XIX в. исторических трудов по указанной тематике.

Ключевые слова: историографический обзор, Крымское ханство, Северное Причерноморье, литература XVIII - XIX вв.

Abstract. In this historiographical review the author covers an insufficiently explored period in the studies of the history of the Crimean Khanate – publications of the end of XVIII – mid XIX centuries.

The article describes the contents of the works of different authors in Russian, Turkish, Crimean Tatar and other languages. Despite there were rather few works on the topic and they were written on the poor scientific level, they determined the arising interest to the history of the Crimean Khanate of the subsequent researchers. Due to this fact in the second half of the XIX century there was a sharp increase in the quantity and quality of the historical works on this topic.

Key words: historiographical review, The Crimean Khanate, Northern Black Sea Region, publications of the XVIII - XIX centuries.

Начало историческому изучению Крымского ханства было положено кардинальными изменениями в Северном Причерноморье в 60–80-е гг. XVIII столетия, приведшими сначала к фактическому установлению протектората России над некогда могущественным Крымским ханством, а затем – и к присоединению этого государства к Российской империи. Именно произошедшие изменения и попадание Крыма в российское общеимперское пространство

© Дейников Р.Т., 2012.

подогрели интерес к этому региону и в России, и в Европе. Накопление и развитие исторических знаний о Крыме за период с конца XVIII до середины XIX вв. и является темой данной статьи.

В основном труды по историческому изучению Крымского ханства за указанный период получили свое отражение в библиографических исследованиях Г. Генади [7], А. Рахима [30] и А. Непомнящего [19; 20]. Эти работы по своему жанру не содержат характеристики представленных материалов. Тот или иной обзорный анализ дается либо в предисловиях к позднейшим изданиям, например, В.В. Грибовского [28]; Н.Л. Эрнста [38], К. Раткевич [32], либо в специальных исследованиях [21; с. 22; 23; 40 и др.]. Особняком в этом ряду, пожалуй, стоит замечательная монография И.В. Зайцева «Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.» [10]. Эта работа подробно рассматривает развитие крымскотатарской и, частично, османской традиции исторического изучения Крымского ханства.

80-е гг. XVIII столетия ознаменовались появлением трех зарубежных работ, которые давали общее представление европейским читателям об истории и состоянии Крымского ханства накануне его присоединения к России. Прежде всего, это опубликованные в 1783 и 1787 гг. «Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии, посланная в 1755 г. министром короля господином де Пейссонель» [28] и «Трактат о торговле на Черном море» [48] французского консула в Крыму (1753–1756 гг.) Шарля де Пейссонеля (Charl M. de Peyssonel). Эти работы носят форму обширных аналитических записок. Особенно ценной с исторической точки зрения является первая из них, в которой автор подробно описывает политическую и военную систему ханства, его экономический и внешнеполитический потенциал. Конечно, указанные работы можно с полным основанием отнести к фактографическому материалу, но их форма и степень анализа позволили нам считать их все же более исследованиями, чем просто описаниями. Как бы продолжением работ Пейссонеля является очерк Иоганна Тунманна «Крымское ханство» [38], опубликованный в 1784 г. в рамках широко в то время популярной географической серии «Большое землеописание Бюшинга». Данная работа предположительно написана в 1777 г. и автор, соответственно, смог учесть происшедшие изменения в политическом положении ханства. Он дал исторический обзор взаимоотношений Крымского ханства с Россией и Османской империей, а также оценил его состояние на тот период.

Первым известным нам сочинением зарубежных авторов в ответ на присоединение Крыма к России был труд профессора Виленского университета, епископа Адама Станислава Нарушевича «Таврикия» [17], который был преподнесен автором в Каневе Екатерине II. Безусловно, эта работа «ученого дилетанта», написанная с ярко выраженных евроцентристских позиций, не могла не понравиться адресату своей «правильной», с точки зрения российской императрицы, идеологической основой. Однако в противовес этому «правильному сочинению» вскоре на Западе появилась анонимная работа «Потемкин Таврический», опубликованная в гамбургском журнале «Минерва» в 1797–1800 гг. [49]. Она будет многие годы оказывать серьезное влияние на западноевропейских исследователей проблем истории Екатерининской России вообще и истории Северного Причерноморья в частности. Авторство данного сочинения приписывается секретарю саксонского посольства в России в 1787–1796 гг. Георгу-Адольфу Вильгельму фон Гельбигу [3, с. 3-4]. Автор сочинения-памфлета отрицательно отзывался о внешней политике России по отношению к Турции и Крымскому ханству, которые изображаются им как жертва русских интриг и русской агрессии. При этом объявлялись несостоятельными все военно-административные и экономические мероприятия Потемкина в Северном Причерноморье. Саму идею освоения южных степей автор пытается представить как нелепую и вредную авантюру.

Конечно, только дилетантскими сочинениями или памфлетами изучение истории крымских татар в Западной Европе на ру-

беже XVIII–XIX вв. не ограничивалось. Так, французский востоковед Луи Лангле впервые создал научный очерк по истории Крымского ханства – «Хронологическую заметку о крымских ханах» [46], основываясь на собственно крымском историографическом материале. И хотя это была весьма значимая для того времени работа, определяющего значения в историографии проблемы она не сыграла, в силу, прежде всего, сложившегося общественного мнения в Европе, для которого в это время история Крымского ханства без связи с российской экспансией в регионе была не столь интересна.

Отдельную группу литературы представляют хроники турецких и крымско-татарских авторов. Безусловно вехой в изучении политической истории Крымского ханства и его взаимоотношений с соседями стала книга османского чиновника по особым поручениям Сейид Мухаммеда Ризы «Ассеб о.ссейяр», которая уже в самом начале XIX столетия была переведена на французский язык и издана в Европе. Перевод на русский язык этого произведения был осуществлен лишь в 30-е гг. XIX века [31]. Труд Сейид Мухаммеда Ризы посвящен жизнеописанию семи великих крымских ханов и фактически представляет собой панегирик этим властителям. Тем не менее, из него можно почерпнуть весьма интересные сведения о политической и военной истории Крыма. Именно данный труд в значительной степени лег в основу знаменитого более позднего исследования отечественного востоковеда В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты». Близко по содержанию и построению повествования к труду Сейид Мухаммеда Ризы находится рукопись неизвестного османского автора о крымских ханах, извлечения из которой были опубликованы в 1844 г. в Записках Одесского общества истории и древностей (ЗООИД) [18].

Очень интересный материал содержит находящийся в Институте восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН) и дополняющий «Ассеб о.ссейяр» труд «Крымские ханы. Летописи»[1], созданный анонимным крымскотатарским автором, вероятно в 1782 г. Летопись начинается со вторичного восшествия на престол Менгли-Гирей-хана в 1478 г. и заканчивается правлением Шагин-Гирей-хана (1777–1783 гг.), а точнее, 1782 годом. Рукопись дает краткие сведения о ханах: год восшествия на престол, число детей, срок правления, год смерти, наиболее значительные события царствования.

Присоединение Крымского ханства и его включение в единую губернскую систему России побуждали проводить исследования Северного Причерноморья и, особенно, Крымского полуострова. Поэтому не случайно, что эти исследования инициировались в то время правительством Российской империи либо через Академию наук, либо через аппарат Новороссийского наместника и носили исключительно экономико-географический [39; 12; 6; 9 и др.], геолого-топографический [27], историко-этнографический [11] характер. Также достаточно большое место занимали так называемые «путешественные записки», наиболее любопытными из которых являются, на наш взгляд, сочинения Николая Клеемана [14], Павла Сумарокова [36; 37] и воспитателя молодого П. Строганова Шарля-Жильбера Ромма [32]. Пожалуй, особняком стоит только работа одного из лучших специалистов России второй половины XVIII в. по Турции, бывшего поверенного в делах при дворе османского султана (1763–1768 гг.) Павла Артемьевича Левашова. Его «Картина или описание всех нашествий на Россию…» [16] является, вероятно, первым достаточно грамотным идеологическим обоснованием постоянных российско-турецких войн в XVIII в. и претензий Петербурга на Северное Причерноморье, приведших к ликвидации Крымского ханства. Конечно, этот труд нельзя считать чисто историческим, но фактографический подтекст в работе современника событий и одного из крупных чиновников российского МИДа той поры, безусловно, заслуживает внимания.

[1] В конце рукописи имеется позднейший французский заголовок «Chronologie des Khans de la Crimée en Tatar» (ИВР РАН. Шифр С 861).

Лишь в 1806 г. на русском языке публикуется первое претендующее на научность произведение, полностью посвященное истории Крыма с древнейших времен – двухтомник митрополита всех римско-католических церквей в России Станислава Богуш-Сестренцевича «О Таврии» [2]. Автор использовал практически все опубликованные на тот момент российские и европейские исследования, касающиеся так или иначе Крыма. Тем не менее, построение исторического повествования в виде мини-историй правителей, слабая источниковая база, полное отсутствие описания влияния социально-экономических и внешнеполитических процессов на развитие Крымского государства не позволили указанному труду стать значительным словом в историографии проблемы. Но сама попытка, безусловно, является вехой в переходе от во многом прикладных исследований к чисто историческим. Именно с этого момента в изучении Крыма предпринимаются научные попытки объяснения исторических процессов развития ханства, приведшие, в конечном итоге, к его поглощению Россией. И здесь большая роль принадлежит первому российскому исследователю Новороссийского края, члену-корреспонденту Российской Академии наук Аполлону Александровичу Скальковскому. В 1836 г. вышла первая часть его «Хронологического обозрения истории Новороссийского края» [35], охватывающая период с 1731 по 1796 гг. Эта работа, подкрепленная статистическими выкладками (данными в развитии) по экономике, производственным силам, торговле края, и в настоящее время представляет интерес для исследователей.

В России середины XIX в. происходило постоянное пополнение крымоведческой литературы. Так, популяризации истории Крыма, безусловно, способствовали очерки, опубликованные в 1846 г в «Таврических губернских ведомостях» [25; 26]. Их, конечно, нельзя считать историческими исследования, но свою роль на тот момент они сыграли. Появляется и ряд специальных исследований, которые в той или иной степени затрагивали вопросы, касающиеся взаимоотношений Крымского ханства и России в XVIII столетии. Это – история военных столкновений [1; 4], политических событий [29], колонизации Новороссийского края [13; 24; 33]. Особняком в указанном ряду стоит «Военно-статистическое обозрение Таврической губернии» [5], составленное подполковником Генштаба Николаем Борисовичем Герсивановым. Труд полон исторических экскурсов, связанных с экономикой и бытом жителей полуострова (например, история освобождения от постойной повинности и т. д.). В результате получилось обозрение, содержащее важные сведения о хозяйственной жизни Крыма за несколько десятилетий.

В отличие от России, на Западе с начала XIX в. преобладают малоценные с исторической точки зрения, идеологизированные или даже пасквильные сочинения по указанной тематике. Пожалуй, исключением в их ряду является труд жившего несколько лет в России Габриэля де Кастелно, бывшего барона д'Орос [41]. Автор сосредотачивает свое внимание на истории Новороссии, Крыма и Кубани. Анализируя социально-экономическую и политическую систему Крымского ханства, Кастелно оценивает изменения, произошедшие в результате присоединения Крыма к России, с положительной стороны, считая данное присоединение весьма полезным событием в истории края.

Большое внимание проблеме присоединения Крыма к России было уделено в вышедших в XIX столетии на Западе сочинениях по истории Турции. Здесь следует, прежде всего, отметить многотомную работу известного австрийского ориенталиста и дипломата Йозефа фон Хамме-Пургшталя (Joseph v. Hammer-Purgstall) «История Османской империи» [42], основанную на первоисточниках, преимущественно турецкого происхождения. Для всякого, изучающего внутреннюю обстановку в Турции с древнейших времен до второй половины XVIII в., работа Хамме-Пургшталя остается до настоящего времени наиболее полным сводным пособием. Одним из достоинств этого труда является сама постановка темы: военные поражения

Турции рассматриваются автором не как случайность, а как закономерный результат всего предшествующего развития страны. Через все повествование, так или иначе, проходит история взаимоотношений Османской империи с Крымским ханством, а также противоборство с набирающим силу Российским государством. Не случайно поэтому Хамме-Пургшталь завершает свой труд заключением Кючук-Кайнарджийского мира, отмечая его как переломный момент в истории Турции. Труд является весьма ценным источником для изучения разных аспектов взаимоотношений ханства со своим сюзереном – Османской империей. Больше внимания истории крымско-татарской государственности Хамме-Пургшталь уделил в другом, позднейшем исследовании «История крымских ханов» [43]. Однако серьезный исторический труд из этой работы не получился. «История крымских ханов» представляет собой историко-публицистический очерк и потому в значительно меньшей степени известна специалистам, нежели «История Османской империи».

Достаточно много западных исследователей анализировали военный аспект взаимоотношений России и Османской империи в XVIII столетии. Однако, по мнению известного российского историка и слависта второй половины XIX в. Александра Александровича Кочубинского [15, с. 163 (в примечании)], наиболее интересными в этом плане являются монографии профессора французской Военной школы Гинемана де Кералио (Gineman de Keralio), посвященные войне 1735–1739 гг. и начальному этапу войны 1768–1774 гг. [44; 45].

Таким образом, литература конца XVIII – середины XIX вв. по истории Крымского ханства представляет собой достаточно разнообразный, хотя и не всегда научно ввыверенный материал для современных исследователей. Тем не менее, изучать указанные труды необходимо как с точки зрения пополнения общих знаний о предмете исследования, так и с точки зрения понимания тенденций развития исторических знаний по изучаемой проблеме.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богданович М.М. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турцию. – СПб.: типогр. Веймара, 1852. – 296 с.
2. Богуш-Сестренцевич С. О Таврии. В 2-х тт. Кн. I-XVI. – СПб.: типогр. Шнора, 1806. – 880 с.
3. Брикнер А.Г. Потемкин. – СПб. Изд. К. Л. Риккера, 1891. – 232 с.
4. Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турциею в царствование императрицы Екатерины II и Александра I. В 2-х ч. – Ч. I. – СПб.: типогр. Императорскаго Воспитат. Дома, 1829. – 188 с.
5. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XI, ч. 2: Таврическая губерния. – СПб.: Изд-во Департамента Ген. Штаба, 1849. – 307 с.
6. [Габлиц К.] Физическое описание Таврической области, по ея местоположению, и по всем трем царствам природы. – СПб.: Имп. тип. И. Вейтбрехета, 1785. – 198 с.
7. Генади Г. Список сочинений о Крыме. // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. VI. – Одесса, 1867. – С. 623-644.
8. Географические известия служащия к объяснению прежняго состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних и средних времен писателей с тремя картами. – СПб.: печатано в типографии Государственной Медицинской коллегии, 1803.
9. Герман К. Описание Таврической губернии // Статистический журнал. Т. I. Ч. 2. – СПб., 1806. – С. 173-242; Т. II. Ч. 1. – СПб., 1807. – С. 155-234.
10. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. – М.: Восточная литература, 2009. – 304 с.
11. Зуев В. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. // Месяцеслов исторический и географический на 1783 г. – СПб., 1783. – С. 122-170.
12. Зуев В. О российской торговле по Черному морю // Месяцеслов исторический и географический на 1784 год. – СПб., 1784. – С. 9-33.
13. Каневский К. Очерк поселения Ногайцев на Крымском полуострове и в других местах Новороссийского края в последней половине XVIII в. // Журнал Министерства Внутренних Дел. №№ 53, 54. – СПб., 1845.
14. Клееман Н. Путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли Буждатских и Ногайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию, в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением описания достопамятностей Крымских. – СПб.: Государственная военная коллегия, 1783. – 250 с.

15. Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории Восточнаго вопроса. Война пяти лет (1735–1739). – Одесса: типогр. Штаба Одесск. воен. округа, 1899. – 526 с.: приложение – 68 с.
16. Левашов П. Картина или описание всех нашествий на Россию Татар и Турков, и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти беспрерывно чрез восемь сот лет продолжавшихся. С приложением нужных примечаний и разных известий касательно Крыма, прав Российских Государей на оной, и проч. – СПб., 1792. – 171 с.
17. Нарушевич А. Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. – Киев: Тип. Киев. Акад., 1788. – 171 с.
18. Негри А. Извлечение из Турецкой рукописи Общества, содержащей историю Крымских ханов. // ЗООИД. Т. I. – Одесса, 1844. – С. 379-402.
19. Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). / Научно-справочные издания по истории Украины; Вып. 46. – Киев, 1999. – С. 9-11.
20. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). – Симферополь: Доля, 2001. – 816 с.
21. Непомнящий А.А. К вопросу о роли П. С. Палласа в развитии исторического краеведения Крыма: Библиографический аспект // Культура народов Причерноморья. – № 5.– Симферополь, 1998. – С. 259-264.
22. Непомнящий А.А. Начало научного изучения Крыма. // Ж-л «Историческое наследие Крыма», № 21, 2008 [Электронная версия]. URL: http://commonuments.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=106&par=74 (дата обращения: 27.09.2010).
23. Новікова Л.В. Внесок А.О. Скальковського (1808-1898) у дослідження історії Південної України. Дис. на здоб. наукового ступеня канд. іст. наук. – Одеса, 2003. – 223 с.
24. Обозрение иностранных колоний в Новороссийском крае // Северный Архив. – СПб., 1823. – С. 188-264.
25. Очерк, беглый, древней истории Крыма // Таврические губернские ведомости. 1846. – № 47, 48.
26. Очерк, беглый, истории Крымских ханов // Таврические губернские ведомости. 1846. – № 7, 8.
27. Паллас (Петр Симон). Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. – СПб: печ. в Имп. Тип., 1785. – 76 с.
28. Пейссонель Шарль де. Записка о Малой Татарии. – Днепропетровск: Герда, 2009. – 80 с.
29. Полевой Н. Столетие России, с 1745 до 1845 года, или историческая картина достопамятных событий в России за сто лет. В 2-х частях. – СПб.: Издание П.И. Мартынова, 1845. Ч. 1. – 437 с.; Ч. 2-я. – 299 с.
30. Рахим А. Материалы для библиографии по крымским и литовским татарам // Вестник Научного общества татароведения. 130. – № 9/10. – С. 194-200.
31. Риза (Мухаммед-Сеид). Ассеб о-ссейяр или Семь планет, содержащей историю Крымских Ханов от Менгли Гирей Хана I-го до Менгли Гирей Хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Казань: изд. Импер. Казанским университетом под наблюдением Мирзы Казембека, Адьюнкт-Профессора оного Университета, Великобританского Королевского и Ирландского Королевского Азиатского Общества члена, 1832 (араб, шрифт, без нумерации страниц).
32. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с рукописи, вст. ст. и прим. К.И. Раткевич. – Л.: изд-во ЛГУ, 1941. – 79 с.
33. Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и в Новороссийском крае. – Одесса: типогр. Т. Немана и Ко, 1848. – 156 с.
34. Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Т. 1-2. – Одесса: тип. Францова и Нитче, 1850–1853. – Т. 1. – 366 с. – Т. 2. – 552 с.
35. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823. – Ч. I. С 1731-го по 1796-й год. – Одесса: Гор. тип., 1836. – 409 с.
36. Сумароков П. Досуги Крымскаго судьи или второе путешествие в Тавриду: по Высочайшему повелению, Ч. I-II. – СПб.: Императ. типография, 1803–1805. Ч. I. – 226 с.: табл., гравюры, Ч. II. – 261 с.: табл., гравюры.
37. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – М.: Университет. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800. – 238 с.
38. Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. – Симферополь: Таврия, 1991. – 92 с.
39. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времян до ныне настоящаго и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великаго и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. Т. I-VII (22 кн.). – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1781–1788. Т. 1. Кн. 1. – 60,

564 с.: ил.; Т. 1. Кн. 2. – 618 с.: 2 л. ил.; Т. 2. Кн. 1. – 706 с.; Т. 2. Кн. 2. – 90, 626 с.; Т. 2. Кн. 3. – 646 с.: 1 л. табл.; Т. 3. Кн. 1. – 632 с.: 2 л. табл.; Т. 3. Кн. 2. – 739 с.: 1 л. табл.; Т. 4. Кн. 1. – 844 с.; 1 л. табл.; Т. 4. Кн. 2. – 680 с.; Т. 4. Кн. 3. – 545 с.; Т. 4. Кн. 4. – 717 с.; Т. 4. Кн. 5. – 882 с.: 16 л. табл.; Т. 4. Кн. 6. – 832 с.; Т. 5. Кн. 1. – 840 с.: 1 л. табл.; Т. 5. Кн. 2. – 504 с.; Т. 6. Кн. 1. – 584 с.; Т. 6. Кн. 2.– 680 с.; Т. 6. Кн. 3. – 712 с.; Т. 6. Кн. 4. – 632 с.; Т. 7. Кн. 1. – 932 с.: 21 л. табл.; Т. 7. Кн. 2. – 372 с.

40. Шебунин А.Н. Русское Черноморье 70–80-х гг. XVIII в. и Академия наук: Труды А.И. Гильденштедта и В.Ф. Зуева. // Труды Института истории науки и техники. Сер. 1: Архив истории науки и техники. – Вып. 8. – Л., 1936. – С. 78-82.
41. Castelnau G. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Vol. I-III. – Paris: Chez Rey et Gravier, Libraires, 1827. Vol. I. – P. 355; Vol. II. – P. 351; Vol. III. – P. 383.
42. Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. I-X. Pescht: In C. A. Hartleben's Verlage, 1827–1835.
43. Hammer-Purgstall, Joseph, Freiherr von. Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft: aus turkischen Quellen zusammengetragen, mit der Zugabe eines Gasels Schahingerai's / von Hammer-Purgstall. – Wien: K. K. Hof - und Staatsdruckerei, 1856.
44. Keralio, de. Histoire delaguerredes Russeset des imperiaux centre les Turcs en 1736, 1737, 1738, et 1739. Vol. I-II. – Paris, 1780. Vol. I. – P. 304; Vol. II. – P. 307.
45. Keralio, de. Histore de la guerre entre la Russie et la Turquie, et particulierement de la campaqne de 1769. – Amsterdam, 1773. – P. 235.
46. Notice Chronologique des Khâns de Crimée. Composé principalement d'après les Auteurs Turks et Persans, par L. Langlès // Voyage du Bengale à Pétersbourg à travers les Provinces Septentrionales de l'Inde, le Kachmyr, la Perse, sur la Mer Caspienne, etc.; suivi de L'Histoire des Rohillahs et de Celle des Seykes par feu Georges Forster: Traduit de l'Anglais avec des additions considérables et une Notice Chronologique des Khans de Crimée. Composé principalement d'après les écrivains Turks, Persans, etc., par L. Langlès. Tome III. – Paris, 1802. – P. 330.
47. Pallas, Peter Simon. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Rußischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Leipzig: Mit Kupfern u. Kt., 1803. Vol. I – p. 463; Vol. II – p. 460.
48. Peyssonel M. [Charl] de. Traite sur le commerce de la Mer Noire. Tome I-II. – Paris: Chez Cuchet, 1787. T. I. – P. 340; T. II. – P. 379.
49. Potemkin, der Taurier // Minerva. Ein Journal historischen und politischen Inhalts herausgegeben von J. W. Archenholz. Hamburg, 1797-1800. № 2, 1797 – p. 1-21, 425-457; № 3, 1797 – p. 209-238, 453-468; № 4, 1797 – p. 110-133, 286-310; № 1, 1798 – p. 12-41, 355-374, 538-550; № 2, 1798 – p. 160-167, 291-319, 487-514; № 3, 1798 – p. 154-166, 214-233; № 4, 1798 – p. 76-107, 300-312, 462-485; № 1, 1799 – p. 145-179, 357-376, 510-532; № 2, 1799 – p. 67 – 81, 406-432; № 3, 1799 – p. 113-123, 250-276, 450-470; № 4, 1799 – p. 109-125, 427-433; № 1, 1800 – p. 38-47, 433-440; № 2, 1800 – p. 99-109, 308-315; № 3, 1800 – p. 514-527; № 4, 1800 – p. 509-548.

УДК 323.332:002.2(470)“19/20”

Снесарева Н.В.
Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА И РАБОЧЕГО ВОПРОСА В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ КОНЦА XIX НАЧАЛА XX вв.

N. Snesareva
Moscow State Regional University

PECULIARITIES OF THE PROLETARIAT AND THE QUESTION OF WORKERS IN RUSSIA ON THE PAGES OF THE CONSERVATIVE PRESS OF THE END OF XIXth AND THE BEGINNING OF THE XXth CENTURIES

Аннотация. В данной статье рассмотрена эволюция взглядов представителей консервативного направления конца XIX - начала XX вв. на особенности рабочего вопроса в России, изложенных на страницах периодической печати. В статье анализируется восприятие рабочего вопроса публицистами таких изданий, как газеты «Московские ведомости» и «Россия», журналов «Гражданин», «Русский вестник» и «Прямой путь». Получила освещение постановка вопроса о сущности рабочего вопроса и времени его возникновения в консервативных концепциях социально-экономического развития России. Показаны отражение на страницах консервативной прессы влияния на рабочих социалистических партий и те меры, которые предпринимало в начале XX в. правительство с целью пресечь распространение среди рабочих революционных идей.

Ключевые слова: российские консерваторы, рабочий вопрос в России, консервативная печать России, российский пролетариат, российские консерваторы.

Abstract. This article considers the evolution of views of the conservative representatives in the end of the XIX - the beginnings of the XX-th centuries on the peculiarities of the question of workers in Russia, stated in periodicals. The article analyzes the way the question of workers was interpreted by the publicists of the newspapers “The Moscow Vedomost”, “Russia” and magazines “Citizen”, «the Russian Vestnik» and «The Direct way». The article highlights the essence of the question of workers and the time of its emergence in conservative concepts of social-economic development of Russia. The author shows the way the conservative press described the socialist parties’ influence on workers and the measures taken by the government to stop the spread of revolutionary ideas among workers at the beginning of the XXth century.

Key words: the conservatives of Russia, the question of workers in Russia, the Russian conservative press, the Russian proletariat.

Развитие промышленности и капиталистических отношений в пореформенный период и на рубеже XIX–XX вв. способствовали формированию новых классов общества – буржуазии и фабрично-заводского пролетариата, и привели к возникновению «рабочего вопроса», который стал одной из наиболее острых социально-политических проблем данного времени.

Согласно методологическим установкам советской исторической науки, понятие «рабочий вопрос» по своему конкретному содержанию охватывает в целом ряд проблем: формирование класса наемных рабочих, его положение и роль в капиталистическом производстве, отношение различных классов и государства к пролетариату, и вместе с тем отношение последнего к другим классам и государству, место и значение рабочего класса в буржуазном обществе [10, с. 103-118].

Современная историография под рабочим вопросом также понимает комплекс проблем, которые можно объединить в две основные группы: первая представлена взаимоотношениями хозяев и рабочих в процессе производства, проявляющимися в условиях найма, начис-

© Снесарева Н.В., 2012.

лении заработной платы, порядке работы на предприятии, продолжительности рабочего дня и т. п. Вторую группу проблем в рамках рабочего вопроса представляют вопросы социального плана, имеющие большое значение для жизни и труда рабочих, а также воспроизводства рабочей силы: образование и повышение культурного уровня рабочих, жилье, медицинское обслуживание, различные виды социального обеспечения.

В исследованиях по истории российской журналистики неоднократно предпринимались попытки типологизировать ведущие издания дореволюционной России с точки зрения занимаемых теми позиций. Б.И. Есин в монографии «История русской журналистики XIX века» к охранительным органам причислил газеты «Московские ведомости», «Гражданин» и «Новое время» [6, с. 247].

Другой исследователь истории русской журналистики А.А. Грабельников типологизировал «Гражданин», «Московские ведомости» и «Новое время» как монархические издания. «Русский вестник», по его мнению, с 1856 по 1859 гг. занимал умеренно-либеральные позиции, но уже в 1859-1861 гг. стал органом, отстаивавшим интересы дворян и самодержавной монархии [5, с. 108]. Махонина С.Я. к крайне правому флангу отнесла «Московские ведомости» и «Гражданин». Умеренное крыло консервативной прессы, по ее мнению, представляли «Новое время» и «Русский вестник» [11, с. 13].

Можно выделить общие черты данных изданий. В первую очередь все они стояли на страже самодержавной власти, сословных начал и православия, сопротивляясь при этом любой либерализации существующего государственного строя.

Пресса охранительного характера рубежа веков была представлена и сугубо правительственными изданиями, среди которых первое место занимала газета «Россия». Инициатором издания «России» выступил лично Николай II, а также товарищ министра внутренних дел, петербургский генерал-губернатор Д.Ф. Трепов, член Совета Министров, сенатор и председатель Русского собрания, одного из дворянских объединений князь Д.П. Голицын [15]. Издание «России» продолжалось по апрель 1914 г.

Практикой консерватизма стала деятельность политических партий, отстаивавших охранительные принципы. Революция 1905–1907 гг. дополнила прессу охранительного направления прежде всего черносотенными изданиями. В качестве более-менее долговременно функционирующих печатных органов можно выделить «Земщину» и «Русское знамя», издававшиеся Союзом русского народа.

Печатным органом другой крупной и влиятельной организации черносотенцев, Союза имени Михаила Архангела, был журнал «Прямой путь», начавший издаваться в Санкт-Петербурге с 1909 г., под редакцией К.А. Федониной. «Прямой путь» выходил только в период думских сессий и подавляющая часть его публикаций была посвящена характеристике деятельности Государственной думы. Как писал сам журнал, его задача заключалась в том, чтобы, «… не стесняясь в правдивых выражениях…», давать «…оценку думской деятельности по заслугам» [13, титульный лист].

Консервативная печать по-своему отразила особенности рабочего вопроса в России. Консерваторы конца XIX – начала XX вв. в качестве одной из специфических особенностей представителей класса промышленных рабочих выделяли сохранение связи с земледельческим трудом. Катков со страниц своего издания утверждал: «У нас нет пролетариата в специальном значении этого слова» [8, с. 297]. Поэтому рабочего вопроса в Российской империи, в его «европейском смысле», не существовало [12, с. 34]. В России, по мнению охранителей, имели место только нужды рабочих, о которых должна была позаботиться верховная власть [4, с. 1].

В 1899 г. «Гражданин» писал о том, что рабочий вопрос на Западе возник на почве народного безверия и в силу безработицы. Рабочий вопрос в России, отмечал тот же автор, отмечается как бы «наизнанку против западных государств Европы» и отмечен сугубо российской спецификой, которая выража-

ется в том, что он характерен для сельскохозяйственного производства, которое периодически испытывает недостаток в рабочих руках. Иначе говоря, если в Западной Европе собираются голодные митинги и безработные просят работы, то в российском сельском хозяйстве периодически поднимается вопрос о недостатке рабочих рук, необходимых для срочной уборки зерновых. В целом, для появления рабочего вопроса в России, по мнению «Гражданина», не было почвы [7, с. 3].

Публикации в консервативной печати начала века дают пример того, как русские консерваторы даже само понятие «рабочий вопрос», имеющее западноевропейское происхождение, стремились подменить сугубо российским понятием, сформулированным ими как «вопрос о рабочих», пытаясь, вероятно, подчеркнуть тем самым и сугубо российскую специфику проблемы, как будто не имеющей ничего общего с ее западным аналогом.

Стремление подчеркнуть российскую специфику рабочего вопроса четко прослеживается и в позиции журнала «Русский вестник». В очерке «Вопрос о рабочих», вышедшем из-под пера соредактора журнала, поэта и писателя Л.И. Величко, излагался концептуальный взгляд «Русского вестника» на данную проблему. Понятие «рабочий вопрос», по мнению Л.И. Величко, носило «…непримиримый по отношению к неограниченной монархии политический характер, предполагая двусторонние переговоры и договоры между организованной политической силой в лице рабочей партии и правительством». В России же для этого, по его мнению, «…не было почвы». Как писал Л.И. Величко, понятие «вопрос о рабочих» более соответствовало основам русской жизни и черпало свою жизненность в созидательных сторонах русского народного быта. «Вопрос о рабочих» подразумевал осознание данной проблемы на уровне бытовых явлений, что подлежало разумной оценке и разрешению [1, с. 763].

Возникновение «вопроса о рабочих» Л.И. Величко трактовал в духе концепций консерваторов. Россия, как указывал автор «Русского вестника», представляет собой государство аграрное. Фабрично-заводская промышленность в России насаждалась по большей части искусственно, не всегда осторожно, часто неудачно. Процент фабричных рабочих по отношению ко всему остальному народонаселению, писал Л. И. Величко, является незначительным, состав этих рабочих непостоянен, а фабричная работа для многих из них представляет собой не специальность, а отхожий промысел. Сущность «вопроса о рабочих», по мнению Л.И. Величко, составляла совокупность проблем, на которые должна обратить внимание прежде всего верховная власть. К данным проблемам Л.И. Величко относил проблемы жилища, физической и духовной пищи, развлечений и вообще «… склада жизни в рабочее и свободное время». Он заострял внимание на том факте, что русский рабочий по своей натуре, в душе является деревенским человеком, волевые центры которого слабеют и гибнут от городской жизни, превращающей его, таким образом, в босяка [2, с. 246-250].

Все это, по мнению публициста, делает рабочих весьма податливыми по отношению «…ко всякого рода внушениям», под которыми понимались различного рода социалистические учения. Решение же социально-бытовых проблем, составляющих суть «вопроса о рабочих», по мнению автора, должно было идти сверху, а не из самой рабочей среды. Регулятором экономических отношений, как писал Л.И. Величко, может быть только государство с неограниченной монархической властью [2, с. 260].

Быстрое формирование фабрично-заводского пролетариата и развитие рабочего движения привели к тому, что восприятие консерваторами рабочего вопроса начинает постепенно меняться. «Московские ведомости» в 1903 г. отмечали, что вопрос об упорядочении отношений между трудом и капиталом составляет серьезную задачу всех современных государств, обладающих широким развитием промышленности. По мнению «Московских ведомостей», этот вопрос является весьма важным не только в экономическом,

но и в политическом отношении, так как «… от способа решения его зависит группировка общественных сил и дальнейшее направление их совместной деятельности в общегосударственных интересах» [17, с. 1]. «Русский вестник» также соглашался с тем, что необходимо заботиться о нуждах народной массы, благополучие которой составляет силу государства [3, с. 121].

В 1904 г. в «Гражданине» была опубликована статья под названием «Рабочий вопрос во всей горечи его бытия», в которой был представлен обновленный взгляд журнала как на особенности формирования российского класса наемных рабочих, так и на существо рабочего вопроса. В статье отмечалось, что рабочих дает крестьянская среда, и, по мнению автора статьи, сам пролетариат существует лишь в сельской местности и представляет собой совокупность наемных сельскохозяйственных работников. «Рабочий вопрос», по мнению автора статьи, был актуален прежде всего для землевладельцев, которые прибегали к применению труда такого рода пролетариев. Автор указывал на то, что в работники идут больше неудачники по своему хозяйству, то есть те, кто не обладает свойствами «…хороших, честных, трудолюбивых людей» [14, с. 1]. И страдает в данном случае от пролетария прежде всего хозяин, несущий убытки от недобросовестности «… избаловавшегося рабочего люда» [14, с. 1]. В целом автор статьи признавал незавидным положение именно предпринимателя, но не работника. Он указывал на то, что землевладельцы, нанимая рабочего на год и соответственно оплачивая его труд, пользуются услугами наемных работников от силы шесть месяцев в году, в период ведения земледельческих работ. В зимнее же время наемные рабочие практически ничего не делают, тем не менее получая заработную плату. В таких условиях, по мнению автора статьи, нельзя говорить об эксплуатации, и, следовательно, рабочий вопрос просто не имеет почвы для своего появления [14, с. 1].

После революции 1905–1907 гг. «Гражданин» продолжал считать, что западноевропейский термин «пролетариат» вообще неприменим к русским рабочим. По мнению журнала, «пролетарий» для рабочего «… кличка неподходящая и даже обидная… Человек, который живет личным трудом, имеет от него заработок, это уже не пролетарий, а производитель труда и собственник наживаемого трудом. Он может стать пролетарием, когда перестанет трудиться, но и из таких далеко не все обращаются в пролетариев… Бездомный, бесхозяйный, забросивший труд, не ищущий его или случайно только берущий ту или иную работу, а затем вновь бросающий ее – вот кто уже вступает в пролетариат» [9, с. 5].

После первой русской буржуазно-демократической революции взгляды консерваторов на сущность рабочего вопроса претерпели определенные изменения. Возникновение рабочего вопроса в странах Западной Европы в целом и в России в частности консервативная публицистика после 1907 г. датировала уже XIX веком. Лев Тихомиров в статье «Рабочие и государство (к эволюции рабочего вопроса)», изданной 1908 г., писал о том, что данный вопрос неизменно шел рука об руку с революциями, потрясавшими государства, и социализмом, потрясавшим основы человеческого общежития. Рабочий вопрос понимался Тихомировым как вопрос о положении трудящихся, который, как писал Тихомиров, был «…стар, как мир» [16, с. 1]. О труде, возможностях его обеспечения, указывал Тихомиров, человек стал думать с тех пор, «…как начал есть и пить».

Тихомиров отождествлял рабочий вопрос и рабочее движение. Сами рабочие, писал Тихомиров, отождествили свое дело с социалистической революцией, такой же взгляд на рабочий вопрос охватил и другие классы, а результатом этого стала взаимная ненависть всех классов, населявших буржуазные государства [16, с. 1]. Приток рабочих в центры производства изменил саму социальную структуру общества. В промышленных центрах рабочие находили жизнь, дающую заработки, но лишенную, как писал Тихомиров, «…всякого внутреннего устройства». Общая

неустроенность усугублялась тем, что закон и правительство отказывалось вмешиваться в отношения нанимателей и рабочих, то есть отказывалось от того, чтобы помогать рабочим. Следствием этого, по мнению Тихомирова, стало возникновение у рабочих идеи самим встать на место государства. Так возникло и стало развиваться рабочее движение, усугубляющее рабочий вопрос [16, с. 1].

«Гражданин» в послереволюционный период отмечал, что рабочий вопрос в нынешней России является вопросом «…с бредом…» и осложнениями, а виновниками такого положения называл социал-демократов, которые привнесли, по мнению журнала, в рабочий вопрос много искусственного. Главная причина, писал «Гражданин», заключалась в том, что социал-демократическая доктрина была сочинена не на основе изучения рабочего вопроса в России, а заимствована в других странах, где положение рабочего совсем иное. Вторая беда, писал «Гражданин», заключается в том, что «…сочинители оказались невежественными, неспособными отнестись к читаемым ими брошюрам и книжкам с необходимою при этом критикой». Еще большее осложнение рабочего вопроса было вызвано тем, что за него ухватились революционеры, трудовики, анархисты, и попытались использовать его в годы революции в своих целях. Журнал подчеркивал, что при этом они исходили не из интересов рабочих, – для них рабочий был нужен, чтобы превратить его в члена боевой дружины и использовать для революции. Итогом этого, писал «Гражданин», стало то, что многие из заводов, фабрик и других промышленных заведений закрылись, на других сократилось количество рабочих рук, и в результате появились тысячи безработных.

Публицисты «Гражданина» пропагандировали преимущества земледельческого труда перед фабричным и заводским трудом, считая, что сама работа на промышленных предприятиях своим характером способствует развитию алкоголизма и распространению социалистических идей. В статье «Власть земли», напечатанной в 1908 г., была проведена параллель между условиями труда рабочих и их все возрастающей революционностью. По мнению «Гражданина», все утопии по переустройству жизни, террор и анархия, происходят исключительно из фабричной и заводской жизни, свидетельствуя о тяжести такой жизни и такого труда. Поэтому надо всемерно стремиться к тому, чтобы земледельческий труд снова стал приоритетным видом труда для населения России. «Россия…, – писал журнал, – ….благодаря своему пространству, самим Богом предопределена к высшему человеческому труду, то есть к земледелию» [18, с. 4].

Таким образом, как показывает анализ консервативной прессы, в начале XX в. взгляды консерваторов на особенности формирования пролетариата и сущность рабочего вопроса в России претерпели значительные изменения. На рубеже веков представители консервативного направления не считали пролетариат особым классом и, следовательно, отрицали наличие рабочего вопроса в России. В начале XX в., до начала революции 1905-1907 гг., некоторые представители консервативного направления начинают осознавать, что положение фабрично-заводских рабочих в России является тяжелым, но при этом еще не считали данную проблему серьезной. Главной причиной существующих негативных сторон жизни российских рабочих, которые и приводили к проявлениям недовольства с их стороны, консерваторы считали хищническое отношение к ним со стороны предпринимателей, и призывали государство к большему вниманию в урегулировании отношений между этими двумя классами.

Но после революции консерваторы признали, что государство не заботится о рабочих с достаточной необходимостью, применяя только полицейские меры, считая это причиной революционных потрясений. Очевидно, что консервативно-охранительная печать стремилась привлечь внимание к рабочему вопросу для того, чтобы стимулировать его решение самодержавием в духе традиционного монархического патернализма, с добавлением некоторых элементов совре-

менного времени, например таких, как социальное страхование. При этом консерваторы преследовали следующую цель: поставить рабочих под контроль правительства и церкви, не допустить еще большего распространения в рабочей среде социалистических и революционных идей. Будет ли данный замысел воплощен в жизнь, зависело, в свою очередь от того, насколько быстро самодержавие станет решать рабочий вопрос с помощью издания соответствующих правительственных законодательных актов, финансирования социально-культурных программ и других аналогичных мер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Величко Л.И. Вопрос о рабочих // Русский вестник. – 1903. – № 8.
2. Величко Л.И. Вопрос о рабочих // Русский вестник. – 1903. – № 11.
3. Величко Л.И. Русские речи // Русский вестник. – 1902. – № 5.
4. Власть и народ // Московские ведомости. 21.03.1903. – № 80.
5. Грабельников А.А.. История российской журналистики XVIII–XIX веков. – М.: Изд-во МЭГУ, 1995. – 172 с.
6. Есин Б.И. История русской журналистики XIX века. – М.: Аспект-пресс, 2003. – 287 с.
7. Иванюшенков И. Гражданские рабочие дружины // Гражданин. – № 16.
8. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» 1884 года. – М.: Изд-во С.П. Катковой, 1898. – 680 с.
9. Летописец. Рабочий вопрос // Гражданин. – 1908. – № 15.
10. Лукьянов Б.В. Рабочий вопрос в русской дворянской и буржуазной политико-экономической литературе последней четверти XIX века // Вопросы истории. – 1960. – № 5. – С. 103-118.
11. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 238 с.
12. Мещерский В.П. Дневники // Гражданин. – 1904. – № 29, №33. – С. 34.
13. Прямой путь. – 1912. – № 2.
14. Рабочий вопрос во всей горечи его бытия // Гражданин. – № 112.
15. Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции. – Л.: Изд. ЛГУ, 1981. – 190 с.
16. Тихомиров Л.А. Рабочие и государство (к эволюции рабочего вопроса) // Россия. – 1908. – № 771.
17. Фабричные старосты // Московские ведомости. – 1903. – № 217.
18. Ярмонкин. Власть земли // Гражданин. – 1908. – № 88.

УДК 519.24

Плюйко Д.В., Трофимов А.В.
Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

D. Plyuyko, A. Trofimov
The Ural State University of Economics, Yekaterinburg

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SOCIAL CONFRONTATION DURING THE CIVIL WAR ON THE TERRITORY OF SIBERIA IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс становления и развития научных взглядов современных историков на проблемы социального противостояния периода Гражданской войны в Сибири. Авторы изучают концептуальные подходы и конкретные результаты исследований современных историков и анализируют влияние социально-экономических и политических сфер жизни общества на динамику применения насилия. В настоящее время оценка процессов социального противостояния приобретает особую значимость, так как позволяет выявить причины возникновения гражданских войн современности.

Ключевые слова: социальное противостояние, «белые» правительства, историография, террор, Гражданская война.

Abstract. The article dwells upon the process of establishment and development of the contemporary historians' scientific approach to the issues of social confrontation during the Civil War in Siberia. The authors analyze the conceptual approaches and the concrete results of the contemporary historians' researches. They analyze social-economic and political spheres influence on the violence dynamics. Today the assessment of social confrontation processes acquires particular importance as it helps to disclose the causes of the modern civil wars.

Key words: social confrontation, the "white" governments, historiography, terror, the Civil war.

Происходившие во второй половине 1980-х гг. в нашей стране «тектонические изломы и сдвиги» проявлялись во всех сферах общественной жизни. В исторической науке именно в это время появляются заметные «трещины» в «здании» советской историографической традиции, обнаруживаются «белые пятна» и «черные дыры» в сотканной к этому времени «ткани» исторического повествования, складываются условия для методологической, источниковой, историографической «революций». Особенно это касается тематики и проблематики отечественной истории XX в., в частности, происходит концептуальное переосмысление событий и возникают новые сюжетные линии, посвященные Гражданской войне. Многие исследователи Гражданской войны в Сибири, которые занимались тогда изучением процессов социального противостояния и сопутствующих им «белого» террора правительств «демократической» контрреволюции и адмирала А.В. Колчака, меняют традиционный для советской историографии стиль изложения и подачу фактического материала. Научные поиски происходят в непростых условиях обострения социальной напряженности, чреватой новыми потрясениями на рубеже 1980–1990-х гг., что актуализирует поиск в прошлом крупиц бесценного исторического опыта и рецептов, позволяющих избежать трагических ошибок, извлечь горькие уроки и не допустить повторения национальной катастрофы в результате глубоко-

© Плюйко Д.В., ТрофимовА.В., 2012.

го социального противостояния, пережитого Россией в XX в.

После распада СССР сложились новые институциональные рамки для отечественной исторической науки, она становится многоконцептуальной, в ней стали сосуществовать различные (порой, полярные) тенденции. Одна часть историков постоянно инициировала процессы неприятия и отрицания всего массива трудов, созданных в русле советской историографии, поскольку написаны они были с политико-идеологических позиций победившей в Гражданской войне стороны, через призму которой рассматривались и оценивались события революционной эпохи. Другая часть современных исследователей, используя возможности, появившиеся с открытием недоступных ранее архивных фондов (пусть даже оказавшиеся весьма ограниченными), попыталась сопоставить интеллектуальный «багаж» советской историографии, созданный в «ненормальных», с точки зрения свободного развития науки, условиях, со ставшими доступными документальными источниками. В течение двух последних десятилетий историки, главным образом российские, сделали достоянием гласности широкий круг исторических источников и материалов, которые служат основой для уже опубликованных и еще ведущихся исследований. Некоторые темы из истории Гражданской войны оказались в центре наиболее пристального внимания. К ним следует, прежде всего, отнести тему «красного» террора, противостояния власти и крестьянства, а также тему механизмов принятия решений на высшем уровне у большевиков и «белых» правительств Сибири и Юга России. Благодаря усилиям А.Л. Литвина и В.И. Шишкина впервые были подведены количественные итоги потерь за весь период Гражданской войны [15; 26; 27; 28]. Российский исследователь В.П. Данилов и итальянский А. Грациози проанализировали характер противоречий между режимом власти Советов и крестьянством. Современные исследователи обратили также внимание на изучение теоретических аспектов в понимании феномена насилия периода Гражданской войны в целом и террора в частности [4; 5; 6].

Опубликованные в последние годы теоретические и конкретно-исторические работы позволяют осуществить историографический анализ с целью определить, что обусловливало эскалацию насилия и распространение террора на востоке России в условиях Гражданской войны, начиная с 1918 г., в чем специфичность этих явлений в Сибири.

Как известно, постоянными спутниками социального противостояния и основными методами подавления социальных конфликтов в период Гражданской войны являлись террор и политические репрессии. Эти взаимосвязанные и взаимообусловленные явления на уровне понятий прочно вошли в инструментарий гуманитарного знания (в частности, политологии) достаточно давно. Тогда как только в 1990-е гг. появились работы отечественных историков, которых интересовал вопрос о том, кто первый начал организацию террора и в какой степени несет за него ответственность, какая из сторон проводила его более масштабно и системно [7; 15; 19; 21]. По справедливому замечанию В.М. Рынкова, исследователи довольно подробно изучили лишь фактологическую сторону проблемы, но, к сожалению, не подошли к пониманию ее сущности [22, с. 59].

Обратившись к содержательной стороне понятий террора и политических репрессий, существующих в современном гуманитарном дискурсе, отметим, что, как правило, под террором понимаются либо насильственные действия экстремистских групп, выражающиеся в организации взрывов, поджогов и т. д., с целью запугать население города или страны, либо контролируемое насилие со стороны органов государственной власти с целью подавления в обществе любой оппозиции. Террор как контролируемое насилие власти рассматривала еще известный американский политолог Х. Арендт, занимаясь изучением тоталитарных режимов. Она пришла к выводу, что террор являлся своеобразным орудием осуществления тоталитарной законности [31]. Террор в условиях диктатуры, по

мнению Х. Арендт, выбирает свои жертвы безотносительно к их индивидуальным действиям и мыслям. Теряют всякий юридический смысл понятия вины и невиновности, поэтому: «Евреи и кулаки обрекались на смерть не из-за своей способности что-то совершить или мыслить, а из-за того, кем они являются на самом деле» [31, с. 19].

Такая позиция широко используется в отечественной либеральной историографической традиции. П.А. Кабанов в связи с определением понятия террор использует термин «тоталитарная преступность» для обозначения преступной деятельности государства по отношению к населению [12]. Под тоталитарной преступностью он понимает «совокупность организованных уголовно наказуемых деяний, совершенных высшими должностными лицами государства, направленных на ущемление прав и свобод граждан, социальных, религиозных, этнических, национальных групп, политических партий с использованием насилия или угрозы его применения с помощью государственных институтов власти» [12, с. 363]. Все эти характеристики, по мнению П.А. Кабанова, вполне могут подходить для определения взаимоотношений между гражданином и властью партии большевиков, которая законодательно оформила свое право на насилие в различных сферах общественной жизни.

Для В.П. Емельянова, рассматривающего различные формы проявления политического террора, очевидно, что «понятие террор олицетворяет собой акции массового физического, психического, идеологического насилия, осуществляемого общественно-политическими структурами, обладающими неограниченной властью над находящимся в их поле деятельности социальным контингентом» [8, с. 65].

Отметим, что вышеназванные точки зрения в большей мере касаются террора в условиях сформировавшейся диктатуры, но таковыми в полной мере не являлись ни «белые» правительства Сибири, ни большевики. В данном контексте важной проблемой является адекватное понимание собственного субъективного отношения и восприятия террора и репрессий государственными деятелями советской России и «белого» движения Сибири. Иначе трудно выяснить меру ответственности государства за распространение террора в стране. Для этого необходимо знать степень спланированности и организованности террористических и других репрессивных акций.

Партия большевиков первой употребила понятие террора, издав соответствующий декрет, где органами ВЧК санкционировалось проведение террора против приверженцев «белой» идеи. Антибольшевистские силы тоже издавали соответствующие указы, которые наделяли армию правом преследования оппозиции. Подчеркнем, что в годы Гражданской войны противоборствующие стороны объясняли свой террор как временную меру, необходимую для того, чтобы установить спокойствие в обществе, где полыхали острые социальные конфликты. Как «белые», так и «красные» часто обвиняли друг друга в том, что насильственные действия происходили или по прямому приказу руководства противника или при его попустительстве. Причем не учитывалось обстоятельство инициативы местных органов или вспышки насилия со стороны гражданского населения. Попытка объяснить террор социальным и моральным кризисом в обществе в период революции была предпринята В.П. Булдаковым. Он собрал выразительные свидетельства, позволившие выдвинуть и обосновать тезис об истероидно-параноидальном характере вспышки насилия [2].

Историк М. Левин, подводя итоги Гражданской войны в России, полагал, что террор как «красных», так и «белых» был деструктивной силой общества и использовался как средство «парализовать реальных и потенциальных врагов путем вселения в них страха» [14, с. 259]. По его мнению, кризис, который охватил все стороны жизни общества, нарушил человеческую психику настолько, что террористические действия воспринимались как обычное явление. Современные исследователи справедливо отмечают, что кроме

насилия «белой» или «красной» власти имело место и насилие так называемой третьей силы. На территории Сибири она была представлена атамановщиной, а на Украине и Юге России наиболее масштабно – махновщиной [29].

Важным для современной отечественной историографии является вопрос о восприятии событий Гражданской войны населением. Возникновение процессов социального противостояния в значительной степени зависело от осознания человеком своего места в расколе общества на противоборствующие лагеря. После прихода к власти большевиков символическое содержание Гражданской войны значительно расширилось. Она объединяла мифы о начале нового этапа истории, законном насилии, справедливой войне и о светлом коммунистическом будущем. Образы Гражданской войны «красных» и «белых» были поразительно сходны, являя собой полярно-зеркальное отражение. Представители обеих сторон социально-политического и идеологического конфликта безжалостно и бескомпромиссно раскалывали картину мира на силы добра и зла, славя и героизируя собственную партию и демонизируя противника. Различные представления о прошлом были радикально противопоставлены настоящему. Все воюющие партии объявляли Гражданскую войну народной и объявляли себя в качестве единственного представителя или трудящихся классов, или всей российской нации.

Итальянский историк А. Грациози высказал мысль о том, что в России после Первой мировой войны были невероятно обострены все социальные отношения [4]. Главное противоречие имело место между крестьянством как основной социальной группой и правящими классами. Крестьяне перестали платить налоги и начали черный передел земель, они сжигали и грабили помещичьи имения. В данном контексте это был большевизм крестьян-солдат и крестьян-рабочих, он (этот большевизм) был истинным, поскольку исходил не столько от главных идеологов этого политического направления, а от непосредственных миллионов участников событий той эпохи, ежедневно творивших историю.

Важным направлением современной историографии Гражданской войны является тематика исследования процессов образования государства «белых» в Сибири. По оценкам современных историков, заметную роль в этом процессе играли факты насилия и террористических действий со стороны официальных органов власти.

Ключевыми работами по данной тематике стали труды С.П. Звягина, посвященные методам работы правоохранительных органов правительства Колчака [9; 10]. В них выявляется структура правоохранительных органов антибольшевистских правительств на востоке страны, определяется правовой статус данных органов, исследуется их место в системе власти. С.П. Звягин обращается также и к проблеме «белого» террора. Он, в частности, утверждает, что именно специфика судопроизводства времен Гражданской войны вызвала к жизни военно-полевые суды [9, с. 34]. Как известно, в советской историографии 1960–1980 гг. давалась негативная оценка деятельности этих судов. Звягин считает, что деятельность военно-полевых судов еще нуждается в специальном исследовании, тем не менее, первичный анализ позволяет поставить под сомнение традиционные оценки, дававшиеся советской историографией [9, с. 32]. По мнению С.П. Звягина, далеко не всегда военно-полевыми судами выносились смертные приговоры, среди подсудимых довольно часто были лица действительно виновные в воинских преступлениях. Вполне уместным, по мнению историка, было и создание таких судов, так как они были призваны бороться с подстрекательством большевиков в армии, поскольку известно, что именно различные агитаторы, в частности большевистские, постоянно создавали в военных частях обстановку социальной нетерпимости, подговаривая солдат перейти на свою сторону.

Еще один вид чрезвычайных органов власти «белых» правительств, по мнению С.П. Звягина, – это следственные комиссии. Задачами этих комиссий было расследование

причастности того или иного лица к антиправительственной деятельности. Причем следственные комиссии могли заниматься только поиском доказательств вины подозреваемого, тогда как судьбу лиц, задержанных комиссиями, должен был решать суд, сформированный Учредительным собранием. По оценкам советской историографии, следственные комиссии правительств «демократической контрреволюции» совершили массу ошибок, которые выразились в массовых казнях и арестах сторонников Советской власти [20, с. 213]. С.П. Звягин соглашается с этой точкой зрения и пишет, что причиной ареста в 80% случаев были подозрения в «большевизме» [9, с. 34]. Подозрения в связи с большевиками во время Гражданской войны трактовались весьма широко, под определение «связи с большевиками» мог подойти человек, который неисправно вносил плату за квартиру. Звягин указывает на факты незаконных расправ участников следственных комиссий над подозреваемыми. Подобных расправ, по мнению историка, было довольно много, и это позволяет говорить о существовании карательной тенденции в деятельности следственных комиссий. Данные карательные тенденции, как считает историк, могли свидетельствовать о том, что если правительства «демократической контрреволюции» пытались уйти от применения мер насилия и террора, то правительство адмирала Колчака прибегало к ним очень часто.

В монографии А.Я. Малыгина и М.М. Степанова рассматриваются некоторые особенности функционирования правоохранительных органов сил контрреволюции [16]. Авторы считают, что правительства «демократической контрреволюции» в Сибири испытывали большие сложности при организации судебного аппарата, что нашло свое отражение в плохом исполнении законов, повсеместном нарушении прав граждан. Приводя примеры многочисленных крестьянских выступлений в Западной Сибири, историки дают понять, что правительство адмирала Колчака вынуждено было ввести смертную казнь в прифронтовой полосе 14 сентября 1918 г. По их мнению, уголовная политика при Колчаке была ужесточена, это нашло свое отражение в нормативно-правовых актах правительства. Например, 11 февраля 1919 г. Совет министров принял постановление о предварительных и внесудебных арестах, по которому органы милиции могли задерживать любого человека на две недели по подозрению в антигосударственной деятельности и принадлежности к большевизму. К организованной преступности были отнесены все партизанские выступления. По мнению А.Я. Малыгина и М.М. Степанова, внесудебные репрессии были одной из основных причин поражения «белых» правительств Сибири в Гражданской войне. Данные репрессии были основным дестабилизирующим фактором жизни общества эпохи Гражданской войны. Но самое главное, по мысли исследователей, заключается в том, что «белые» правительства не делали кардинальных подвижек в направлении поиска согласия между основными противоборствующими сторонами.

Современными историками Гражданской войны была затронута важная тема мятежа чехословацкого корпуса. Известно, что солдаты и офицеры корпуса вызвали к жизни различные подпольные монархические организации, а также способствовали нагнетанию социального противостояния. Историческое исследование Б.Н. Недбайло и историографическое А.Н. Валиахметова, посвященные чехословацкому корпусу, выявили наиболее актуальные темы социального противостояния в Сибири [3; 18]. Одной из таких тем была роль военнослужащих чехословацкого корпуса в начавшихся военных действиях на территории Сибири. А.Н. Валиахметов особое внимание уделил творчеству первых советских историков. Он рассматривал его как научно-методологическую базу всех последующих научных изысканий. Анализируя взгляды ученых на проблему мятежа чехословацкого корпуса, историк выявил наличие как минимум трех точек зрения на эту проблему. По мнению А.Н. Валиахметова, эти представления можно представить следующим образом: 1. участие чехословацких военных в событиях

революции и Гражданской войны было абсолютно негативным, так как они использовали методы террора по отношению к гражданскому населению; 2. присутствие чехословацкого корпуса позволило «белым» правительствам на начальном этапе удержать внутриполитическую ситуацию в Сибири от масштабного хаоса; 3. действия чехословацких военнослужащих имели свои положительные и отрицательные стороны [3, с. 17].

Проблемы социального противостояния были подняты историками, занимающимися историей сибирского казачества в период Гражданской войны. Исследования А.Е. Богуцкого, В.А. Шулдякова, В.В. Исаева и М.Г. Тарасова в полной мере показали, насколько серьезной была проблема социального выбора для сибирского казачества [2; 30; 11; 23].

В работе М.Г. Тарасова, посвященной истории казачества периода революции, раскрываются основные причины возникновения социального противостояния енисейского казачества, с одной стороны, и советской власти, с другой [23]. Основывая свое исследование на широком архивном материале, ученый приходит к мнению, что енисейское казачество, заинтересованное, во-первых, в сохранении за собой земельной собственности, выступило против попыток разоружения и расформирования Красноярского казачьего дивизиона. Во-вторых, стремясь сохранить за своими формированиями особый государственный статус, енисейское казачество вступило в острый конфликт с властью Советов. По его мнению, в годы Гражданской войны основная часть енисейских казаков не без оснований была убеждена в том, что в случае победы большевиков все их земельные наделы будут перераспределены в пользу крестьян. Именно поэтому на территории Енисейской губернии возник «острый социальный конфликт, сложившийся к 1917 г. между казачьим и крестьянским населением губернии и вызванный неравномерным распределением земельных наделов» [23, с. 12]. В силу расхождений по поводу земельных наделов в Енисейской губернии, казачество, по мысли М.Г. Тарасова, столь ожесточенно в ходе всей Гражданской войны противостояло крестьянским партизанским отрядам. Не случайно поэтому, что «с установлением Советской власти на территории Енисейской губернии в начале 1920 г., положение оставшегося здесь казачьего населения резко ухудшилось» [23, с. 12]. Используя архивные фонды по истории деятельности большевистских карательных органов, исследователь констатирует, что «репрессии со стороны официальных органов и бывших партизан, зачастую выливались в прямой грабёж» [23, с. 14]. В свою очередь, практически полное политическое бесправие, а также тяжёлое экономическое положение привели енисейских казаков к массовому участию в повстанческом движении. Пик вооружённых антисоветских выступлений, по мнению М.Г. Тарасова, пришёлся на 1920–1922 гг., в ходе которых сибирское казачество как социальная группа практически прекратила свое существование.

Гражданскую войну как столкновение «двух диктатур» – большевистской и белогвардейской, рассматривает Г.А. Трукан. Анализируя методы проведения внутренней политики в годы Гражданской войны, он приходит к выводу, что политические режимы большевиков и всех «белых» правительств являлись почти идентичными. Идентичность политических режимов, по мысли Г.А. Трукана, обусловила их утопичность, и поэтому крушение представлялось неизбежным в силу того, что они пользовались одинаковыми мерами подавления гражданского населения. Ученый отмечает, что идеи насилия у коммунистов и белогвардейцев всегда превалировали над программами по установлению законности и правопорядка. Именно насилие, по мысли ученого, «усиливало и закрепляло тенденцию тоталитарного развития нашего общества в качестве наиболее вероятной альтернативы» [24, с. 23]. На этой основе Г.А. Трукан уравнивает «белых» с большевиками в ответственности за «чертополох сталинского тоталитаризма» [24, с. 25]. Вместе с тем, как отмечает автор в своем исследовании, несмотря на имевшее место недовольство политикой антибольшевистских правительств

и существующие противоречия в настроениях масс, «эти массы охотно уселись за стол, накрытый большевиками социалистической скатертью. Лидеры антибольшевизма потерпели поражение, пытаясь оторвать массы от этого стола» [25, с. 124]. «Стол», в понимании Г.А. Трукана, представляли собой лозунги об отмене мобилизаций и свободного распределения земли, то есть такие, которые сразу бы привлекали к себе внимание значительной в количественном отношении и заинтересованной в этом части населения.

В заключение отметим, что современные историки, обращаясь к проблемам понимания сущности террора и политических репрессий, сумели создать (относительно к советской историографической традиции) целостное представление о феномене насилия периода Гражданской войны. Насилие времен Гражданской войны в России, по мнению исследователей, во многом проистекало из комплекса оказавшихся непримиримыми социально-культурных, политико-идеологических, экономико-хозяйственных противоречий, разделивших политические лагеря, армии, обычные семьи, когда брат воевал с братом, а отец с сыном. Именно поэтому столь велики были физические и духовные потери России в период 1917–1922 гг. Отечественные и зарубежные историки, размышляя о терроре периода Гражданской войны в России, вышли на понимание его трагической специфики, проявившейся, в частности, в многовекторности террора, когда, помимо официальных государственных структур, его применяют и обычные граждане.

Отличительной чертой современной историографии Гражданской войны является устойчивый интерес к сибирскому казачеству [30; 11; 13; 17]. Причем исследователи, занимаясь изучением положения сибирского казачества в годы Гражданской войны, постоянно обращались к важному вопросу этой большой темы – раскрытию основных причин социальных противоречий, как в самой среде казачества, так и в реакции казачества на управленческие решения большевиков или «белых» правительств.

Кроме того, у современных исследователей заметным становится стремление разобраться в причинах проведения органами власти правительств «демократической» контрреволюции политических репрессий и террора, как средств необходимых для разрешения социальных противоречий. При объяснении причин проведения политики «белого» террора современные историки акцентируют внимание на чрезвычайном и диктаторском характере управления как единственно возможном в условиях Гражданской войны. Занимаясь сравнением политических режимов советской республики и «белых» правительств, современные историки приходят к выводу, что жесткие меры управления в противоборствующих, лагерях были практически идентичными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богуцкий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг.: Автореф. дис. … к.и.н. – Абакан, 2007. – 22 с.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – 350 с.
3. Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917-1920): Историография: Авт. дис. … к.и.н. – Казань, 2005. – 23 с.
4. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933. – М., 2008. – 96 с.
5. Данилов В.П. Гражданское противостояние в России: сюжеты и итоги. – М., 2008. – 320 с.
6. Данилов В.П. Социальные отношения в годы Гражданской войны. – СПб, 2009. – 290 с.
7. Дзидоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. – Владикавказ, 2000. – 340 с.
8. Емельянов В.П. Терроризм как явление и как состав преступления. – Харьков, 1999. – 234 с.
9. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово, 2001. – 234 с.
10. Звягин С.П. Правоохранительная политика антибольшевистских сил на востоке России (1918-1922 гг.): Автореф. дис. … д.и.н. – Кемерово, 2003. – 40 с.
11. Исаев В.В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне: Автореф. дис. … к.и.н. – Барнаул, 2004. – 23 с.
12. Кабанов П.А. Тоталитарная преступность должностных лиц советского государства // Власть:

криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. – М., 2000. – С. 359-368.
13. Каминский Д. М. Хозяйство оренбургских казаков накануне и в годы новой экономической политики: Автореф. дис. ... к.и.н. – Челябинск, 1995.
14. Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994. – С. 257-265.
15. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – М., 2004. – 235 с.
16. Малыгин А.Я., Степанов М.М. Правоохранительные органы белых правительств. – М., 1998. – 310 с.
17. Мамонов Ю.В. Казачество Урала в период революций 1917 года и Гражданской войны: военно-политическая деятельность и государственное строительство: Автореф. дис... д.и.н. – Курган, 2000. – 43 с.
18. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): Историческое исследование. – М., 2004. – 140 с.
19. Петров Г.Н. Диалектика соотношения «красного», «белого» террора и террора интервентов в годы гражданской войны в России (1917–1920 гг.). – М., 2000. – 244 с.
20. Рощевский П.И. Гражданская война в Зауралье. – Свердловск, 1966. – 197 с.
21. Рыбаков А.М. Проблемы насилия и террора в Октябрьской революции и Гражданской войне: левоэсеровская альтернатива. – М., 1993. – 295 с.
22. Рынков В.М. Государство, личность, массы: террор и насилие в годы гражданской войны // Государство и личность в истории России. – Новосибирск, 2004. – С. 55-64.
23. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и в годы Гражданской войны. Автореф. дис… к.и.н. – Красноярск, 2010. – 23 с.
24. Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. – М., 2000. – 335 с.
25. Трукан Г.А. Была ли альтернатива большевистской власти? // Кентавр. – 1993. – № 5. – С. 121-134.
26. Шишкин В.И. Западно-сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2001. – С. 137-175.
27. Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://zaimka.ru/soviet/shishkin2.shtml. (Последнее обращение 10.03.2012).
28. Шишкин В.И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха [Электронный ресурс]. – URL: http://zaimka.ru/white/shishkin1.shtml. (Последнее обращение 10.03.2012).
29. Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Современные отечественные исследования. – Новосибирск, 2009. – С. 47-54.
30. Шулдяков В.А. Гибель сибирского казачьего войска. Кн. 1-2. – М., 2004. – 445 с.
31. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – New York, 1958. – 704 p.

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, Средних веков и Нового времени

УДК 94(4)«1492/1914»

Морозов Е.В.
Санкт-Петербургский государственный университет

КОНГОЛЕЗСКИЙ КРИЗИС 1894 г. ОБРАЗОВАНИЕ ФРАНКО-БЕЛЬГИЙСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО СОЮЗА

E. Morozov
Saint-Petersburg State University

THE CONGOLESE CRISIS OF 1894. THE FORMING OF THE FRANCO-BELGIAN COLONIAL UNION

Аннотация. В статье рассматривается Конголезский кризис 1894 г. – международное противостояние Франции, Великобритании, Германии и Бельгии (Конго) в борьбе за территории в Центральной Африке. Изучены англо-французские переговоры 1894 г. по урегулированию взаимных территориальных споров в Африке. Отдельно рассмотрена позиция в Бельгии в данном вопросе, которая сначала склонялась к альянсу с Англией, но потом заключила колониальный союз с Францией. Сделан вывод о том, что это соглашение стало первым краеугольным камнем формирующегося антибританского союза.

Ключевые слова: англо-французские отношения, Африка, Конголезский кризис, Бельгия, Судан.

Abstract. The article is about the Congolese crisis of 1894 – the international confrontation of France, the UK, Germany and Belgium (Congo) for territories in Central Africa. The author studies the Anglo-French negotiations on settlement of mutual territorial disputes in Africa in 1894. The article separately describes Belgium position in this question. It's stated that first it inclined to have an alliance with England, but then concluded the colonial union with France. The author concludes that this agreement became the first corner stone of the forming anti-British union.

Key words: the Anglo-French relations, Africa, the Congolese crisis, Belgium, Sudan.

Первая половина 90-х гг. XIX в. ознаменовалась ужесточением англо-французского колониального соперничества в Африке. Франция стремилась реализовать проект создания колониальной империи от Сенегала до Джибути, Англия – от Кейптауна до Каира. В этих условиях жесткое противостояние между двумя державами было неизбежно и произошло в

© Морозов Е.В., 2012.

1898 г. Важную роль в этих событиях сыграл так называемый Конголезский кризис 1894 г. – прелюдия Фашодского кризиса.

Соглашение 1890 г. о разделе сфер влияния в Африке не урегулировало египетский вопрос, соперничество Англии и Франции в Северо-Восточной Африке усиливалось. Потеря Верхнего Нила в результате махдистского восстания 1881–1885 гг. очень болезненно воспринималась в Великобритании и Египте. Вспомнили, что в «Хрониках Сарацинской империи» XIII в. рассказывалась легенда о том, как в конце XI в. король Абиссинии повернул вспять воды Голубого Нила, что вызвало наводнение в Египте. Неизвестно, так ли это было на самом деле, но верно, что в период средних веков правители Эфиопии неоднократно угрожали Египту подрывом системы его водоснабжения [20, с. 103-107]. Известный британский гидролог Г. Херст писал по этому поводу, что «повернуть Нил так же невозможно, как обратить Рейн в Адриатическое море» [9, с. 108]. Тем не менее, на Ниле можно было построить плотины для длительного накопления воды или поднятия ее уровня, что могло привести к проблемам водоснабжения Египта. Как писал молодой Уинстон Черчилль, «Нил связывает Судан с Египтом так же, как воздушная трубка связывает ныряльщика с поверхностью воды: стоит лишь перекрыть ее – и наступит удушье» [10, с. 118].

20 января 1893 г. французский инженер на египетской службе Виктор Про разработал специальный доклад на тему гидрографии Египта, в котором доказал возможность строительства дамб и плотин на Верхнем Ниле, с помощью которых можно было лишить Египет водоснабжения, или в случае необходимости вызвать в этой стране наводнение. Про замечал, что за пять-шесть месяцев в нильских водохранилищах можно собрать около 75 биллионов куб. метров воды; если затем открыть шлюзы, то египетская цивилизация будет уничтожена гигантским потопом. При этом было подсчитано, что конструкция одной лишь дамбы обойдется Франции в 500 тыс. франков [22, с. 71-116]. Доклад Про оказал заметное влияние на формирование французской и британской политики в Африке. Во Франции серьезно задумались над тем, чтобы вновь поставить перед Англией египетский вопрос. Едва ли этим проектам суждено было быть реализованными, но зато появилась реальная возможность оказать давление на Англию, поскольку подрыв водоснабжения Нила был серьезной угрозой британским экономическим интересам в Египте, где благодаря ирригации сбор хлопка с 1882 по 1896 гг. увеличился вдвое, а добыча сахарного тростника – втрое [4, с. 171-172].

В мае 1893 г. майор Л. Монтейль из французского министерства колоний был вызван к президенту С. Карно, который заявил ему, что «необходимо оккупировать Фашоду» и добавил, что эту идею выдвинул его старый друг по коллежу В. Про [17, с. 46]. По инициативе министра иностранных дел Т. Делькассе Монтейль разработал проект экспедиции к Белому Нилу. 5 мая 1893 г. министр объяснил майору, что Фашоду нужно оккупировать, опередить при этом бельгийцев и оказать давление на Англию угрозой подрыва египетского водоснабжения [20, с. 127]. Предполагалось, что такая экспедиция может получить поддержку и со стороны Эфиопии [23, с. 180-197]. В октябре 1893 г. проект пришлось отложить, ибо присутствие бельгийских солдат в Судане к северу от Убанги могло помешать его успешной реализации. Для осуществления своих планов Франции следовало сначала обеспечить благоприятную дипломатическую обстановку. 15 марта 1894 г. было подписано соглашение с Германией о разграничении Камеруна, по которому Берлин обещал не препятствовать Франции продвигаться к востоку от Экваториальной Африки. Монтейль полагал, что необходимо достичь соглашения и с Бельгией. В апреле министр иностранных дел Г. Аното безуспешно попытался привлечь Брюссель к переговорам [17, с. 46-47].

Ответным шагом Лондона стало заключение 12 мая 1894 г. соглашения с бельгийским королем, по которому Леопольд II, как сюзерен государства Конго, получил в пожизненную аренду западный берег Белого Нила,

регион к северу от озера Альберт в сторону Фашоды и к западу до 13° восточной долготы. Кроме того, Конго получило большую территорию в районе Бахр-эль-Газаль между 25-30° восточной долготы и 4-10° северной широты. В обмен на это Леопольд предоставил Англии узкий коридор шириной в 25 км от южного берега озера Альберт до северной оконечности озера Танганьика, по которому можно было проложить часть трансафриканской железной дороги Каир – Кейптаун [14, с. 578-580]. Таким образом, был создан бельгийский буфер против французского продвижения в долину Нила, а Англия получила сквозной путь вдоль Африки от Каира до Кейптауна. Для полной реализации этого проекта оставалось лишь захватить махдистский Судан. Как писал российский посол в Лондоне Е.Е. Стааль, «выгоды, приобретенные таким соглашением Англией, имеют для нее огромное значение… Приобретая узкую полосу между озерами Танганьика и Альберт-Эдуарда, Англия, не сходя с собственных территорий, может установить непрерывные сообщения, путевые и телеграфное…» [1, с. 258].

В Брюсселе прождали месяц, прежде чем объявить о соглашении. Это было сделано чтобы скрыть, что Леопольд уже договорился с англичанами перед тем, как начал переговоры с французами по тому же вопросу между 16 и 23 апреля [15, с. 225]. Когда об англо-конголезском соглашении было объявлено, в Париже разразилась буря. Вопрос широко обсуждался в Палате депутатов. Ситуация усугублялась тем, что тогда же стало известно и об англо-итальянских соглашениях. Ф. Делонкль огласил проект В. Про, заявив, что постройка плотин на Ниле «была бы достойна французского гения». Жаль только, прибавил депутат, что Про не держал свой проект в тайне и что в Британии стало о нем известно, и соответственно могли бы быть приняты ответные меры [20, с. 135]. Министр иностранных дел Франции Г. Аното заявил, что территория, которую Англия передала Конго в аренду, была отдана Египту турецким фирманом в 1892 г., стало быть, возможность изменения ее статуса должно обсуждаться в Стамбуле. Франция и Германия выразили протест против соглашения. В ответ на это в Лондоне заявили, что любая французская экспедиция к Белому Нилу может привести к англо-французскому конфликту. Аното ответил, что наилучшим способом избежать такого конфликта стало бы разрешение всех спорных вопросов еще до того, как такая экспедиция покинет Францию [17, с. 48-49]. Франко-британские отношения настолько ухудшились, что во время встречи Г. Аното с британским послом в Париже лордом Даффери-ном, последний даже заговорил об ультиматуме, который якобы уже лежит в кармане его сюртука [20, с. 137].

Германия сначала никак не прореагировала на соглашение от 12 мая. Лишь 24 мая в Берлине поняли, что германские интересы затронуты в достаточной степени, – британский коридор серьезно угрожал германской торговле к востоку от Конго, это и вызвало недовольство [16, с. 236-237; 19, с. 214]. Кроме того, в Германии полагали, что протест против договора можно использовать как удобную ступеньку к достижению договоренности с Францией в надежде на то, что франко-германское сближение поможет вынудить Англию пойти на уступки Германии на тихоокеанских островах Самоа [20, с. 137]. Статс-секретарь по иностранным делам А. Маршалль телеграфировал в Брюссель и заявил, что соглашение с англичанами несовместимо с нейтралитетом Конго. «Пусть, – прибавил он, – правительство Конго не принудит Германию сделать крайние выводы» [5, с. 246]. Леопольд выразил свою готовность всемерно идти навстречу германским пожеланиям, но считал возможным дать письменное согласие на перенесение полосы без предварительного согласования этого вопроса с Англией [3, с. 261]. Выступив против англо-конголезского соглашения, Германия рассчитывала, что, либо новый глава британского правительства лорд А. Розбери теперь заключит союз с Австро-Венгрией, чтобы умиротворить Берлин, либо французы, оценив значение франко-германского сотрудничества, откажутся от борьбы за возвращение Эльзаса и Лота-

рингии. Маршалль потребовал переноса переданной Англии полосы на 20 км от границы Германской Восточной Африки. Позиция Берлина все более ужесточалась. В Брюссель передали, что «если Государство Конго, вопреки своему нейтралитету, идет на то, чтобы содействовать агрессивной политике Англии в Западной (так в тексте – Е.М.) Африке, то Германия потеряет интерес к его существованию» [5, с. 243; 26, с. 246]. Итальянский посол в Лондоне предложил П. Гатцфельду свое посредничество в переговорах с английскими министрами, прося лишь сообщить ему конфиденциально, на какие компенсации готова идти Германия. Из Берлина ответили, что никаких компенсаций Германия не ищет, а стоит на почве договорного права, и дело самой Англии исправить правонарушение, а никакого посредничества со стороны Рима Германия не желает [5, с. 246]. Уже 29 мая Леопольд согласился отодвинуть полосу на 20 км от германской границы. Британский министр иностранных дел также признал, что граница Конго на основании берлинских актов не может быть изменена без согласия Берлина, и что обязательства, существующие между Конго и Германией в отношении этой приграничной полосы, останутся в силе и после передачи ее к Англии. Берлин под предлогом того, что предполагаемые территориальные изменения создадут помехи германско-конголезской торговле, намекал на компенсации. В этих условиях, чтобы изолировать Германию, британское правительство попыталось договориться с Францией по африканским вопросам, за исключением Египта. Тогда Германия сообщила Франции, что если бы последняя захотела созвать международную конференцию для решения африканских проблем, то Германия согласилась бы с ней, даже если бы на конференции был поставлен египетский вопрос [5, с. 243-245].

5 июня британское правительство подтвердило, что на основании берлинских актов 1885 г. граница между германскими владениями и Конго не может быть изменена, и что оно оставит в силе все условия соглашения, существующие между Конго и Германией в отношении пограничной полосы [16, с. 241; 3, с. 262]. Тем не менее, в Берлине не были удовлетворены и опасались, что германским владениям «будет угрожать опасность всестороннего окружения английскими территориями», и что это «вызовет нежелательные трения и может привести к тому же к сокращению торговли в этой зоне» [3, с. 262].

Соглашение от 12 мая было аннулировано в его решающей части, то есть в статьях, касавшихся аренды областей в Судане и 25-километровой полосы в Конго; в силе остались лишь пункты договора, определявшие южную границу государства Конго. Этого Франции и Германии было недостаточно. 9 июня французский парламент выделил 1800 тыс. франков на защиту интересов Франции в Африке. Монтейль получил командование над всеми французскими войсками на Верхнем Убанги, и 16 июля отплыл из Марселя с задачей изгнать бельгийцев из спорных районов [20, с. 139].

13 июня 1894 г. германский статс-секретарь по иностранным делам заявил французскому послу, что интересы Франции и Германии, конечно, во многом расходятся, но в Центральной Африке оба государства могут успешно действовать совместно. Г. Аното ответил, что он тоже доволен и надеется, что франко-германские отношения будут становиться все лучше и лучше [20, с. 139].

В ответ на это лорд Розбери вообще пригрозил порвать отношения с Тройственным союзом, «если Германия и впредь будет становиться на сторону Франции в колониальных вопросах» [8, с. 365]. Он прямо говорил австрийскому послу, что поведение Германии может заставить его пересмотреть всю английскую политику по отношению к Тройственному союзу, а сближение Германии с Францией наводит его на мысль, что имеются пункты, по которым и Англия смогла бы договориться с последней [5, с. 247]. Британский государственный деятель сэр Т. Барклэй назвал франко-германское единение в конголезском вопросе «одним из самых неистовых аспектов дипломатического жонглирования, когда-либо имевших место» [11, с. 155].

Опасность франко-германского сотрудничества по вопросу о созыве конференции и постановке во всей широте египетского вопроса казалась довольно реальной. Розбери интересовался, отступит ли Германия, если Англия откажется не от договора в целом, а лишь от статьи относительно аренды полосы. Берлин при посредничестве Австро-Венгрии в конце концов согласился на этот компромисс, и 17 июня англо-германский спор был улажен [5, с. 248]. Г. Аното предложил Англии обсудить проблему верхнего течения Нила, если будет расторгнут договор с Леопольдом II, но англичане хотели, чтобы Франция признала этот договор. Тогда Аното стал оказывать давление на Бельгию, где Свободное государство Конго было достаточно непопулярно [8, с. 367]. Министры Леопольда не стали поддерживать своего короля в его ссоре с французами. Король запросил Англию, решится ли она на войну с Францией, чтобы защитить соглашение. На заседании британского правительства лорд Розбери оказался под прицельным огнем коллег по кабинету, не желавших еще большего обострения кризиса [24, с. 332]. В результате британский министр иностранных дел лорд Кимберли согласился на пересмотр англо-бельгийского договора, причем Г. Аното потребовал, чтобы Леопольд отказался от аренды спорных территорий, что король и сделал 14 августа по совету своих министров [17, с. 48-49].

Таким образом, в то время как Германия одержала дипломатическую победу, Франция, договорившись с Леопольдом, получила материально выгодный раздел сфер влияния [13, с. 247-248; 5, с. 249].

17 июля 1894 г. итальянские войска оккупировали район Кассалы в Судане. При этом британское правительство заверили, что Италия не собирается наносить ущерба территориальным интересам Египта [7, с. 168]. Тем не менее, в Англии серьезно забеспокоились. Британский консул в Египете лорд Кромер писал, что итальянцы не должны активно действовать против халифа, поскольку опасался, что махдистское государство рухнет, и суданский вопрос будет открыт преждевременно. Для этого были серьезные основания: разведка доносила, что в стране свирепствует голод, растет коррупция, и все меньше населения поддерживает власть халифа Абдаллаха [24, с. 336].

Французская палата депутатов утвердила 1,8 млн. франков на укрепление французских позиций на Верхнем Убанги. Бельгия согласилась на переговоры с Парижем [6, с. 40]. Они привели к тому, что 14 августа 1894 г. Леопольд заключил колониальный союз с Францией, по условиям которого добился значительного расширения государства Конго на севере. Новая граница прошла по рекам Убанги и Мбому, а затем по водоразделу рек Нила и Конго до 30° в. д. от Гринвича. Леопольд обязался воздерживаться от территориальных захватов к северу от этой линии, к востоку дальше 30° в. д. и к северу дальше 5° 30’ с. ш. При этом он сохранял за собой возможность получить включенный в чужую территорию округ Ладо, уступленный ему ранее Египтом (фактически Англией) в пожизненную аренду, что давало выход к Верхнему Нилу [16, с. 242; 2, с. 119]. Соглашение открыло Франции путь к Нилу. Как писал австрийский посол в Берлине, «французский план состоит в том, чтобы пересечь огромный континент и поставить под удар британское могущество в долине Нила, и 14 августа в этом деле был осуществлен огромный шаг вперед» [16, с. 242].

Таким образом, Конголезский кризис 1894 г. показал, что Великобритания может оказаться перед лицом враждебной коалиции. Симптоматичным было и временное сближение Германии и Франции против Англии, поправшей их колониальные интересы в Северо-Восточной Африке. Оно показало, что вопрос о реванше не является единственной доминантой франко-германских отношений. Не собирался оставаться в стороне и бельгийский король Леопольд II, стремившийся к расширению Конго в северном направлении. Франко-бельгийское соглашение стало первым краеугольным камнем формирующегося антибританского союза.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гелла Т.Н. Английская либеральная партия и ее африканская политика в начале 90-х годов XIX века (в донесениях русских дипломатов) // Россия и Британия. Вып. 4. Связи и взаимные представления XIX–XX века. – М., 2006. – С. 250-262.
2. Дармштеттер П. История раздела Африки (1870–1919 гг.). – М., 1925. – 179 с.
3. Зусманович А.З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876–1894 гг.). – М., 1962. – 356 с.
4. Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. – СПб., 1902. – 215 с.
5. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. – М.; Л., 1960. – 705 с.
6. Субботин В.А. Французская колониальная экспансия в конце XIX века (Экваториальная Африка и острова Индийского океана). – М., 1962. – 167 с.
7. Трофимов В.А. Политика Англии и Италии в Северо-Восточной Африке во второй половине XIX в. (Эфиопия и Сомали). – М., 1962. – 204 с.
8. Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. – М., 1958. – 644 с.
9. Херст Г. Нил. Общее описание реки и использования ее вод. – М., 1954. – 328 с.
10. Черчилль У.С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897–1900. – М., 2004. – 560 с.
11. Barclay T. Thirty years: Anglo-French Reminiscences. – Boston, 1914. – 388 p.
12. Baumgart W. Imperialism. The Idea and Reality of British and French Colonial Expansion, 1880–1914. – Oxford, 1986. – 396 p.
13. Correspondance diplomatique du Baron de Staal. (1884–1900). – T. II. Paris, 1929. – 491 p.
14. Hertslet E. The map of Africa by Treaty. Vol. II. – London, 1909. – 580 p.
15. Holt P.M. The Mahdist State in Sudan. 1881–1898. A Study of Its Origins, Development and Overthrow. – Nairobi, 1977. – 302 p.
16. Hornik M.P. The Anglo-Belgian Agreement of 12 May, 1894 // The English Historical Review. – 1942. – Vol. LVII. – № 226. – P. 230-242.
17. Iiams T.M., jr. Dreifus, diplomatists and the Dual Alliance. Gabriel Hanotaux at the Que D'Orsay (1894–1898) // Études D'Histoire Économique, Politique et sociale. – 1962. – Vol. XLII. – P. 1-151.
18. Kanya-Forstner A.S. The Conquest of the Western Sudan. A study in French military imperialism. – Cambridge, 1969. – 354 p.
19. Kennedy P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914. – London, 1982. – 604 p.
20. Langer W.L. The Diplomacy of Imperialism. 1890–1902. – Vol. I. – N. Y.; London, 1935. – 420 p.
21. Lebon A. La Mission Marchand et le Cabinet Méline // Revue des Deux Mondes. – 1900. – LXX Année. Quatrième Période. – T. 158. – P. 423-456.
22. Prompt V. Le Sudan Nilotique // Bulletin de l'Institut Égyptien. – 1893. – Series III. – № 4. – P. 71-116.
23. Renouvin P. Les Origines de l'Expedition de Fachoda // Revue Historique. – 1948. – T. CC. – P. 180-197.
24. Robinson R. Gallagher J. Denny A. Africa and the Victorians. The Official Mind of Imperialism. – London, 1961. – 491 p.
25. Taylor A.J.P. Prelude to Fashoda: The Question of the Upper Nile, 1894–1895 // The English Historical Review. – 1950. – Vol. LXV. – № 254. – P. 52-80.
26. Willequet. J. Anglo-German Rivalry in Belgian and Portuguese Africa // Britain and Germany in Africa. Imperial Rivalry and Colonial Rule. Ed. by P. Gifford and W. R. Louis. – New Haven; London, 1967. – P. 240-252.

УДК 001(430)

Машкин М.Н.
Институт всеобщей истории
Российской Академии наук (г. Москва)

ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК В БЕРЛИНЕ

M. Mashkin
Institute of World History of RAS, Moscow

FROM THE HISTORY OF THE ACADEMY OF SCIENCES IN BERLIN

Аннотация. Статья посвящена истории Академии наук в Берлине. Автор отмечает, что Берлин-Бранденбургская Академия наук ведет свое историю от Общества наук, учрежденного курфюрстом Бранденбургским в 1700 г., по инициативе великого немецкого ученого Г.В. Лейбница. Общество наук было преобразовано в Прусскую академию наук, ставшую после Второй мировой войны Академией наук ГДР (1946-1991) Характеризуется история Академии наук, уделяется внимание и связям Академии с Российской академией наук.

Ключевые слова: Берлин-Бранденбургская академия наук, Прусская академия наук, Российская академия наук.

Abstract. The article is devoted to the history of the Academy of Science in Berlin. The author notes that Berlin-Brandenburg Academy of Sciences goes back to the Society of Sciences established by Brandenburg Prince Elector in 1700 on the initiative of the great German scientist G. Leibniz. The Society of Sciences was reorganized into Prussian Academy of Sciences which after the World War II became the GDR Academy of Sciences (1946-1991). The author characterizes the Academy of Sciences history, describes its links with the Russian Academy of Sciences.

Key words: Berlin-Brandenburg Academy of Sciences, Prussian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences.

В июле 2000 г. Берлин-Бранденбургская академия наук отметила свой 300-летний юбилей. В современной Германии Берлин-Бранденбургская академия наук, заново учрежденная в 1992 г., рассматривается в качестве преемника Прусской академии наук и поэтому носит название "Берлин-Бранденбургская академия наук (прежде Прусская академия наук) – Berlin-Brandenburgische Academie der Wissenschaften (vormals Preussische Akademie der Wissenschaften)".

В эпоху Просвещения в связи с бурным развитием науки в Европе возникают в различных странах общества ученых – академии наук. Великий немецкий ученый-энциклопедист Готтфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716) стал инициатором создания такого общества в Берлине. Идеи Лейбница об обществе наук нашли поддержку при дворе курфюрста Бранденбурга, 19 марта 1700 г. курфюрст Фридрих III одобрил это предложение и ll июля 1700 г. подписал составленный Лейбницем документ об учреждении и генеральную инструкцию Курфюршеского общества наук (Kurfürsterlich-Brandenburgische Sozietät der Wissenschaften). Лейбниц – духовный отец, организатор и первый президент Общества наук, применил опыт уже существовавших Королевского общества в Лондоне, основанного в 1662 г., и Королевской академии наук в Париже, основанной в 1666 г., членом которых он состоял. В связи с принятием курфюрстом титула короля Пруссии Фридриха I в 1701 г. название Общества было изменено на Королевское Прусское общество наук (Königlich-Preussische Sozietät der Wissenschaften).

В течение первого десятилетия Общество получило обсерваторию в Берлине и в нем стало 80 членов. Основная часть их была принята по предложению Лейбница, но значительное число являлось членами-корреспондентами (в прямом смысле этого слова) или иностранными членами и не принимало деятельного участия в работе Общества, которое представляло со-

© Машкин М.Н., 2012.

бой сообщество ученых, специалистов как естественных, так и гуманитарных наук. В 1710 г. был утвержден устав Общества, по которому оно состояло из 4 классов (отделений): 1) физики, медицины, химии, 2) математики, астрономии, механики и т. д., 3) разработки немецкого языка, 4) литературы. В том же году Обществом был издан сборник трудов "Miscellanea Berlinensia" (Bd. I), с 60 статьями по различным научным вопросам, 12 из них были написаны Лейбницем, который и являлся основным организатором исследований. В 1711 г Лейбниц. покинул Берлин, оставаясь до смерти в 1716 г. президентом Общества.

Особое место в деятельности Лейбница имели его связи с Россией и Петром I, с которым он неоднократно встречался. В генеральной инструкции Бранденбургскому обществу 1700 г. специально обращалось внимание на то, что Петр I "проявляет большой интерес к произведениям природы и искусства" и указывалось на необходимость связей с Россией, чтобы "от границ нашей страны вплоть до Китая можно было бы делать полезные астрономические, географические наблюдения, а также таковые, касающиеся народа, языка и обычаев, искусственных и естественных, неизвестных нам и присылать Обществу". В 1712 г. Лейбниц получил от Петра I чин советника юстиции. В своих письмах и докладных записках Петру I Лейбниц призывал производить научные исследования в России и создать в России академию наук, считая, что его научные планы могут быть осуществлены только в России.

Деятельность Лейбница сказалась в создании Императорской академии наук в С.-Петербурге, основанной в 1724 г., в составе которой ведущую роль играли немецкие ученые. В это время значение Академий наук в Париже, Лондоне и С.-Петербурге в научном плане было значительно большими, чем Общества наук в Берлине, которое в период правления короля-солдата Фридриха-Вильгельма I (1713-1740) по существу находилось в упадке, издавая только календари-справочники и напечатав пять небольших сборников своих трудов. Немецкие ученые того времени высоко ценили возможность работать в России, где "рай для ученых", как писал выдающийся математик, философ и физик Христиан Вольф (1679-1754), член Берлинского общества с 1711 г. и почетный член Академии наук в С.-Петербурге с 1725 г., тесно с ней связанный, Леонарду Эйлеру в 1727 г., когда тот направлялся в Петербург. Великий математик, швейцарец Леонард Эйлер (1707-1783) работал в Академии наук в Петербурге с 1727 г., в 1741 г. уехал в Академию наук в Берлине, в 1766 г. возвратился в Академию наук в Петербурге.

Король Фридрих II, "философ из Сан-Суси" реформировал Общество, основываясь на идеях французского Просвещения и по французскому образцу, и превратил его в 1743 г. в Королевскую Академию наук и литературы (Academie Royale des Sciences et Belles Lettres), с французским рабочим языком и французским математиком и физиком П.-Л. Моро де Мопертюи в качестве президента в 1746-1759 гг. В середине XVII в. в области естественных наук члены Академии внесли заметный вклад в развитие знаний. Академия наук имела постоянные контакты с учеными Европы. Особенно широкие связи были с Академией наук в Петербурге: происходил обмен сведениями по научным проблемам между учеными двух Академий, обмен публикациями, немецкие ученые участвовали в научных экспедициях в Сибири, а ученые из Петербурга, в том числе М.В. Ломоносов, в решении конкурсных задач на соискание премий в Берлине. Ряд немецких ученых в Академии как раз в России приобрели свой большой научный общеевропейский авторитет (например, ботаник и зоолог П.-С. Паллас или историк А.-Л. Шлёцер). Члены Академии в Берлине становились членами Академии в Петербурге и наоборот. Членом Академии в Берлине стала, в частности, Екатерина II, единственная женщина в составе Прусской академии до 1900 г.

Во время либеральных реформ в Пруссии подверглась реорганизации и Академия наук. Большую роль в этом сыграл великий немецкий ученый-географ барон Алек-

сандр фон Гумбольдт (1769-1859), ставший действительным членом Академии в 1805 г. Важнейшее значение при этом имели тесные связи Академии с основанным в 1810 г. Берлинским университетом, в создании которого неоценима была роль его брата, филолога Вильгельма фон Гумбольдта. Большинство членов Академии наук становились профессорами университета. Академия передала университету ботанический сад, лаборатории, обсерваторию и библиотеку и до 1945 г. не имела исследовательских учреждений. Важной формой деятельности членов Академии оставались доклады на общем собрании и на собраниях классов (отделений), где участвовали представители естественных и гуманитарных наук. Эти доклады публиковались. Классические древности (издание греческих и латинских надписей, сочинений Аристотеля и т. д.) играли видную роль в деятельности Академии, так же, как и вопросы германистики, в которой особенно значимой была работа члена Академии с 1840 г. Якоба Гримма. По уставу 1838 г. Академия стала называться Королевской Прусской академией наук в Берлине ("Königlich Preußische Academie der Wissenschaften zu Berlin").

Академия в Берлине по-прежнему имела связи с Академией наук в Петербурге по обмену изданиями и научной информацией. В 1829 г. с согласия Николая I Александр фон Гумбольдт был приглашен совершить путешествие по России, результаты которого сыграли видную роль в развитии географической науки. А. Гумбольдт прочитал доклад в Петербургской академии в апреле 1829 г., а после окончания путешествия в ноябре 1829 г. было проведено чрезвычайное заседание Академии.

После объединения Германии в 1871 г. Прусская академия наук среди других академий наук в Германии играет ведущую роль, большинство выдающихся немецких ученых, как представителей естественных наук, так и гуманитариев становились ее членами. Наряду с продолжением ряда проектов по изданиям источников, преимущественно в области гуманитарных наук, все более значительную роль с 60-х гг. XIX в. играло проведение научных экспедиций, в большей своей части носящих естественнонаучный характер, создавались комиссии, направляющие научную разработку некоторых проблем. Прусская академия наук вместе с другими академиями наук в Германии, в 1873 г. образовала Союз немецких научных организаций, которые осуществляли ряд общих проектов. Прусская академия наук находилась в контакте с академиями наук других стран. В 1899 г. на конференции в Висбадене была создана Международная ассоциация академий наук, куда вошли академии наук различных стран для осуществления мероприятий, имеющих общий интерес.

Прусская академия наук стала членом Ассоциации, в нее входила и Академия наук в Петербурге. Связи и контакты этих двух академий во второй половине XIX и в начале XX в. носили прежний характер (обмен научными публикациями и научной информацией). Например, видный русский историк, член-корреспондент Академии наук в Петербурге, профессор всеобщей истории Московского университета В.И. Герье, написавший ряд работ о Лейбнице, направил в Берлин изданный им "Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому"(С.-Петербург-Лейпциг, 1873).

По-прежнему ученые двух стран взаимно избирались в состав Академий. Так, с 1830 г. по 1914 г. в Прусскую академию наук было избрано не менее 25 ученых России.

В связи с 200-летием Прусской академии наук в 1900 г. Академия наук в Петербурге направила послание, где говорилось, что Академия в Берлине "будучи славна непрерывным рядом выдающихся сочленов, увеличила, продвинула вперед и расширила гуманитарные и естественные науки, и неутомимыми трудами проложила новые пути в столь многочисленных и столь великих дисциплинах". Это поздравление Академия в Петербурге адресовала "своей знаменитейшей старшей сестре, с давних пор соединенной с ней теснейшим образом и общностью и предметов занятий и общностью сочленов". В юбилейном собра-

нии Прусской академии наук принял участие ее член-корреспондент, знаменитый русский химик Д.И. Менделеев.

Во время Первой мировой войны в Прусской Академии регулярно проходили научные заседания, выходили издания Академии. Члены Академии не отличались по своим взглядам от большинства немецкой профессуры того времени, стоявшей на шовинистических позициях. Многие из них подписали, в частности, милитаристское "Обращение к культурному миру" от 4 октября 1914 г., одобрявшее войну и представлявшее германский милитаризм как спасителя культуры, и меморандум в июле 1915 г., где были сформулированы аннексионистские цели в войне. В 1914 г. Международная ассоциация академий наук распалась. После окончания войны Академии стран-победительниц образовали Международный академический союз для осуществления гуманитарных целей прежней Ассоциации и подготовки международных научных изданий. Но Академии побежденных стран были исключены из международного сотрудничества. Вне Союза осталась и Российская академия наук. В 1921–1922 гг. были восстановлены научные связи между Российской академией наук и Прусской академией наук, возобновился обмен научными изданиями. Научные реферативные и библиографические журналы Германии печатали материалы о состоянии естественных наук в СССР и эти журналы Прусской академией наук по сниженным ценам направлялись в СССР.

Во время празднования 200-летия Российской академии наук в сентябре 1925 г. делегация Прусской академии наук во главе с академиками М. Планком и Х. Лиднерсом была самой представительной иностранной делегацией. В своей речи Макс Планк прочитал на торжестве и адрес Прусской академии, где передавались самые сердечные поздравления "Российской Академии наук, которая в течение 200 лет с преданностью и славой вела работу по созданию нового центра для чисто исследовательской деятельности в огромном русском государстве". В адресе было подчеркнуто, что "имея почти столько же лет от основания, родственная Академия и в добрые и в плохие времена работала с ней в неизменно дружеском соревновании. Многочисленные далеко простирающиеся идеи вынашивались и созревали в них сообща, воплощаемые такими личностями, как Готфрид Вильгельм Лейбниц и Леонард Эйлер, имена которых еще сегодня светятся в мире в неубывающем сиянии. Да сохранятся эти счастливые взаимоотношения и в будущем как основа и надежная порука для достижения дальнейших успехов в горячем стремлении народов к овладению сокровищами чистого познания". После возвращения из СССР М. Планк заявил в Берлине, что сотрудничество с учеными в СССР является насущной необходимостью. Научные связи Академий укрепились. Члены двух Академий наряду с другими учеными участвовали в 1927 г. в Берлине в проведении как Недели русской науки, так и Недели русских историков с докладами ученых из СССР, а в 1928 г. в совместной немецко-русской Алтайско-Памирской экспедиции. В состав Прусской Академии наук членами-корреспондентами были избраны академик-индолог С.Ф. Ольденбург и академик-физик А.Ф. Иоффе, а ряд членов Прусской академии были избраны членами-корреспондентами и почетными членами в Академию наук СССР, в том числе физики М. Планк, А. Эйнштейн и М. Борн, филологи М. Фасмер, У. Вилькен, У. фон Вилямовиц-Мёллендорф.

С приходом Гитлера к власти в Германии сотрудничество двух Академий фактически прекратилось.

После Второй мировой войны возобновляются связи между Академиями наук СССР и Академией наук в Берлине. 1 июля 1946 г. по приказу Советской Военной Администрации была открыта на базе Прусской академии наук Германская академия наук в Берлине (с 1972 г. Академия наук ГДР).

Академия наук ГДР, восприемница Прусской академии наук, строилась по образцу Академии наук СССР В ее составе создавались научно-исследовательские институты. Между двумя Академиями было налажено

тесное сотрудничество, которое осуществлялось в условиях холодной войны и конфронтации двух германских государств.

После воссоединения Германии согласно Объединительному договору от Академии наук были отделены все научно-исследовательские институты (в 1990 г. в АН ГДР было 60 институтов), но Академия наук просуществовала до конца 1991 г. В 1992 г. члены Академии наук потеряли свои полномочия, но ученые, однако, создали общественное объединение "Leibniz Sozietät e.V.", которое организует научные доклады, конференции, обсуждения.

По Государственному договору между федеральными землями Германии Берлином и Бранденбургом от 21 мая 1992 г. ими совместно была учреждена Берлин-Брандербургская академия наук в качестве преемницы Прусской академии наук. Был образован специальный премиум для избрания членов-основателей, которые и были избраны в октябре и декабре 1992 г., а 8 января 1993 г. члены-основатели провели учредительное собрание Академии в Берлине. Академия состоит из пяти классов (т. е. отделений): гуманитарных наук, социальных наук, математическо-естественных наук, биологически-медицинских наук, технических наук). В Академии наук проводятся работы по ряду научных проектов и работает ряд комиссий, преимущественно по подготовке серий различных фундаментальных изданий. В их число, например, вошла и комиссия по продолжению издания полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (MEGA), которое осуществляется вместе с Международным фондом Маркса и Энгельса в Амстердаме при участии ученых из Москвы.

Берлин-Бранденбургская академия наук насчитывает около 200 избранных членов и около 250 сотрудников, работает над осуществлением крупных проектов Академии. При подготовке таких фундаментальных изданий в ряде случаев проводятся коллоквиумы. Например, при издании протоколов Государственного министерства Пруссии в X1X-XX вв. (1817–1934/38 гг.) в декабре 2000 г. состоялся специальный коллоквиум "Путь Пруссии в политический модерн. Конституция. Управление. Политическая культура между реформами и блокадой реформ" [1]). Коллоквиум нашел очень широкий отклик в прессе, а его материалы были изданы в виде большого тома. Берлин-Бранденбургская Академия наук входит в Союз восьми Академий наук в Германии, координирующий и объединяющий их работу. Во всех Академиях более 1600 научных работников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Preußens Weg in die politische Moderne. Verfassung-Verwaltung-politische Kultur Zwischen Reform und Reformblockade. Hrg.Von. B. Holtz und H. Spenkuch. Berlin, Akademie Verlag, 2001. Ss. 454.

Новейшая история

УДК 37.016:004

Курков Н.В.
Московский государственный областной университет

АМЕРИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КУБЕ В 1930-х гг.

N. Kurkov
Moscow State Regional University

AMERICAN FEDERATION OF LABOR AND THE REVOLUTIONARY-DEMOCRATIC MOVEMENT IN CUBA IN THE 1930s

Аннотация. В период революционно-демократического подъема на Кубе в начале 1930-х гг. руководство консервативного национального профцентра США – Американской федерации труда – проявляло пассивность и бездействие, выступая в роли безучастного наблюдателя вмешательства США в кубинские дела на стороне диктаторского режима Мендиэты–Батисты. Тред-юнионы левой прогрессивной ориентации, входившие в Комитет производственных профсоюзов, активно включились в движение солидарности с кубинской национально-демократической революцией, против интервенционистской политики американских правящих кругов.

Ключевые слова: национально-демократическая революция, Американская федерация труда, Комитет производственных профсоюзов, диктатура, интервенционизм, солидарность.

Abstract. In the period of revolutionary-democratic upsurge in Cuba at the beginning of the 1930s, the conservative leadership of American Federation of Labor was inactive and played the role of an indifferent observer of the US intervention in the Cuban affairs on the side of Mendieta-Batista dictatorship. The left and progressive trade unions of the Committee for Industrial Organizations took an active part in solidarity movement for the Cuban national-democratic revolution, against the intervention policy of the US ruling circles.

Key words: national-democratic revolution, American Federation of Labor, Committee for Industrial Organizations, dictatorship, interventionism, solidarity.

В 1918 г. руководство профцентра США Американская федерация труда (АФТ), используя чувство солидарности и братства трудящихся, необходимость совместной борьбы за свои жизненные интересы, при содействии лидеров КРОМ (Мексика) и некоторых других латиноамериканских профсоюзов, учредило первое межамериканское общеконтинентальное профобъединение – Панамериканскую федерацию труда (ПАФТ). Её деятельность должна была способствовать осуществлению поставленной АФТ далеко идущей стратегической цели – «реконструировать» латиноамериканское рабочее движение в соответствии с программными установками североамериканского тред-юнионизма, ввести его в русло профсоюзного «рабочего» панамериканизма под эгидой АФТ. Лидеры АФТ ставили своей целью включить профсоюзы в общую систему экспансионистской политики США, внушить трудящимся веру

© Курков Н.В., 2012.

в некую бесклассовую континентальную общность, заставить рабочий класс отказаться от борьбы против империализма США.

Побудительные мотивы, диктовавшие рабочим организациям – членам ПАФТ необходимость присоединения к панамериканскому профцентру, имели под собой объективную основу: объединительные тенденции находили питательную почву в естественном стремлении трудящихся к организации и единству для защиты жизненно важных интересов. Социально-экономическая программа ПАФТ в своей конкретной части в известной мере отвечала их требованиям, хотя в целом носила преимущественно декларативный характер. В 1918–1927 гг. Панамериканской федерацией было проведено пять межамериканских профсоюзных конгрессов. В ПАФТ входили, помимо АФТ и КРОМ, профсоюзные федерации или отдельные рабочие союзы десяти латиноамериканских республик (включая Кубу) – главным образом организации тред-юнионистского типа и проправительственной ориентации. Не были представлены самые массовые и влиятельные в Центральной и Южной Америке профсоюзы Аргентины, Бразилии, Чили – наиболее развитых в индустриальном отношении латиноамериканских стран. Они не участвовали в этих конгрессах и отказались от контактов с организацией, в которой доминирующая роль принадлежала АФТ [38, с. 154].

Контроль со стороны Американской федерации труда осуществлялся через исполком ПАФТ, его испанский отдел возглавил представитель АФТ пуэрториканец С. Иглесиас, снискавший репутацию ведущего эксперта АФТ по латиноамериканским делам. Ему было поручено также и ведение дел на английском языке. Председатель ПАФТ (он же президент АФТ) С. Гомперс, а затем, с февраля 1925 г., его преемник У. Грин по существу контролировали ход и решения межамериканских профсоюзных конгрессов. Преемственность руководства гарантировала преемственность идей гомперсизма в деятельности ПАФТ. Политика АФТ в Латинской Америке, история Панамериканской федерации труда наиболее рельефно прослеживаются на примере отдельных латиноамериканских стран. Доминиканская Республика, Никарагуа, Панама, Куба, Венесуэла могут служить своего рода эталоном, позволяющим наиболее полно охарактеризовать содержание и методы деятельности АФТ в панамериканском рабочем движении – от выступлений в пользу либерализации внешнеполитического курса США (Доминиканская Республика, Никарагуа), до оказания поддержки правящим кругам Соединенных Штатов в осуществлении территориальной экспансии (Панама). Исследование взаимоотношений АФТ с профсоюзным движением указанных стран показывает, что противоречия внутри ПАФТ, сфокусированные на проблеме отношения к империализму США, носили глубокий и непреодолимый характер. Массовое антиимпериалистическое движение в Латинской Америке вносило определенные коррективы в политику и тактику ПАФТ. Вопреки желаниям и противодействию консервативных лидеров АФТ – Гомперса, Грина и др. – её конгрессы нередко становились ареной острой борьбы и дискуссий, когда решались вопросы об отношении ПАФТ к экспансионистской политике США, о поддержке национально-освободительных движений в Санто-Доминго, Панаме, Никарагуа, на Кубе.

* * *

С начала 1930-х гг. на Кубе активизировалась деятельность профсоюзов и других рабочих организаций. Мировой экономический кризис вызвал рост безработицы и невероятное ухудшение положения трудящихся. 1930 год отмечен мощной волной забастовочных выступлений, организованных Национальной Конфедерацией рабочих Кубы (КНОК) и примыкавшими к ней профсоюзами[1]. Крупный резонанс получили 24-часовая всеобщая

[1] Первый на Кубе единый профсоюзный центр, созданная в 1925 г. КНОК объединяла большинство существовавших в то время ассоциаций и профсоюзов на основе боевой программы защиты прав и интересов трудящихся.

забастовка 20 марта 1930 г., в которой участвовало не менее 200 тыс. рабочих, а также массовые политические манифестации, проходившие под антиправительственными лозунгами. «Борьба за свободу и демократию на Кубе приобрела массовый характер и быстро приближается к своему кульминационному моменту», – говорилось в резолюции, принятой съездом АФТ в октябре 1930 г. – В этих условиях возникает реальная опасность прямого или косвенного вмешательства Соединенных Штатов с целью сохранения существующего на Кубе диктаторского режима генерала Х. Мачадо, располагающего поддержкой влиятельных финансовых кругов США». Руководству Федерации было поручено «со всей решительностью противодействовать любому вмешательству и посредничеству (дипломатическое давление, займы и т. п.) в пользу нынешнего кубинского правительства»[1].

Следует признать, что такие опасения не были совершенно беспочвенными, поскольку в прошлом Соединенные Штаты неоднократно прибегали к методам «превентивной политики» и прямой интервенции в отношении Кубы, когда возникала ситуация, в той или иной мере угрожающая угодному им правительству и американским интересам на острове. При этом вряд ли могло служить гарантией от такого рода вмешательства заявление государственного секретаря Г. Стимсона 2 октября 1930 г. о том, что США не вмешиваются во внутриполитическую борьбу на Кубе [32; 33].

Решения 49-го и 50-го ежегодных съездов АФТ свидетельствовали об известной модификации кубинской политики Федерации, если учесть, что на предшествующих съездах, равно как и в официальных публикациях АФТ в отношении режима Мачадо и политики США на Кубе использовалась «фигура умолчания». Это не замедлило вызвать соответствующую реакцию со стороны лидеров Кубинской федерации труда и независимого Братства железнодорожников Кубы, входивших в ПАФТ[2]. В одном случае (после съезда АФТ в Торонто в 1929 г.) в адрес ПАФТ были направлены письма за подписью председателей ФКТ и Братства, в которых утверждалось, что Мачадо является «истинным другом рабочих». В другом в декабре 1930 г. лидеры Братства железнодорожников прислали телеграмму на имя У. Грина, в которой пытались преуменьшить значение и масштабы революционного движения на Кубе и брали под защиту кубинского диктатора, обвиняя оппозицию в «преднамеренных и безответственных выступлениях против законного правительства» [9, с. 229; 10, с. 271-272; 34]. Грин был информирован, что ФКТ и Братство с пониманием относятся к мероприятиям администрации Мачадо по восстановлению «стабильного» положения в стране [39, с. 354].

Эти «разъяснения» были, разумеется, учтены: исполком ПАФТ счел необходимым распространить текст указанного послания «в целях информации» [10, с. 255-256]. И хотя террор на Кубе не прекращался, руководство АФТ стало проявлять особую сдержанность и осторожность в своих высказываниях и оценках, демонстрируя лояльность в отношении «желтых» профсоюзов – членов ПАФТ и лишь в отдельных, единичных случаях выступая с декларативными заявлениями о «моральной поддержке» оппозиционного движения на Кубе[3].

В начале 1931 г. представители прогрессивных профцентров Кубы и Венесуэлы обратились к АФТ с просьбой войти с представлением в Государственный департамент с тем, чтобы правительство Соединенных Штатов заявило официальный протест правительствам Мачадо и Гомеса в связи с грубым нарушением конституционных прав и гарантий в этих странах. Руководство АФТ–ПАФТ ответило отказом, сославшись на то, что подобные шаги якобы несовместимы с политикой уважения национального суверенитета и не-

[1] Проект резолюции был представлен делегатом профсоюза водопроводчиков Т. Бёрком [4, 391].

[2] Консервативная Кубинская федерации труда (Федерасьон кубана дель трабахо – ФКТ) была создана в 1927 г.

[3] См. отчет Исполнительного совета и резолюцию 51-го съезда АФТ, октябрь 1931 г. [5].

вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, которую «ныне проводит правительство Соединенных Штатов... и которую мы всецело разделяем» [5; 11, с. 204, 255]. Лидеры АФТ таким образом присоединялись к официальной версии о «невмешательстве», провозглашенной госдепартаментом США в 1930 г. С тем же цинизмом и лицемерием они оправдывали собственную пассивность и бездействие на съезде АФТ в 1934 г. В отчете, представленном съезду исполнительным советом, утверждалось, что хотя АФТ располагала информацией о терроре на Кубе, она не могла выразить свой протест открыто, так как это привело бы якобы лишь к усилению репрессий [6].

С другой стороны, руководство АФТ оставалось безучастным наблюдателем вмешательства США в кубинские дела после свержения диктатуры Мачадо и прихода к власти Временного революционного правительства Грау Сан-Мартина в августе – сентябре 1933 г., когда администрация Ф. Рузвельта прибегла к открытому военному давлению на Кубу и проводила политику непризнания Временного революционного правительства. Были преданы забвению все прежние декларации и заявления о «невмешательстве». В то же время лидеры АФТ с одобрением отнеслись к признанию Соединенными Штатами контрреволюционного режима Мендиэты–Батисты, который пришел на смену правительству Грау, свергнутому при поддержке и по прямому указанию Вашингтона в январе 1934 г. [39, с. 355]. Новое кубинское правительство направило свои усилия на подавление антиимпериалистического и революционного движения. В марте 1935 г. в стране вспыхнула всеобщая политическая забастовка против диктаторского режима Мендиэты. В ответ последовали новые репрессии. Правительство объявило военное положение и отменило конституционные гарантии. Десятки рабочих были убиты, сотни ранены, около тысячи брошено в тюрьмы. КНОК была объявлена вне закона и снова перешла на нелегальное положение. Однако даже после этого руководство АФТ продолжало утверждать, что «президент Карлос Мендиэта, как нам представляется, сделал все возможное для создания здорового, стабильного правительства и укрепления расстроенной экономики...»[1].

Революционные события на Кубе 1933–1935 гг. и вопросы американо-кубинских отношений не получили достаточного освещения в американской профсоюзной печати, в официальных публикациях тред-юнионов, афилированных с АФТ. Несомненно, что во многих случаях это было продиктовано нежеланием создавать оппозицию империалистической политике Вашингтона в отношении Кубинской республики из-за боязни подорвать альянс с президентом Ф. Рузвельтом, с администрацией «нового курса», вставшей на путь проведения социальных реформ. Очевидно и другое: провозглашенная Ф. Рузвельтом политика «доброго соседа» дезориентировала антиимпериалистов из руководства ряда американских профсоюзов, традиционно выступавших против откровенно агрессивного империалистического курса правящих кругов США в отношении латиноамериканских стран. Как известно, правительство Ф. Рузвельта «ликвидировало ряд наиболее откровенных актов „старой“ политики („право“ на вооруженную интервенцию на Кубе и в Панаме, вывело американские войска с Гаити и т. д.) и пошло на ряд уступок, частично отказавшись от „устаревшей“ и грубой практики открытого военного нажима и военных оккупаций» [1, с. 227]. Оказавшись вынужденным пойти на эти уступки в условиях бурного роста национально-освободительного движения, «американский империализм отнюдь не отказался от достижения своих прежних целей политического закабаления и экономической эксплуатации стран Латинской Америки» [1, с. 227]. Изменились лишь формы империалистической экспансии – они стали более гибкими. В русле политики «добрососедства» решалась и «кубинская проблема».

В этом плане представляют интерес материалы, опубликованные в еженедельной газете железнодорожных Братств США «Лейбор».

[1] См. отчет Исполнительного совета 55-му ежегодному съезду АФТ, октябрь 1935 г. [7, 162].

Выражая симпатии кубинским революционерам, свергнувшим террористический режим Мачадо, газета вместе с тем с одобрением высказывалась о «превентивном посредничестве» американского посла С. Уэллеса (личного друга Ф. Рузвельта), ставившего своей целью направить революционный подъем на Кубе в «конституционное» русло и предотвратить переход власти в руки революционного народа[1]. Стремление Ф. Рузвельта избежать открытой вооруженной интервенции и отмена «поправки Платта»[2], нашли горячую поддержку на страницах еженедельника; вместе с тем его отношение к Временному революционному правительству Грау, хотя и заключало элементы позитивной оценки, в целом носило прорузвельтовский характер. Сообщение о посылке военных кораблей США к берегам Кубы для оказания давления на правительство Грау Сан-Мартина никак не комментировалось [22].

С большей объективностью оценивал происходящие на Кубе события «Локомотив инжинирз джорнэл», печатный орган независимого профсоюза железнодорожных машинистов. «Посредническая миссия» Уэллеса, по мнению журнала, имела своей целью замену Мачадо «консервативным деятелем» проамериканской ориентации, «способным предотвратить опасное развитие революции, угрожающей интересам американского капитала» [27]. Журнал предупреждал об угрозе прямого военного вмешательства Соединенных Штатов после прихода к власти Временного революционного правительства. Развернувшееся в США движение солидарности с революционной антиимпериалистической борьбой кубинского народа нашло отражение на страницах журнала. В опубликованных им статьях и материалах подчеркивалось, что организованное рабочее движение было главной силой «народной антимачадистской революции». Забастовочная волна, экономические выступления трудящихся осенью 1933 г. быстро переросли в ярко выраженное политическое движение, направленное против местной реакции и американского империализма [28]. В ряде статей разоблачалась репрессивная антирабочая и антипрофсоюзная политика реакционного режима Мендиэты, «получившего финансовую и политическую поддержку со стороны Соединенных Штатов» [29].

Активные формы протеста против интервенционистской политики правящих кругов США в отношении революционной Кубы с самого начала приняли на вооружение профсоюзы левого крыла, входившие в Лигу профсоюзного единства (ЛПЕ). В годы национально-демократической революции на Кубе (август 1933 г. – март 1935 г.) по инициативе ЛПЕ, Антиимпериалистической лиги и других демократических организаций, в США были проведены многочисленные демонстрации, митинги и собрания протеста под лозунгом «Руки прочь от Кубы!». Адресованные Ф. Рузвельту петиции и телеграммы с требованием вывести военные суда США из кубинских вод и прекратить вмешательство носили массовый характер. В марте 1934 г. ЛПЕ от имени 125 тыс. организованных рабочих направила правительству Мендиэты телеграмму протеста против террористического подавления стачек [15; 16; 17; 18]. Ярким эпизодом интернациональной пролетарской солидарности американских рабочих с революционной борьбой кубинского рабочего класса после начала всеобщей политической забастовки на Кубе стал отказ профсоюза докеров, входившего в ЛПЕ, разгружать торговые суда, прибывающие из кубинских портов [17].

В последующие годы компартия США, прогрессивные силы в американском профсоюзном движении направляли свои усилия на мобилизацию общественного мнения, рабочего класса США против кровавого террора, развязанного диктатурой Мендиэты–Батисты, в поддержку демократических сил Кубы в их борьбе за ликвидацию военного режима и демократизацию политического строя [19; 13; 14; 24]. Следует подчеркнуть, что и позиция АФТ в этом вопросе не оставалась неизменной.

[1] О деятельности С. Уэллеса на Кубе см. [1, 229-252].

[2] Так называемая «поправка Платта» как составная часть постоянного договора между Кубинской Республикой и Соединенными Штатами (1903 г.) предоставляла США право интервенции на Кубе и ущемляла её суверенные права.

На съезде АФТ в октябре 1935 г. П.М. Петерсон, делегат Межнационального союза рудокопов и плавильщиков, от имени своего профсоюза внес проект резолюции с осуждением «антирабочей политики диктаторского режима Батисты – Мендиэты». В резолюции содержалось требование «прекратить террор против кубинского рабочего класса и его организаций», восстановить профсоюзные и гражданские права, провести всеобщую амнистию политическим заключенным. Копии указанной резолюции предлагалось послать «полковнику Фульхенсио Батисте, президенту Мендиэте и государственному секретарю США Корделлу Хэллу». Однако руководство АФТ, не выступая прямо против резолюции, добилось ее передачи исполнительному совету с обычной в таких случаях ни к чему не обязывающей формулировкой: «Изучить и действовать применительно к обстоятельствам» [7, с. 583]. Вместе с тем съезд отметил, что «ситуация на острове угрожает самому существованию кубинских профсоюзов», и поручил руководству федерации «в той мере, в какой это возможно, поддерживать тесный контакт с кубинскими рабочими организациями, имея в виду оказание им посильной помощи и поддержки» [7, с. 719].

Вопрос о положении на Кубе стал предметом специального рассмотрения на очередном, 56-м ежегодном съезде АФТ, состоявшемся в ноябре 1936 г. в Тампе, Флорида. К этому времени политическая ситуация на острове существенно не изменилась. В стране сохранялся режим военной диктатуры, олицетворением которой стал Ф. Батиста, тесно связанный с американцами и опиравшийся на армию. После отставки президента республики М. Гомеса, безуспешно пытавшегося ограничить засилье военщины, и его отъезда за границу в декабре 1936 г. Батиста стал фактическим руководителем политической жизни страны. Тактическая линия руководства АФТ в этот период заметно меняется. Лидеры АФТ и ПАФТ сделали несколько заявлений для печати с осуждением антипрофсоюзных репрессий на Кубе [35; 31]. У. Грин через кубинское посольство обратился с посланием к правительству Кубы, в котором высказался за всеобщую амнистию политическим заключенным и отмену антирабочего законодательства (речь, в частности, шла об упразднении Декрета № 3, запрещавшего проведение забастовок). В отчете исполнительного совета съезду эти моменты были подчеркнуты [8, с. 196-197, 365]. Съезд «в самых решительных выражениях» [8, с. 637] осудил диктатуру Батисты – «более жесткую и деспотичную, чем Мачадо», о чем было решено поставить в известность президента Кубы М. Гомеса и Государственный департамент [8, с. 637].

Далее, через ПАФТ была сделана попытка установить связь с КНОК [8, с. 165, 365], которая и в годы диктатуры Мачадо, и при правительстве «контрреволюционной концентрации» (Мендиэта–Батиста) оставалась авангардом и подлинным боевым руководителем рабочих масс страны. Под эгидой КНОК в январе 1934 г. состоялся 4-й национальный рабочий конгресс, на котором были представлены 200 рабочих союзов и ассоциаций с общей численностью 420 тыс. членов[1]. Соглашательская ФКТ после падения режима Мачадо распалась. Именно в это время совершил поездку на Кубу секретарь ПАФТ С. Иглесиас с целью вовлечения кубинских профсоюзов в эту организацию, но безуспешно [37, с. 201]. Руководящую роль в КНОК играли левые элементы, сторонники Профинтерна, коммунисты. Являясь с 1929 г. членом прогрессивной Латиноамериканской конфедерации профсоюзов, КНОК в 1934 г. присоединилась к Красному Интернационалу профсоюзов. Указанное обстоятельство в значительной степени предопределило отношение АФТ к развитию событий на Кубе; антикоммунизм становится определяющим элементом кубинской политики правого профсоюзного руководства АФТ[2]. Тем не менее с начала второй половины 30-х гг. – хронологический рубеж может быть назван совершен-

[1] В работе конгресса в качестве почетного делегата принял участие член исполкома ЛПЕ Дж. Форд [16].

[2] См., например, отчет Исполнительного совета 54-му съезду АФТ, октябрь 1934 г. [6, 170]; см. также [39, 354 – 355].

но точно: 1936 г. – его позиция в этом вопросе обретает большую гибкость. Решение о самороспуске, принятое Профинтерном в соответствии с линией VII конгресса Коминтерна, послужило в известной мере толчком к возрождению старой идеи о возможности привлечения и интеграции кубинских профсоюзов в рамках ПАФТ.

Поиски контактов стимулировались некоторыми внутренними факторами, вызванными расколом АФТ, образованием Комитета производственных профсоюзов (КПП), противоборством сил, принадлежащих к левому, прогрессивному крылу профдвижения, с одной стороны, и к лагерю реакционного гомперсизма, крайне правому, консервативному течению, – с другой. Это противоборство выходит на внешнеполитическую арену [39, с. 355]. Поляризация направлений в профсоюзном движении США сопровождалась ростом и укреплением связей КПП с рабочими организациями латиноамериканских стран. Американские профсоюзы, в первую очередь те, которые объединились вокруг КПП, все более активно вовлекались в движение международной рабочей солидарности, против военной опасности, реакции и фашизма. КПП и многие входящие в АФТ межнациональные и национальные союзы выразили энергичный протест против террора на Кубе, выступив в защиту и поддержку героической борьбы рабочего класса этой страны за восстановление политических и гражданских прав[1]. Грин и другие представители «старой гвардии» из руководства АФТ не могли не учитывать эти новые настроения и веяния [30]. Их активность, заметно возросшая после 55-го съезда АФТ, была продиктована также желанием обрести союзников в лице кубинских профсоюзов, в первую очередь КНОК.

КНОК строил свои отношения с АФТ с учетом позитивных изменений и сдвигов в американских профсоюзах. Представители КНОК во главе с видным деятелем кубинских профсоюзов Сесаром Виларом присутствовали на съезде АФТ в Тампе, где они выступили с разоблачением террористического режима Батисты [8, с. 637]. Но Грину и К° не удалось вовлечь ее в русло «рабочего панамериканизма». КНОК с 1935 по 1938 гг. действовала нелегально. Возродившись в 1939 г. под названием Конфедерации трудящихся Кубы (КТК), она отвергла предложение ПАФТ о возобновлении контактов и присоединилась к Конфедерации трудящихся Латинской Америки (КТЛА), стоявшей на позициях классовой борьбы[2]. Конфедерация трудящихся Кубы, объединившая почти все профсоюзы страны и насчитывавшая свыше 300 тыс. членов, стала одним из крупнейших и наиболее боевых отрядов КТЛА. Создание КТК было крупнейшей победой рабочего движения не только на Кубе, но и в Латинской Америке в целом [1, с. 266].

КТЛА – естественный антипод Панамериканской федерации труда – поддерживала дружественные отношения с Конгрессом производственных профсоюзов (КПП), прогрессивным профсоюзным центром, созданным в США в 1938 г. на базе Комитета производственных профсоюзов. Прямые контакты были установлены КПП и с КТК [12]. Объединяя широкие массы организованных рабочих на демократической основе индустриального юнионизма, КПП и в сфере внешней политики бросил вызов откровенно проимпериалистическому курсу гомперсистского руководства АФТ. Позиция профсоюзов КПП по международным вопросам в значительной мере формировалась под влиянием левых демократических сил и Компартии США. Борьба КПП, КТК и КТЛА против влияния в профсоюзном движении Латинской Америки реакционной линии АФТ парализовала в регионе в этот период деятельность правой профсоюзной бюрократии, нанесла окончательный удар по ПАФТ. К началу 1940-х гг. ПАФТ прекратила свое существование [2, с. 48-52; 26, с. 155-157, 161-168; 25, с. 31-34].

[1] Профсоюзы горняков, механиков, железнодорожников, швейников, каменщиков, рабочих нефтедобывающей, текстильной, табачной промышленности, Женская профсоюзная лига и др. [40; 23; 3; 21; 20; 14; 36].

[2] Единый профсоюзный центр Латинской Америки (КТЛА) был создан в 1938 г. в Мексике на конгрессе латиноамериканских профсоюзов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Очерки истории Кубы. – М., 1978. – 602 с.
2. Пегушева Л.В. Латинская Америка: «панамериканизм» в рабочем движении. – М., 1974. – 244 с.
3. Amalgamated Clothing Workers of America. – Proceedings, 1936. – P. 443-444.
4. American Federation of Labor (далее: AFL). – Proceedings, 1930. – P. 391.
5. AFL. – Proceedings, 1931. – P. 147-148, 477.
6. AFL. – Proceedings, 1934.
7. AFL. – Proceedings, 1935.
8. AFL. – Proceedings, 1936.
9. The American Labor Year Book, 1930. – N.Y., 1930. – 283 P.
10. The American Labor Year Book, 1931. – N.Y., 1931. – 337 P.
11. The American Labor Year Book, 1932. – N.Y., 1932. – 299 P.
12. CIO News. 1939. Jan. 30. – P. 7.
13. Communist. 1935, Oct. – P. 966.
14. Communist. 1937, Apr. – P. 358-365.
15. Daily Worker. 1933. July 26, Aug. 2.
16. Daily Worker. 1934. Jan. 15.
17. Daily Worker. 1934. Mar. 10, 12, 13.
18. Daily Worker. 1935. Mar. 12.
19. Daily Worker. 1935. June 25, Nov. 5; 1936. Jan. 17, Apr. 8, Aug. 14.
20. Daily Worker. 1936. Dec. 23.
21. International Association of Machinists. – Proceedings, 1936. – P. 419-420.
22. Labor. 1933. Aug. 15, 22; Sept. 12, 19; Oct. 10, 24; Dec. 26; 1936. Jan. 2; June 5.
23. Labor. 1938. Nov. 22.
24. Labor Defender. 1935. Apr. – P. 19.
25. Lenburg L.J. The C.I.O. and American Foreign Policy, 1935–1955. Unpubl. Doct. Diss. The Pennsylvania State Univ., 1973. – 253 l.
26. Levenstein H.A. Labor Organizations in the United States and Mexico: A History of Their Relations. – Westport, 1971. – 258 P.
27. Locomotive Engineers Journal. 1933. Sept. – P. 686.
28. Locomotive Engineers Journal. 1933. Oct. – P. 767; Dec. – P. 921.
29. Locomotive Engineers Journal. 1934. Febr. – P. 122; Mar. – P. 198, Apr. – P. 276. June – P. 443; 1935. Apr. – P. 275.
30. Locomotive Engineers Journal. 1936. Sept. – P. 678.
31. New Leader. 1936. May 16. – P. 1.
32. New York Times. 1930, May 25. – P. 13.
33. New York Times. 1930. Oct. 3. – P. 1, 3.
34. New York Times. 1930. Dec. 14. – P. 4.
35. New York Times. 1936. May 21. – P. 9.
36. New York Times. 1936. Dec. 24. – P. 8.
37. Poblete Troncoso M. El movimiento obrero latinoamericano. – Mexico, 1946. – 296 P.
38. Poblete Troncoso M. and Burnett B.G. The Rise of the Latin American Labor Movement. – N.Y., 1960. – 179 P.
39. Radosh R. American Labor and United States Foreign Policy: The Cold War in the Unions From Gompers to Lovestone. – N.Y., 1969. – 463 P.
40. United Mine Workers Journal. 1936. June 15. – P. 19.

УДК 327(091)

Каширина Т.В.
Всероссийская государственная налоговая академия
(г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ И СОКРАЩЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВООРУЖЕНИЙ (ОССВ) В 1982–1983 гг.

T. Kashirina
The All-Russia State Tax Academy
of the Ministry of Finance of Russia, Moscow

PROBLEMS SOVIET-AMERICAN NEGOTIATIONS ON RESTRICTION AND REDUCTION OF STRATEGIC ARMAMENTS IN 1982-1983

Аннотация. Рассматривается ход советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОССВ) в 1982–1983 гг. и предложения СССР и США. Сделана попытка проанализировать причины неудачи и прекращения переговоров как со стороны Соединенных Штатов, так и со стороны Советского Союза. У автора вызывает интерес и уважение принципы равной безопасности сторон и недопущения односторонних преимуществ, которых твердо придерживалась советская сторона в ходе переговоров в первой половине 1980-х гг.

Ключевые слова: советско-американские переговоры, ограничение и сокращение стратегических вооружений, межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках, тяжелые бомбардировщики, стратегическая триада, планы СОИ.

Abstract. The article dwells on the course of the Soviet-American negotiations on restriction and reduction of strategic armaments in 1982-1983, and the USSR and the USA offers as well. The author makes an attempt to analyze the reasons of the failure and the discontinuance of the negotiations both on the part of the United States and on the part of Soviet Union. The author shows interest and has respect for the principles of equal security of the parties and banning unilateral advantages which the Soviet party firmly adhered during the negotiations in the first half of the 1980s.

Key words: the Soviet-American negotiations, restriction and reduction of strategic armaments, intercontinental ballistic missiles, submarine-launched ballistic missiles, heavy bombers, strategic triad, plans of the strategic defensive initiative.

Президент Р. Рейган пришел к власти в 1981 г. с твердым убеждением о неравноправности для США советско-американского Договора ОСВ-2 и отказом от его ратификации[2]. Вместе с тем президент Рейган призывал «по-прежнему стремиться путем переговоров добиваться сокращений советских стратегических вооружений…»[3].

Со своей стороны, советское руководство определенным образом способствовало свертыванию разрядки и нагнетанию напряженности в отношениях с США. Это стало следствием, в том числе: усилившегося влияния министра обороны СССР Д.Ф. Устинова и Председателя КГБ Ю.В. Андропова; наличия различных позиций в высшем руководстве СССР в некоторые периоды по конкретным вопросам ограничения стратегических вооружений; наращивания гонки советских вооружений; недооценки, а в ряде случаев игнорирования, открывавшихся возможностей упрочения безопасности государства политическими средствами, а не путем дальнейшего наращивания и без того чрезмерных расходов на оборону; не всегда оправданной вовлеченности СССР в дела стран третьего мира, что воспринималось США как подрыв

© Каширина Т.В., 2012.

[2] АВП РФ. Ф.47. Оп.26. П.246. Д.48. Л.19.

[3] АВП РФ. Ф.47. Оп.26. П.246. Д.48. Л.20-21.

западного влияния в этих странах; особого внимания к отношениям с Китаем, как собственным, так и к американским; неоправданного ввода советских войск в Афганистан. Это событие, не оправданное ни соображениями безопасности СССР, ни, по мнению известных специалистов, идеологическими соображениями, не принесло ничего, кроме ущерба как СССР, так и международным отношениям. В условиях продолжавшихся переговоров по ОСВ-2 СССР в 1978 г. начал секретное размещение в европейской части РСД СС-20 «Пионер».

Таким образом, совместными усилиями США и СССР советско-американская разрядка пошла на спад. Основные внешнеполитические установки США периода первого президентства Р. Рейгана в 1981–1984 гг. были следующими: «увязка», жесткие решения узла международных проблем на условиях Вашингтона, в зависимости от поведения СССР, особенно в региональных конфликтах; форсирование гонки вооружений; перенос гонки вооружений в космос (в марте 1983 г. Рейган объявил о СОИ); размещение американского ракетного ядерного оружия в Европе; отход в сторону от усилий по ограничению вооружений [1, с. 44-46]. Последняя установка вытекала из предыдущих. В первый год президентства Рейгана госсекретарь Хейг откровенно заявлял: «Контроль над вооружениями не является более сердцевиной советско-американских отношений, на первый план выходит все, что усиливает безопасность американского народа, международный мир и стабильность» [13].

Советско-американские переговоры по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОССВ) проходили с 29 июня 1982 г. по 8 декабря 1983 г. Параллельно с ними проходили с 30 ноября 1981 г. по 23 ноября 1983 г. советско-американские переговоры об ограничении ядерных вооружений в Европе (ОЯВЕ) [4, с. 309]. Возобновление этих переговоров с американской стороны было вызвано рядом причин, в том числе, подъемом антивоенного движения, активизацией политической оппозиции в Соединенных Штатах (сенаторы Э. Кеннеди и М. Хэтфилд). Кроме того, на протяжении 1981–1982 гг. был выдвинут целый комплекс важных советских инициатив в области предотвращения ядерной войны. Игнорирование этих предложений администрацией Рейгана выглядело бы пренебрежением американским общественным мнением.

Советская позиция на этих переговорах была следующей: СССР предложил к 1990 г. сократить суммарное количество пусковых установок (ПУ) сторон (межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков (ТБ)) до 1800 единиц, т. е. на 25 %. Кроме того, на этом этапе переговоров предметом ограничений предполагалось сделать и совокупное число ядерных зарядов на стратегических носителях – сократить до согласованных равных уровней общее число ядерных зарядов на стратегических носителях, а также установить равное, но меньшее, чем предусмотрено Договором ОСВ-2, число носителей с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). СССР выступил также за ограничение качественного совершенствования стратегических вооружений: он предложил запретить некоторые виды стратегических вооружений, в частности, крылатые ракеты с дальностью свыше 600 км всех видов базирования. Вместе с тем, добиваясь реального продвижения на переговорах, СССР в случае решения на взаимоприемлемой основе других вопросов выразил готовность рассмотреть возможность не запрещения, а ограничения таких ракет на ТБ при условии полного запрета развертывания крылатых ракет большой дальности наземного и морского базирования. В целях предотвращения дальнейшего наращивания стратегических вооружений и создания лучших перспектив для достижения договоренности СССР предложил на период переговоров заморозить эти вооружения в количественном и качественном отношениях и максимально ограничить их модернизацию.

Основа американских предложений на переговорах об ОССВ была изложена в речи

президента Рейгана 9 мая 1982 г. в городе Юрика (штат Иллинойс). Суть этих предложений состояла в том, чтобы добиться ликвидации наиболее современных советских стратегических программ и обеспечить себе свободу рук по реализации своих собственных программ наращивания стратегического оружия. Согласно анализу американских предложений, проведенному военной частью советской делегации на переговорах по ОССВ, в итоге суммарно на всех МБР и БРПЛ вместо разрешенных, согласно американскому предложению, 5000 боеголовок Советский Союз мог бы реально иметь не более 3390-4000 боеголовок. Практически это число было бы еще меньше, поскольку, по предложению США, на втором этапе сокращений уничтожались бы все тяжелые МБР. Поэтому реально против 5000 американских боеголовок СССР мог бы выставить только 2950-3000 боеголовок. И все это без учета американских ядерных средств передового базирования и соответствующих ядерных вооружений Англии и Франции [11, с. 336]. Предложения Рейгана носили односторонний характер, были явно направлены на подрыв ракетно-ядерной мощи СССР. Одновременно предложения никак не затрагивали далеко идущие планы ядерного перевооружения США и фактически развивали бы гонку стратегических вооружений в направлении, наиболее выгодном для США [6, с. 543].

Речь Рейгана вызвал крайне негативную реакцию советского руководства. 12 мая министр иностранных дел СССР А. Громыко, министр обороны Д. Устинов, председатель КГБ Ю. Андропов направили в Политбюро совместную записку, в которой содержалась политическая и военная оценка президентской речи, его общей политики в отношении СССР. Эта записка отражала внешнеполитический настрой советского руководства. Главный смысл речи Рейгана, по мнению авторов записки, состоял в том, чтобы создать пропагандистское прикрытие для агрессивной милитаристской политики США, их курса на ломку сложившегося между СССР и США, в целом между странами Варшавского договора примерного равновесия сил. Делалась откровенная заявка на то, что США должны быть доминирующей военной державой. Наиболее четко эта установка проявлялась в подходе Рейгана к проблеме ограничения и сокращения стратегических вооружений. Его предложения однозначно были направлены на то, чтобы подрубить основу стратегической мощи СССР – МБР наземного базирования, особенно советские тяжелые МБР. Ими предусматривалось прежде всего резкое сокращение общего числа боеголовок на МБР наземного базирования. В предлагавшейся Рейганом схеме вообще обходился вопрос о крылатых ракетах большой дальности, будь то наземного, морского или воздушного базирования, на которые США в тот момент делали особую ставку. Возможность какого-то ограничения стратегической авиации, где США имели значительное преимущество, лишь подразумевалось, и то на втором этапе, когда советские МБР уже были бы существенно сокращены. Соответствующие ядерные вооружения Англии и Франции по-прежнему вообще никак не учитывались. В речи господствовал тот мотив, говорилось в записке, что СССР должен быть оттеснен с занимаемых им позиций на международной арене и фактически перестал бы быть великой мировой державой. Такой статус Рейган хотел бы оставить только за США [6, с. 543-544].

Выступая 8 марта 1983 г. на ежегодной конвенции Национальной ассоциации евангелистов во Флориде, Р. Рейган, назвав СССР «империей зла», сказал, что США все же не отказываются «от поисков путей взаимопонимания». Как достижение и одолжение со стороны США было представлено предложение о 50-процентном сокращении стратегических баллистических ракет и уничтожение класса ядерных РСД наземного базирования. Предлагаемое Советским Союзом замораживание ядерных арсеналов Рейган называл «очень опасным обманом, не чем иным, как иллюзией. Реальность в том, что мы должны искать мира, сохраняя силу». По мнению американского президента, «замораживание на нынешнем уровне вооружений привело бы к

лишению Советского Союза побудительных мотивов для серьезных переговоров в Женеве и фактически подорвало бы» шансы США добиться предложенного ими «значительного сокращения вооружений». Рейган заявлял, что «вместо этого Советы путем замораживания достигли бы собственных целей». Ядерное замораживание Рейган называл «подарком Советскому Союзу», мешающим модернизации оборонных систем Соединенных Штатов и их союзников. Предложенное Советским Союзом замораживание, по мнению Рейгана, фактически невозможно контролировать, и оно отвлекало бы США от текущих переговоров о значительном сокращении вооружений [8, с. 59-60].

На протяжении 1983 г. Соединенные Штаты дважды вносили в свою позицию на переговорах об ОССВ отдельные коррективы. Однако эти коррективы ни в малейшей степени не затрагивали главного содержания американских предложений и не способствовали достижению договоренностей. Первая такая корректива была сделана 8 июня 1983 г. Сохраняя в силе свое предложение об установлении потолка для боеголовок на МБР земного и морского базирования по 5 тыс. единиц с обеих сторон, США предложили поднять потолки для МБР наземного базирования у каждой из сторон и установить отдельный уровень для ТБ – по 400 единиц у каждой из сторон. Эти скорректированные предложения по-прежнему предусматривали коренную перестройку советского стратегического потенциала: Советскому Союзу пришлось бы не только сократить большую часть своих МБР наземного базирования (поскольку предложения США содержали пункт о том, что из 5 тыс. боеголовок только половина может быть установлена на МБР), но и строить дополнительно сотни стратегических бомбардировщиков. Нельзя было рассматривать как шаг вперед и согласие США обсудить вопрос о введении лимитов на крылатые ракеты большой дальности воздушного базирования, поскольку США оставляли за собой право бесконтрольного наращивания крылатых ракет наземного и морского базирования. Наконец, не меняла сущности американского подхода выраженная администрацией Рейгана готовность к некоторому увеличению предложенного первоначального уровня в 850 единиц для БР. Это увеличение понадобилось американской стороне лишь для того, чтобы включить в соглашение еще одну новую стратегическую программу – запланированные к созданию и развертыванию моноблочные МБР «Минитмен». Советская сторона расценила «новые предложения» администрации Рейгана как корректировку в направлении ужесточения американской позиции в связи с изменившимися планами Пентагона [10, с. 144-146].

Вторая «новая инициатива» администрации на переговорах по ОССВ была предпринята 4 октября 1983 г. На этот раз она отражала разработанную к тому времени концепцию «сокращения через наращивание», что предполагало развертывание новых единиц СНВ за счет снятия с вооружения большего числа устаревающих вооружений. Идея в общем-то неплохая, но то, что конкретно вложили в нее американцы, однозначно вело к большим сокращениям МБР по сравнению с другими видами СНВ, и это делало идею неприемлемой. Предлагалось, чтобы при развертывании одной новой боеголовки МБР снимались две старые, в то время как при развертывании одной новой боеголовки БРПЛ снималось бы только 1,5 старых боеголовки. Причем для тяжелых бомбардировщиков таких правил не предлагалось. В результате СССР сокращал бы свои СНВ быстрее и в большем количестве, чем США. А во-вторых, постепенно изменялась бы структура стратегических ядерных сил в сторону уменьшения доли МБР. Другими словами, американцы вновь «тянули СССР в море», где они чувствовали себя хозяевами. После таких «подвижек» позиция США не стала более приемлемой [11, с. 338].

Связанное с началом размещения новых американских ракет в Европе изменение общей стратегической ситуации вызвало необходимость для советской стороны заново проработать все вопросы, являвшиеся пред-

метом обсуждения на переговорах об ОССВ. Ввиду этого после окончания пятого раунда 8 декабря 1983 г. дата их возобновления не была назначена. Итоги первых пяти раундов выглядели более чем скромными. Договориться удалось лишь о том, что новое соглашение должно предусматривать лимиты не только на ПУ, но и на число боеголовок. Был также согласован вопрос о том, чтобы сохранить (по настоянию СССР) в новом соглашении многие «позитивные аспекты Договора ОСВ-2» [10, с. 146]. Советские представители обвинили США в том, что Вашингтон добивается на этих переговорах «более чем двойного превосходства» над СССР по числу стратегических боезарядов и хочет, кроме того, сломать саму структуру советских стратегических сил.

Переговоры быстро зашли в тупик. В целом, советская сторона стремилась строить новое соглашение по ОСВ-3 на основе соглашения ОСВ-2 путем существенных сокращений уровней ОСВ-2, сохраняя советскую стратегическую триаду, где основным компонентом являлись МБР наземного базирования. Администрация Рейгана сознательно игнорировала ограничения, установленные договором ОСВ-2, которые явились результатом трудных семилетних переговоров. Американцы требовали сокращения двух третей советских тяжелых ракет, что подрывало стратегическую мощь СССР. К тому же американцы оставляли за собой право радикально модернизировать свои стратегические силы (бомбардировщик «Б-1», более мощные ракеты «МХ» с РГЧ, новые АПЛ класса «Огайо» и др.). Впоследствии обе стороны вносили коррективы в свои позиции, но разрыв между предложениями СССР и США сохранялся. Советско-американские переговоры по ОССВ выглядели скорее как маневр американцев прикрыть форсирование военных программ и нейтрализовать протесты общественности Западной Европы накануне размещения там американских РСД.

Выступая на форуме по проблемам национального руководства в Центре Международных и стратегических исследований в Джорджтаунском университете 6 апреля 1984 г., президент Р. Рейган подвел, можно сказать в спокойном тоне, некий итог прекратившимся советско-американским переговорам по ОССВ. В частности, он сказал, что США предлагали «резкое сокращение стратегических вооружений» на переговорах. По словам президента, все вносимые США предложения о контроле над вооружениями были рассчитаны на то, чтобы положить конец военной гонке и добиться равновесия сил на более низком уровне военной мощи. На переговорах по ОССВ, по утверждению президента, США стремились к значительному сокращению числа боеголовок МБР, снижению разрушительной мощи ядерных ракет и установлению предела количества бомбардировщиков и КР ниже уровня, предусмотренного Договором ОСВ-2. Р. Рейган назвал позицию американской делегации гибкой. Президент США также заявил, что ликвидация в одностороннем порядке ракеты «Страж мира» (МХ) лишает советскую сторону стимула к переговорам о реальном сокращении вооружений и фактически поощряет СССР отказываться от переговоров [8, с. 119-120].

Позиции сторон по основополагающим проблемам ограничения и сокращения вооружений и укрепления международной безопасности не только не сблизились, но и имели в этот период тенденцию к дальнейшему расхождению. На протяжении первой половины 1980-х гг. в значительной степени была подорвана та договорно-правовая и материальна база советско-американских отношений, которая была заложена в 70-е гг. Причинами неудачи переговорного процесса по ОССВ, в том числе, стали: недоверие советского руководства к президенту Р. Рейгану в связи с его окончательным отказом от Договора ОСВ-2 и другими недружественными для СССР акциями; приверженность американского и советского руководства политике ведения переговоров «с позиции силы»; начатая Рейганом крупномасштабная программа перевооружения США; усиление гонки советских вооружений на рубеже 1970-1980-х гг., приведшее к углублению экономического

кризиса в стране, который советское руководство недооценивало. Выдвигая на переговорах по ОЯВЕ и ОССВ предложения о резком и кардинальном сокращении РСД и стратегического оружия, Р. Рейган не стремился к их действительному претворению в жизнь, заранее зная их неприемлемость для Советского Союза того периода, а стремился поставить советскую делегацию на переговорах в невыгодную ситуацию. Цель администрации Рейгана – экономическое изматывание СССР гонкой вооружений в принципе была достигнута. В целом, необходим был более взвешенный подход советского руководства к наращиванию гонки вооружений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. А.А. Громыко – дипломат, политик, ученый. Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.А. Громыко / МГИМО. – М.: РОССПЭН, 2000. – 232 с.
2. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1982. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 280 с.
3. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. / Сб. документов. 1983. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 320 с.
4. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1983. – М.: Междунар. отношения, 1984. – 320 с.
5. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1984. – М.: Междунар. отношения, 1985. – 280 с.
6. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 г.г.). Изд. 2-е. – М.: Междунар. отношения, 2008. – 712 с.
7. Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. 1945-1982 гг. – М.: Политиздат, 1983. – 368 с.
8. Президент Рональд Рейган. В поисках мира. Дорогой свободы. Избранные речи о Соединенных Штатах и о мире. – Вашингтон, 1988. – 312 с.
9. Советская программа мира для 80-х годов в действии: Материалы и документы. / Сост. А.М. Александров. – М. Политиздат, 1982. – 367 с.
10. Советско-американские отношения в современном мире. / Отв. ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесный. – М.: Наука, 1987. – 303 с.
11. Стародубов В.П. Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 509 с.
12. Adelman K.L. Arms control with and without agreements. – Foreign Affairs. – N.Y., 1984. – Vol. 63. – № 2. – P. 240-264.
13. Alexander Haig. Appearance on ABC's "Issues and Answers". Department of State Bulletin. – 1981. – July 24.
14. Bandy M., Kennan G., McNamara R., Smith G. The president's choice: Star wars or arms control. //Foreign Affairs. – N.Y., 1984. Vol. 63. – P. 264-279.
15. Glaser Ch. Why even good defenses may be bad?- Intern. Security, Cambridge, 1984. Vol. 9. – № 2. – P. 92-123.
16. Jervis R. The illogic of American nuclear strategy. – Ithacca; London: Cornel univer. Press, 1984. – 203 p.
17. Leman N. Caspar Weinberger in Reagan's Pentagon: The peacetime war. – Atlantic, Boston, 1984. Vol. 254. – № 4. – P. 71-94.
18. White P.K. Fearful warriors: a psychological profile of U.S.-Soviet relations – N.Y.: Free press: L., Macmillan, 1984. – 374 p.

УДК 327 (44-430) “1982/1992”

Крюков А.Н.
Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина

Х. КОЛЬ И Ф. МИТТЕРАН НА ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗЛОМЕ (1982-1992)

A. Kryukov
Yelets State University, named after I. Bunin

H. KOL AND F. MITTERAND ON THE HISTORICAL BREAK (1982-1992)

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы германо-французских отношений в период с 1982 по 1992 г., итогом которых стало образование Европейского союза. В статье подчеркивается роль противоречий в политике Франции и Германии в рамках интегративных процессов. Подчеркивается роль создания определенной стабильной платформы отношений между Германией и Францией.

Ключевые слова: интеграция, противоречия, дисбаланс отношений, позиции сторон, Европейский Союз.

Abstract. The article discusses the problems of German - French relations in the period from 1982 to 1992, the result of which was the European Union formation. The article emphasizes the role of contradictions in the policies of France and Germany within the integrative processes. The author emphasizes the importance of forming a stable platform of relations between Germany and France.

Key words: integration, the contradictions, relations disballance, the positions of the parties, the European Union.

Германо-французские отношения периода 80-90х гг. XX в. – это особый период в отношениях двух стран, который связан с многими событиями, а также с противоречиями, в возникновении некоторого дисбаланса интересов. Именно в период начала 80-х гг. произошло падение Берлинской стены, что также повлияло на политические позиции Германии, а именно на ее статус как единого государства, а не разделенного.

Проводя оценку лидеров Германии и Франции (Х. Коль и Ф. Миттеран) на историческом изломе 80-90 х гг., следует рассматривать не только роль политических лидеров, но и оценивать комплексно политическую обстановку в обеих странах. А это означает как внутреннее развитие и положение стран, так и роль политических партий и их программ на тот период времени, роль общей ситуации в Европе и в мире.

Каждая партия имеет свои интересы во внешней политике и соответствующим образом их выстраивает. Следует учитывать тот факт, что к власти в Германии вернулась коалиция ХДС/ХСС[2], которая была до В. Бранда и Х. Шмидта.

Гельмут Коль был избран федеральным канцлером ФРГ 1 октября 1982 г. в ходе первого в истории бундестага удавшегося конструктивного вотума недоверия действующему главе правительства. Следует отметить, что политика ХДС/ХСС в большей степени нацелена была на взаимодействие с США, и в этом – одно из главных отличий внешней политики социал-демократической эры (1969-1982) в Германии.

Во Франции, также как и в Германии, приходит к власти новый политический деятель. В 1981 г. Президентом Франции стал Франсуа Миттеран. Взаимодействие двух стран, Франции и Германии, стали развиваться в новых условиях.

Таким образом, с 1981 г. можно говорить как о новом политическом лидерстве двух стран: Германии и Франции, так и о новых векторах внешней политики и взаимодействия.

© Крюков А.Н., 2012.

[2] Примечание: ХДС/ХСС – Христианско-демократический союз германии и Христианский социальный союз Германии

Германо-французский тандем, успешно развивающийся, начиная от политики сотрудничества, к которому перешли страны в 1949 гг., не только дал определенные положительные результаты, но и в силу стабильности отношений выявил основные противоречия, которые до этого были не видны, в силу построения платформы взаимодействия.

В течение долгих лет стороны предпринимали усилия в области обменов, торговли, взаимных консультаций. Однако когда примирение было столь успешно достигнуто, страны стали забывать о тех условиях, в которых оно начиналось. На отношения двух стран повлияло кардинальное изменение положения в Европе и мире в целом. Исчезли общий враг и общая угроза, которые подталкивали эти страны к сближению, вновь стал прослеживаться дисбаланс в интересах [3; 25-104].

Именно поэтому германо-французскому сотрудничеству столь трудно обрести «второе дыхание». Слабостью отношений явился «институциональный застой», состоящий в том, что существующие институты и процедуры имеют тенденцию к самовоспроизводству. Возможно, то или иное учреждение уже выполнило те задачи, для которых оно было создано, но все-таки по инерции продолжает функционировать. Но, пожалуй, самым главным является провал политики, проводившейся для улучшения знания языка страны-партнера. Это приводит к тому, что люди в должной мере не понимают мотивов энтузиастов дальнейшего сближения и потому не оказывают им необходимой поддержки.

После окончания холодной войны произошли два события – укрепление кооперации и одновременное появление тенденции различного подхода сторон к ключевым вопросам современности. В частности, разногласия коснулись проблем обороны и стратегических военных проектов. ФРГ делает ставку в большей мере на атлантическую солидарность и защиту своей собственной территории, Франция – на европейскую оборону, на проведение операций за пределами континента. Решение Франции вывести свои войска с германской территории и возобновление ею ядерных испытаний были расценены в ФРГ как нарушение духа и буквы Елисейского договора[1], что в определенной мере ведет к подрыву доверия между партнерами.

Существует еще один пример несовпадения взглядов сторон по стратегическим вопросам. Это проблема создания предложенной Францией спутниковой системы «Гелиос-И», которая являлась частью европейской космической разведки и продвинула бы вперед идею создания европейской обороны. Однако в 1996 г. Г. Коль заявил, что его страна приостанавливает свое участие в проекте из-за финансовых трудностей, возникших после воссоединения Германии в связи с необходимостью помощи восточным землям ФРГ. Однако существует мнение, которое, в частности, высказывает Кристин Шолье-Боно из Парижского университета, что в ФРГ отсутствовал консенсус относительно развития независимой европейской спутниковой системы [5, с. 67-72]. Вместо этого Германия предпочла финансировать создание европейского истребителя (EFA).

В решении Г. Коля не последнюю роль, видимо, сыграла возможность вызвать раздражение США. Для Франции же этот шаг Бонна был ощутимым ударом, ибо стоимость проекта «Гелиос-И» оценивалась в 12 млрд. фр.

Существуют также различия в подходах двух стран к проблеме европейской интеграции. Для Франции ЕС было, по сути, продолжением ее национальной политики с использованием европейских институтов. Разумеется, у каждого государства существуют свои интересы и свои методы решения тех или иных вопросов. В ситуации интегративных процессов получалось, что процесс расширения Европейского союза на восток, Германия в любом случае остается географически в его центре, тогда как Франция как бы становится «периферийным» государством. Это и подтверждало выражение Г. Коля, в одном из своих интервью экс-канцлер еще в 80-е

[1] Договоор о дружбе между Германией и Францией – Елисейский договор принят в 1963 г.

гг. XX в. отмечал: «Чешская республика, Польша, Венгрия обязательно станут членами ЕС, и восточная граница Германии не сохранится в нынешних пределах… Расширенная интегрированная Европа с реформированными политическими институтами, в которой объединенная Германия имеет самый большой голос, отвечает немецким интересам» [7]. Очевидно то, что даже после инкорпорации вышеупомянутых стран в политическое поле ЕС Германия остается лоббистом Восточного направления политики ЕС.

Она, как держатель и распорядитель основного капитала, заинтересована в том, чтобы средства структурных фондов шли на Восток, теперь уже на Украину, в Белоруссию и Молдавию. Но попытку выступить покровителем вышеупомянутых стран предпринимает и Польша через инициативу «Восточное измерение». Конечной целью реализации данной программы должна стать подготовка этих стран к инкорпорации в политическое поле ЕС. Реализация таких планов позволила бы Польше не только получить доступ к общему капиталу, но и расширить свое влияние в политическом поле ЕС. Однако польские инициативы не получают должной поддержки со стороны Германии, поскольку в этом не заинтересована южная группа политических акторов, возглавляемых Францией, и Германия, в свою очередь, не желает рисковать солидарностью с Францией и нарушать консенсус [9, с. 282].

Германские политические круги понимают, что Германия не сможет в одиночку контролировать гигантское пространство с населением в 500 млн. человек. Германии необходимы надежные союзники, а таким союзником была и остается Франция. Но это не тот статус, которого Франция желала бы от имени Европы. Интерес Франции состоял в видении общеевропейского строительства как возможность восстановить свой статус великой державы в мире и как способ освобождения от гегемонии США. Такое представление Франции как центра маленького Европейского сообщества было реально, пока длилась «холодная война». Через европейские институты Франция работала над сохранением «маленькой» Европы и систематически продолжала блокировать процесс экспансии на Восток. С изменением количества участников ЕС Франция более тесно сближается с Германией и активно отстаивает свое присутствие в общеевропейских политических институтах, подтверждая свою лидирующую роль.

Однако тезис о том, будто бы Германия больше выигрывает от расширения, чем Франция, следует признать неверным, ибо демократизация стран Восточной Европы выгодна всем без исключения европейским государствам, всей Европе в целом. К тому же расширение не может продолжаться бесконечно.

Франция в период правления Миттерана довольно часто меняла свои внешнеполитические курсы, то сближаясь с евроатлантическими структурами, то вновь возвращаясь к традициям голлизма, отчего в известной мере страдали германо-французские отношения; например, вопрос о директоре Центрального европейского банка был следствием взаимного непонимания сторон.

Роль оси «Париж-Бонн» на протяжении длительного периода влияла (и продолжает влиять) на ход интеграционного процесса: когда степень сотрудничества двух стран была довольно высокой, этого начинали побаиваться другие члены ЕС, опасаясь установления «директории»; когда его темпы снижались, возникала опасность потери «двигателя» интеграции, коим и являлся франко-германский тандем. Появление же «большой Германии» после воссоединения вызвало у ряда членов ЕС прежние страхи (хотя и не в такой мере, как перед Второй мировой войной), и поэтому в Маастрихтский и затем в Амстердамский договоры было внесено много статей, которые ограничивали свободу действий ФРГ, прежде всего путем усиления тезиса о неукоснительной коммунитарной дисциплине и солидарности.

Еще одной особенностью двусторонних германо-французских отношений в 90-е годы стал факт определенного охлаждения контак-

тов высших должностных лиц обеих стран. На это указывает, в частности, Иозеф Яннинг [4, с. 23-36] из Мюнхенского университета, подчеркивая, что координация по европейским делам между двумя странами становится все менее продуктивной. При этом именно отношения между Ф. Миттераном и Г. Колем он считает наиболее сердечными в германо-французских отношениях.

Особое значение как итог взаимодействия Германии и Франции, а также итог политики Ф. Миттерана и Г. Коля было возникновение Европейского союза в 1992 г.

Договор о Европейском Союзе, подписанный 7 февраля 1992 г. [1, с. 45-246] в Маастрихте, стал настоящим прорывом в процессе европейской интеграции. Документ учреждал Европейский союз, состоящий из трех «колонн». Первая «колонна», основанная на Римском договоре о ЕЭС с внесенными в него поправками, касалась Европейского сообщества и ЭВС. Две другие «колонны» выстраивались заново: общая внешняя политика и политика безопасности; сотрудничество в области правосудия и поддержания правопорядка. В сферах, относящихся к двум новым «колоннам», Европейская комиссия, Европарламент и Европейский суд получили меньше полномочий, чем в старом Сообществе. Европейский совет по-прежнему «стимулирует развитие» Союза и определяет его общую политику.

В этом аспекте и Германия и Франция явились и являются определенным ядром ЕС, несмотря на наличие определенных противоречий в рамках внешнеполитических интересов.

ЛИТЕРАТУРА:

Законы и иные нормативные акты

1. Договор «О Европейском союзе» 1992 г. // Единый европейский акт. Договор о Европейском союзе. – М.: Право, 1994. – С. 45-246.
2. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества // Договоры, учреждающие европейские сообщества. – М.: Право, 1994. – С. 95-288.

Научная литература на русском языке

3. Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. – Т. 1. История объединения Европы и теория европейской интеграции. – Ч. 1. Кол. авт. / Под общей редакцией академика О.А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2008.
4. Единый европейский акт. Договор о Европейском союзе. – М.: Право, 1994. – 246 с.
5. Плиева А.О. Кризисные факторы политического поля Европейского союза // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 280-284.

Научная литература на иностранных языках

6. L'etat des relations francoallemandes:Dossier/Demerin P., Francois E., Lang J. et al. // Documents. – P., 1998. – 53. – № 4. – P. 25-104.
7. Bonnefous M. Allemagne et Europe: Questions sans reponses // Defense nat. – P., 1998. – A. 54. – № 10. – P. 67-72.
8. Janning J. La politique europeenne de l'Allemagne entre desir et realite // Politique etrangere. – P., 1996. – A. 61. № P. 23-36.
9. Emerson M. The Wider Europe Matrix// CEPS Paperback. Brussels.: Centre for European Policy Studies, 2004. – 24 P.
10. Maizière U. Verteidigung in Europa-Mitte / U. Maizière. – Munchen, 1975. – S. 89.

УДК 9:94

Базаркина Д.Ю.
Московский городской педагогический университет

БОРЬБА С УЛЬТРАЛЕВЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В ЕС: КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

D. Bazarkina
Moscow City Pedagogical University

STRUGGLE AGAINST ULTRA-LEFT TERRORISM IN EU: COMMUNICATION ASPECT

Аннотация. Сегодня борьба с терроризмом осуществляется не только путем проведения силовых операций, но и с помощью разветвленной системы коммуникационного менеджмента. В данной статье анализируется опыт коммуникационного обеспечения контртеррористической деятельности в ряде стран Европейского Союза. Выделены основные проблемы, с которыми сталкиваются силовые структуры при осуществлении коммуникационного противодействия ультралевому терроризму. События 11 сентября 2001 г., теракты в Мадриде и Лондоне стали причиной переосмысления концепции терроризма, коммуникационная составляющая террористической деятельности получила новую актуальность. Многие контртеррористические структуры ЕС претерпели ряд изменений, особенно в странах, пострадавших от терроризма.

Ключевые слова: ультралевый терроризм, безопасность, спецслужбы, коммуникации, террористическая пропаганда, коммуникационный менеджмент, Европейский Союз, ФРГ, Великобритания, Греция.

Abstract. Today the war on terrorism is carried out not only through the special use of force, but also by means of the branched system of communication management. The article analyzes the experience of communication maintenance of counter-terrorist activity in a number of the EU countries. There is also an attempt to allocate the basic problems which the security forces face while realizing the communication counteraction to the far-left terrorism. Attacks on WTC in September, 2001, and the acts of terrorism in Madrid and London became the reason for reconsideration of the terrorism concept; the communication component of the terrorist activity has become more acute. Many counterterrorist structures of the EU have undergone a number of changes, especially in the countries suffered from terrorism.

Key words: far-left terrorism, safety, special services, communications, terrorist propaganda, communication management, the European Union, Germany, Great Britain, Greece.

Коммуникационное сопровождение контртеррористической деятельности европейских спецслужб налажено в разных странах на разном уровне. Наиболее показательным примером можно назвать публикации Министерства внутренних дел и Ведомства по охране Конституции ФРГ. Ультралевая угроза, существовавшая в прошлом в Великобритании, упоминается в публикациях британской службы безопасности МИ-5. Однако ультралевому терроризму уделяют внимание в большей степени германские власти, поэтому в данном случае мы рассмотрим примеры коммуникационного сопровождения борьбы с ультралевыми немецких и греческих спецслужб, так как в Греции проблема ультралевого терроризма актуальна до сих пор.

ФРГ

Так как ультралевый терроризм в ФРГ сегодня отсутствует в прежнем виде, коммуникационная стратегия силовых структур нацелена, прежде всего, на предотвращение появления групп, подобных «Фракции Красной армии», в будущем. Поэтому очень большое внимание

© Базаркина Д.Ю., 2012.

уделяется отслеживанию ультралевых настроений в обществе, систематизации информации об ультралевых нетеррористических организациях и публикации результатов обработки этих данных. Немецкие спецслужбы, пожалуй, можно назвать наиболее активными на коммуникационном направлении, что видно по их открытым публикациям.

Проблемам ультралевых посвящен раздел интернет-сайта Ведомства по охране конституции (Bundesamt für Verfassungsschutz, далее BfV), озаглавленный «Левый экстремизм». С.А. Ланцов в словаре «Террор и террористы» пишет, что «нередко термин «радикализм» употребляется как синоним термина «экстремизм». Однако между ними есть различия. Радикализм – это идейное, теоретическое обоснование политического действия, а не само действие. Радикализм вообще может быть не связан с практической политикой, а сосредотачиваться исключительно в сфере ... абстрактной теории. Экстремизм же проявляется в практической политической деятельности, в использовании крайних, преимущественно насильственных средств политической борьбы. Кроме этого, радикализм всегда базируется на какой-либо идеологической платформе, а экстремизм может быть полностью безыдейным» [2]. Кроме того, радикализм далеко не всегда является идеологической базой терроризма, а экстремизм – синонимом террористической деятельности.

Трактовка экстремизма специалистами BfV достаточно широка. Значение термина «левый экстремист» объясняется следующим образом: «Левые экстремисты выводят свои политические действия из революционно-марксистских или анархических воззрений и стремятся заменить существующий государственный и общественный строй социалистической или коммунистической системой или «свободным от господства» анархическим обществом. Для этого они принимают участие в общественных акциях протеста и пытаются сделать эти акции средством достижения своих целей. Формы деятельности разнятся, от открытой агитации до совершаемых втайне насильственных, действий, часто с тяжелыми последствиями, при этом отдельные автономные группы мирятся с нанесением людям тяжких телесных повреждений» [8].

Нужно отметить, что под левым экстремизмом BfV понимает не только проявления терроризма (или «терроризм малых масштабов», как поджоги), но даже устные высказывания, сами лозунги протестных организаций, если они призывают к крайним мерам. О связи понятий «левый экстремизм» и «протестное движение» можно, в частности, судить по заявлению: «Число актов насилия, предположительно с левоэкстремистским следом, заметно выросло в 2009 г. до 1096 зарегистрированных правонарушений против 701 такого случая в 2008 г. К тому же отчетливо возрастает в своей агрессивности вербальная воинственность» (в оригинале: «verbale Militanz») [8]. Рост числа акций под левоэкстремистскими лозунгами связан с растущими проявлениями экономического кризиса; очевидны, в связи с этим, и причины распространения «языка вражды» в воззваниях протестующих.

Специалисты BfV считают, что готовых к насильственным действиям левых экстремистов нужно причислять, прежде всего, к автономным группам, члены которых, по мнению чиновников, «считают применение силы, в том числе против граждан, законным для претворения в жизнь своих политических целей и оправдывают насилие как якобы необходимое средство против «структурного насилия» системы «принуждения, эксплуатации и подавления». Так называемый «Черный блок», группы которого не включены в европейский список террористических групп, расценивается, однако, как источник насилия, которое во время всех протестных демонстраций оказывается направленным против полиции [8].

Нужно отметить, что подобный подход к проблеме ультралевых является опасным не только в отношении протестного движения, обусловленного реальными экономическими и социально-политическими проблемами, но и в отношении легальных левых партий, так

как стереотипное восприятие протестного движения под левыми лозунгами (к примеру, приравнивание в общественном сознании антиглобалистов, проводящих акции во время встреч стран «большой восьмерки», к террористам) способно отвлечь широкую общественность от обсуждения реальных, требующих решения проблем, к которым позволяют привлечь внимание протестные акции. Хотя прямого отождествления нетеррористических ультралевых организаций с терроризмом нет как в материалах BfV, так и на сайте Министерства внутренних дел ФРГ [16], активная антимарксистская пропаганда в открытых публикациях BfV способна только накалить отношения правящей коалиции с оппозицией. В частности, названия левых партий перечислены в проспекте «Враги демократии. Левые экстремисты», в котором дается следующий комментарий: «Левые экстремисты используют те же самые понятия, что и демократы, подразумевают, однако, нечто иное. Они говорят: «Свобода» и подразумевают уничтожение таких демократических достижений как независимость судов; ... «Антифашизм» – и подразумевают насилие, направленное против людей, которых они обозначают как «фашистов» (к примеру, полицейских, предпринимателей, судей, либерально настроенных граждан); ... «Справедливость» – и подразумевают устранение права на собственность; ... «Демократия» – и имеют в виду духовный и политический контроль инакомыслящих; ... «Равенство» – и подразумевают ограничение личных прав и свобод, как в профессии, так и экономически» [6].

Таким образом, десятилетиями складывавшийся опыт немецких силовых структур по коммуникационному противодействию ультралевому терроризму (связанный, прежде всего, с опасностью, исходившей некогда от РАФ), оказывается сегодня направленным на целый спектр нетеррористических организаций, разделяющих марксистскую идеологию. Стоит заметить, что подобного рода заявления в адрес протестного движения, особенно молодежной его части, могут привести к тому же эффекту, что и подавление студенческих сидячих забастовок в ФРГ в 1960-е – 1970-е гг. «При их проведении для бастующих было важно, чтобы нарушение действующих законных норм было сначала относительно умеренным, однако при этом бастующие стремились вынудить администрацию университета и тактически не подготовленную к таким демонстрациям полицию немного «перестараться» при подавлении бунтов. Громогласное возмущение против применения силы «фашистской» полицией должно было вести к следующим акциям солидарности в рядах студенчества» [1, с. 48]. Такого же провоцирующего воздействия на полицию могут добиваться члены ультралевых нетеррористических групп при участии в демонстрациях. Поэтому при присваивании автономным группам броских эпитетов следует быть также крайне осторожными.

Широкое информирование общественности о деятельности BfV осуществляется через рассылку и раздачу печатных материалов, посвященных направлениям деятельности ведомства, в том числе и борьбе с левым экстремизмом. Брошюры доставляются, в частности, в школы, где учащимся предлагается распространять их среди своих сверстников. В онлайн-игре «Was steckt dahinter?» («Что за этим кроется?»), рассчитанной на детскую аудиторию, предлагается ответить на вопросы о направлениях деятельности BfV, различиях функций ведомства и других спецслужб, механизмах информирования общественности, а также угадать ответы на вопросы вроде «Могу ли я помочь BfV в работе?». Правильным ответом на последний вопрос является пункт, в котором говорится о возможности распространения материалов ведомства. На интернет-сайте BfV размещены электронные версии публикаций ведомства, включая не только аналитические материалы (как, например, ежегодные отчеты о развитии политического экстремизма в стране), но и краткие пропагандистские материалы, позволяющие распознать правый и левый экстремизм или исламизм.

Косвенным показателем низкого уровня опасности перехода левоэкстремистских мо-

лодежных групп в ультралевый терроризм можно назвать отсутствие публикаций по этой проблеме на правительственном интернет-сайте Jugengschutz.net, разработанном при участии специалистов Министерства по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодёжи ФРГ. Напротив, проблема правого экстремизма и насильственных действий, связанных с ним, является одной из центральных для авторов сайта [12].

Обращается в BfV внимание и на технический аспект работы с информацией. Так, в 2010 г. вице-президент ведомства Александр Айсфогель заявил, что ввиду тех возможностей, которые Интернет предоставляет как враждебным ФРГ разведслужбам, так и экстремистам и террористам, перед спецслужбами «встает особый вопрос, как нужно противодействовать последствиям расширения этих информационных потоков». Он подчеркнул, что сегодня необходимо постоянно размышлять о том, какие в рамках существующих возможностей необходимо задействовать автоматизированные методы анализа и технические средства, чтобы воздействовать на эти информационные потоки для достижения целей спецслужб, а также оценки своих действий. При этом, как заявил вице-президент BfV, необходимо постоянно расширять круг источников информации, как открытых, так и закрытых [4, с. 46].

Силовые структуры ФРГ также активно занимаются сбором, обработкой и распространением информации через специальные исследовательские центры, подобные Объединенному контртеррористическому центру (the Joint Counter-Terrorism Centre), открытому в Берлине 14 декабря 2004 г. В целом можно заметить, что направления информационного и коммуникационного менеджмента в силовых структурах ФРГ обеспечены технически на очень высоком уровне.

Великобритания

Специалисты британской службы безопасности МИ-5 указывают на своем интернет-сайте, что, хотя 72% угроз национальной безопасности исходит от международного терроризма, локальный экстремизм составляет 15% угроз [9]. Под локальным экстремизмом специалисты МИ-5 понимают «шотландских и валлийских националистов, правых и левых экстремистов, экстремистов – защитников прав животных и других воинственных протестующих против отдельных проблем» [5].

Трактовка понятия «экстремизм» службой МИ-5 отличается от трактовки BfV. На британском сайте сделана оговорка, что подавляющее большинство людей, выступающих за права животных, проводящих националистические и политические кампании, являются мирными гражданами. Однако такие мотивы иногда привлекают экстремистов, которые обращаются к насилию и запугиванию. Приводятся примеры того, как некоторые экстремисты – участники кампаний за права животных – совершали преступления против собственности, угрожали насилием, отправляли муляжи взрывных устройств в дома и офисы в ходе организованных кампаний против концернов, проводящих испытания на животных.

Собственно ультралевые упоминаются в публикациях МИ-5 (в разделе «Подрывная деятельность») как проблема прошлого. В настоящее время юридической базой для борьбы с ними является Закон 1989 г. о Службе безопасности, где термин «подрывная деятельность» отсутствует, однако есть ее описание как действий, которые «направлены на то, чтобы свергнуть или подорвать парламентскую демократию политическими, экономическими или насильственными средствами». Понятие подрывной деятельности поэтому связано с враждебностью по отношении к западной либеральной демократии. Под определение подрывной деятельности, по сообщению МИ-5, подходит деятельность коммунистических и троцкистских организаций, действовавших на территории Великобритании в период «холодной войны» [15].

МИ-5 не только активно занимается сбором, обработкой и распределением информации внутри самой спецслужбы, но и исполь-

зует современные технические средства для получения «обратной связи» от населения. Так, на сайте МИ-5 гражданам предлагается подать информацию о проявлениях экстремизма, которые они смогли заметить. Прямая ссылка ведет к электронной форме на сайте *www.direct.gov.uk* [13]. В целом в Великобритании не так развито коммуникационное противодействие ультралевым, как в ФРГ, поскольку ультралевая угроза практически отсутствует сейчас в стране, более актуальной проблемой считается активность сепаратистских организаций, подобных ИРА.

Греция

Нужно отметить, что в Греции – практически единственной стране, где ультралевый терроризм сегодня настолько активен, что работа по профессиональному управлению посредством коммуникаций ведется, главным образом, путем накопления и распределения информации внутри силовых структур, открытые публикации и заявления для прессы обусловлены, прежде всего, прецедентами, создаваемыми террористами. Нужно отметить, что недостаток новостного менеджмента, целью которого является воздействие на общественное мнение, ведет чаще всего к расхождению трактовок официальной версии того или иного события. Кроме того, когда ультралевые организации берут ответственность за произошедшие теракты, силовым структурам приходится чаще всего предпринимать ответные шаги, тогда как кризисные коммуникации считаются наиболее эффективными, если их план разрабатывается задолго до наступления кризисной ситуации. Кроме этого, публикации МИ-5 и органов безопасности ФРГ являются эффективными средствами репутационного менеджмента, призванными выработать у общественности определенное отношение к ультралевому терроризму.

Кризисные коммуникации правительства в ситуации террористических атак и политических убийств, предпринятых ультралевыми, можно рассмотреть еще на примерах противодействия N-17. Показательным примером можно назвать кампанию, развернутую после убийства британского военного атташе в Греции С. Сондерса в 1999 г. После этого убийства греческие ведущие политики выразили гнев по поводу произошедшего; они утверждали, что правительство будет «самым беспощадным» в борьбе с проявлениями терроризма. Греческий министр иностранных дел Георгиос Папандреу заявил, что правительство «не позволит имиджу страны на международной арене разрушиться» [7].

Чтобы отразить общенациональное возмущение и чувство тревоги, в рамках информационной кампании была объявлена минута молчания, по общегосударственным радиоканалам прошла серия передач, посвященных терроризму. В этих радиопередачах была подчеркнута угроза, которую терроризм представляет в отношении человеческой жизни, социального и политического устройства, культуры и демократических ценностей. Кроме того, вдова С. Сондерса несколько раз выступила по телевидению и обратилась к общественности с просьбой о помощи в борьбе с терроризмом и розыске убийц своего мужа.

Подобные кампании в СМИ призваны, как правило, достичь ряда целей. Во-первых, обратить греческое общественное мнение против общего врага. Второй, практической целью таких кампаний считают давление на общественность, чтобы подвигнуть граждан передать следствию важную информацию, которой они могут обладать. В-третьих, кампания транслирует четкое сообщение мировому сообществу, прежде всего организациям США и Европы, о том, что Греция придерживается в своей политике курса на борьбу с терроризмом. Публичные заявления государственных чиновников предназначаются, во-первых, чтобы показать их высокую вовлеченность в ситуацию, а во-вторых, чтобы снять с них обвинения (если таковые прозвучали) в том, что они проявили недостаточно внимания к активности террористических организаций. Наконец, антитеррористическая пропаганда содержит сообщение непосредственно тер-

ристам о том, что общественная поддержка их действий минимальна или отсутствует вовсе. Решается задача нивелировать положительное общественное мнение, если оно ранее сложилось о террористах как о неких «Робина Гудах» поскольку их целями, как заявляют они сами, становились правительственные чиновники или богатые предприниматели [7]. Подобная схема коммуникаций применялась много раз в случае терактов ЕА [10]. Не только отсутствие активной антитеррористической пропаганды, но и слабость подготовки греческих спецслужб называют в ряду факторов, позволивших ультралевым террористам долго находиться на свободе [3].

Еще в 1986 г. указом президента Греции ND1645/1986 была образована Эллинская разведывательная служба (Ethniki Ypiresia Pliroforion – ЕИП), путем реорганизации Центральной разведывательной службы. Сегодня Эллинская разведывательная служба стала самостоятельной спецслужбой, которая находится под управлением министра общественного порядка. Назначение Эллинской разведывательной службы, как определено в Статье 2 Указа президента 1645/1986, состоит в следующем: сбор, обработка и распространение в пределах властных структур информации, касающейся национальной безопасности страны; меры контрразведки, направленные на противодействие деятельности сотрудников иностранных спецслужб; обеспечение безопасности национальных коммуникаций; в период военных действий или мобилизации ЕИП, в дополнение к ее основным функциям, занимается разведкой в пользу Греции [11].

Информационный (в меньшей степени коммуникационный) менеджмент осуществляет также Генеральный штаб Вооруженных сил Греции, сформировавший собственную независимую информационную службу. В 2000 г. под руководством генерала Манусоса Парайудакиса при Генштабе было создано особое подразделение, занимающееся сбором и обработкой информации, Информационная служба, (на базе подразделения А2 Генштаба). Подразделение А2 (служба военной разведки) греческого Генштаба Вооруженных сил занимается сбором интегрированной информационной базы и разработкой систем оценки информации для военных нужд. Служба активно сотрудничает с соответствующими гражданскими бюро и агентствами в стране, агентствами в других странах Европейского Союза и структурами НАТО. По результатам исследований А2 передает в Генеральный штаб информацию по проблемам разведки и безопасности и координирует действия ряда подразделений.

Исследователь Дж. М. Номикос сообщает о проведении следующих реформ греческой службы военной разведки в связи с событиями 11 сентября 2001 г. и осмыслением новой роли терроризма в мире:

создано специальное бюро для поддержки руководства, в которое вошли консультанты по юридическим, дипломатическим, научным проблемам;

создано Управление оперативной поддержки (Operations Support Directorate), лишенное функции сбора и распределения информации, чтобы сконцентрировать внимание на оперативной работе (Управление включает Информационный отдел, работающий с текущей информацией для поддержки системы кризисного управления, Национальный оперативный центр (National Operations Center) – отделы контроля и планирования, а штабквартира – отдел безопасности);

на базе отделов по обработке данных, [информационной] политике, планированию и распределению информации создан Отдел предупредительной оценки [Warning Assessment Section], (открыто независимое Балканское подразделение), кроме того, Управление оперативной поддержки начало программы специального обучения, создано подразделение по асимметричным угрозам;

создано Управление по поддержке коммуникаций и компьютерных технологий (Communication and Computer Support Directorate);

сформировано Информационное подразделение, чтобы оперативно поддерживать спецслужбу, в том числе с помощью новых

технических средств связи (спутниковая передача изображений и т. п.);

отдел военных атташе модернизирован до Управления, работающего как с греческими атташе за границей, так и с иностранными атташе в Греции;

контрподразделение информационной безопасности модернизировано до Управления, чтобы быть способным решать новые проблемы безопасности [11, с. 85].

По мнению того же Дж. М. Номикоса, Греция нуждается в современных и эффективных службах разведки, которые способны собирать и обрабатывать информацию, необходимую для планирования и выполнения секретных операций для защиты национальных интересов. Практика укомплектования Эллинской разведывательной службы военными чиновниками и полицейскими потерпела неудачу именно в столкновении с ультралевыми организациями. Спецслужбы нуждаются в новом поколении высококвалифицированных сотрудников и современном техническом оборудовании. Однако, по мнению специалистов, существенную роль в уничтожении организации N-17 сыграли именно спецслужбы, скоординировавшие свои действия с греческой полицией – Антитеррористическим подразделением (CTU), которое своевременно предоставило информацию об N-17, накопленную почти за тридцать лет.

Однако среди косвенных причин того, что террористы N-17 так долго не были обнаружены, можно считать закрытую стратегию поведения силовых структур, отсутствие разветвленной системы коммуникаций. Если, как утверждают греческие исследователи [11, с. 86], причинами распада N-17 была потеря организацией общественной поддержки или молчаливого согласия граждан с ее действиями, нехватка идеологии, внутреннее вырождение организации, потеря связи ее акций с политической действительностью, то при наличии определенной парадигмы ценностей, которую продвигали бы через свои каналы коммуникации силовые ведомства Греции, значительно легче было бы наладить связь с общественностью, как это делает, к примеру, Ведомство по охране Конституции ФРГ.

То же самое в настоящее время происходит и в ситуации с ЕА, когда при наличии огромного эффекта ее деятельности в СМИ спецслужбы не выпускают соответствующих публикаций, в которых бы четко разграничивались бы терроризм и протестное движение, разъяснялась бы необходимость борьбы с терроризмом. Полезными были бы, на наш взгляд, разъяснения того факта, что большая вероятность повторения терактов ЕА в будущем обусловлена не только социальной и политической нестабильностью в стране, но и предыдущими успехами организации, а также нахождением ее в подполье. Это утверждение, сделанное в статье об ЕА в базе данных террористических организаций Национального консорциума США по изучению терроризма и ответственности за терроризм, позволяет понять сущность таких террористических организаций, за действиями которых стоят определенные группы интересов. Однако и здесь теракты описаны только как своего рода послания протестному движению с целью «укрепить имидж [ЕА] *среди других революционеров*» [14], что, на наш взгляд, не только не отражает объективных условий политического развития, но и ставит под удары информационной войны протестное движение, как и абсолютно легальные левые партии.

В Греции признают, что Эллинская разведывательная служба (ЕИП) должна развиваться по образцу самых эффективных западных спецслужб, самые значительные изменения в которых произошли в последние десятилетия. ЕИП предлагается изменить политику и расширить источники набора новых сотрудников; это должно гарантировать, что штат ЕИП более эффективно представляет население. Политику спецслужб в области работы с персоналом, с точки зрения карьерного роста, процедур рассмотрения жалоб и т. п., предлагается постепенно все более приближать к нормам работы общественных служб (иногда из-за серьезных проблем персонала); управленческие методы предлагает-

ся приблизить к методам менеджмента в частном секторе. Наконец, предлагается переход к большей открытости в общении спецслужб с населением, а также указывается, что после 2010 г. разведка должна приобрести сетевой характер, рассеяться по разным областям, работать с разными отраслями знания и группами специалистов и населения [11, с. 86].

Таким образом, исследователи механизмов работы греческих спецслужб подчеркивают необходимость своевременного репутационного менеджмента, который должен помочь преодолеть негативное отношение к силовым структурам в борьбе с ультралевым (и не только) терроризмом. Здесь частично (насколько это оправдано целями работы), можно вспомнить рекомендации по расширению работы с открытыми источниками, распределению информации, полученной из них и от исследователей, с множеством потенциальных партнеров по антитеррористической коалиции, включая иностранные ведомства и лиц и организаций, не связанных с правительством, информация от которых редко бывает закрытой. Наконец, необходима защита самих спецслужб от политических давлений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Базаркина Д.Ю. Ультралевый терроризм в ФРГ: Основные направления деятельности «Фракции Красной армии» (РАФ) и ее коммуникационное сопровождение (1971–1992 гг.). – М., 2010. – 276 с.
2. Ланцов С.А. Террор и террористы: Словарь. – СПб., 2004. – 187 с.
3. Спецслужбы Греции [Электронный ресурс] // Агентура.Ру: [сайт]. [1999]. URL: www.agentura.ru/dossier/grek/ (дата обращения 19.04.2012).
4. 60 Jahre im Dienst der Demokratie: Bundesamt für Verfassungsschutz. Reden anlässlich des Festaktes 60 Jahre Bundesamt für Verfassungsschutz am 6. Dezember 2010. – Köln, 2010.
5. Domestic Extremism [Электронный ресурс] // Security Service MI5: [сайт]. [2011]. URL: www.mi5.gov.uk/output/domestic-extremism.html (дата обращения 19.04.2012).
6. Feinde der Demokratie. Linksextremisten. Eine Information des Verfassungsschutzes. Potsdam, 2010.
7. Kritzman T. Greek Counter-Terrorism. Have the Lessons been learned? [Электронный ресурс] // ICT – International Institute for Counter-Terrorism (Israel): [сайт]. [2000]. URL: 212.150.54.123/articles/articledet.cfm?articleid=124 (дата обращения 19.04.2012).
8. Linksextremismus [Электронный ресурс] // Bundesamt für Verfassungsschutz: [сайт]. [2011]. URL: // verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af_linksextremismus/ (дата обращения 19.04.2012).
9. Major Areas of Work [Электронный ресурс] // Security Service MI5: [сайт]. [2011]. URL: www.mi5.gov.uk/output/major-areas-of-work.html (дата обращения 19.04.2012).
10. Mareš M. Extreme Left Terrorism in Contemporary Europe // Central European Political Studies Review. – 2007. – Volume IX. – Part 4.
11. Nomikos J. M. Greek Intelligence Service and Post 9/11 Challenges. // The Journal of Intelligence History. Germany. – Winter 2004. – Volume. 4. – № 2.
12. Rechtsextremismus im Internet [Электронный ресурс] // Jugendschutz.net: [сайт]. [2011]. URL: www.jugendschutz.net/index.html (дата обращения 19.04.2012).
13. Reporting extremism and terrorism online [Электронный ресурс] // Directgov – the UK government's digital service for people in England and Wales: [сайт].[2011].URL: www.direct.gov.uk/en/CrimeJusticeAndTheLaw/Counterterrorism/DG_183993 (дата обращения 19.04.2012).
14. Revolutionary Struggle [Электронный ресурс] // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism: [сайт]. [2011]. URL: www.start.umd.edu/start/data_collections/tops/terrorist_organization_profile.asp?id=3672 (дата обращения 19.04.2012).
15. Subversion [Электронный ресурс] // Security Service MI5: [сайт]. [2011]. URL: www.mi5.gov.uk/output/subversion.html (дата обращения 19.04.2012).
16. Themen [Электронный ресурс] // Bundesministerium des Innern: [сайт]. [2011]. URL: www.bmi.bund.de/DE/Themen/themen_node.html (дата обращения 19.04.2012).

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 903.227

Денисов А.В.
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

МЕЧ КЕЛЕРМЕССКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

A. Denisov
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

THE SWORD OF KELERMESSKY TYPE FROM THE TERRITORY OF SAMARA REGION

Аннотация. Статья посвящена публикации о мече раннескифского времени, найденного на территории Самарского Поволжья. По ряду характерных морфологических признаков (брусковидное навершие, широкое бабочковидное перекрестие, трехваликовая рукоять, петелька под навершием) изделие относится к числу наиболее ранних мечей скифского облика, так называемого келермесского типа. Широкий круг аналогий с территории Восточной Европы и Кавказа позволяет датировать данный артефакт VII – первой половиной VI вв. до н.э.

Ключевые слова: Самарское Поволжье, раннескифское время, случайная находка, меч, келермесский тип.

Abstract. The article is devoted to the publication of an early Scythian sword found on the territory of the Volga region not far from Samara. According to a number of distinctive morphological characteristics (whetstone' shaped head, wide butterfly shaped cross, three-bulbs handle, loop under the handle) the artifact is one of a number of Scythian-like swards found earlier, so called Kelermesskiy type. A wide number of analogues from the territory of Eastern Europe and the Caucasus let us date back the given artifact to the VIIth – first half of the VIth centuries BC.

Key words: the Samara Volga region, early skithian time, occasional find, sword, Kelermessky type.

В 2008 г. в фонды Исаклинского районного историко-краеведческого музея поступил железный меч раннескифского времени. Обстоятельства его обнаружения интересны. Меч был найден в январе 2008 г. на одной из улиц с. Исаклы Самарской области. Возможно, он был оставлен там детьми, игравшими накануне в этом месте в рыцарей. Установить личности детей и место первоначального обнаружения не удалось, предположительно это окрестности с. Исаклы. Сохранность меча удовлетворительная и позволяет проследить основные детали конструкции. Целью предлагаемой публикации является введение в научный оборот данной находки.

© Денисов А.В., 2012.

Меч имеет брусковидное навершие, овальной формы. Рукоять трехваликовая, при этом в сечении два боковых валика округлые, а центральный – треугольный. Под навершием имеется узкая железная муфта (2 мм шириной), на которой расположена небольшая петелька. Перекрестие широкой бабочковидной формы, состоит из двух пластин, наваренных на клинок. Клинок меча сохранился хуже. Он имеет параллельные края и линзовидное сечение, конец обломан. Общая длина меча 51,5 см. Длина сохранившейся части клинка – 39 см., ширина у перекрестия – 3,5 см, толщина 0,6 см. Длина рукояти – 8 см, ширина – 2,8 см, толщина – 0,9 см. Размеры перекрестия 6,5х3,5 см, навершия – 5х1,6 см.

Наиболее близкой аналогией с территории Самаро-Уральского региона является обломок кинжала, найденный у пос. Луговск на р. Ток [11, рис на с. 52]. Такие детали, как форма навершия и перекрестия, сечение рукояти у обоих экземпляров идентичны. В качестве аналогии можно привести так же кинжал, найденный у с. Красные Ключи Самарской области [6, рис. 2,2]. Он имеет брусковидное навершие, широкое бабочковидное перекрестие и рукоять с боковыми валиками. Подобные исаклинскому мечи известны и на правобережье р. Волга: Бугор Степана Разина, с. Владыкино, Аркадакский музей, [12, рис. 2, 1, 6, 7]. Все они датируются специалистами в пределах VII – VI вв. до н.э. [10, с. 183; 12, с. 42-45]. В погребальных памятниках Волго-Уралья клинковое оружие с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием встречается начиная с конца VI – первой половины V вв. до н.э. В Южном Приуралье – это находки из кург. 4 мог. Бесоба [8, рис. 1, с. 47], кург. 1 мог. Сынтас [7, рис. 4, 3], мог. Кырык-Оба II [5, рис. 5, 9; рис. 7, 3]. В Нижнем Поволжье – экземпляры из кург. 4 у с. Норка и погр. 6 кург. 3 у 15 поселка [12, рис. 2, 2, 3]. Широкая форма бабочковидного перекрестия в Южном Приуралье выходит из употребления с начала V в. до н.э. На территории Нижнего Поволжья переход к узкой форме перекрестия происходит во второй половине V в. до н.э. [4, с. 27; 12, с. 50].

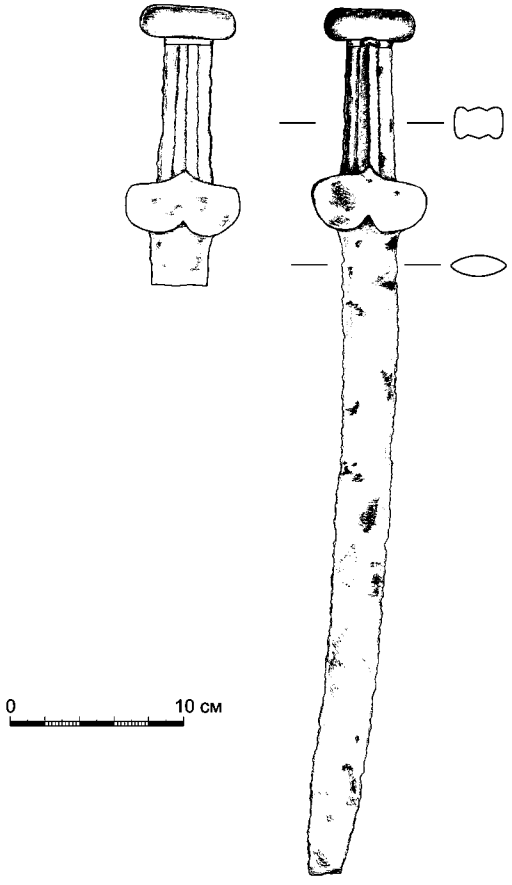

Рис. 1. Меч из фондов Исаклинского районного историко-краеведческого музея.

Важной деталью исаклинского экземпляра является наличие петельки под навершием. Данная деталь характерна для наиболее ранних кинжалов скифского времени. Традиционно границей распространения мечей и кинжалов с петелькой на рукояти считался правый берег р. Волга. Из районов, лежащих восточнее р. Волга, был известен только один подобный кинжал. Это случайная находка у с. Баландино на р. Ишим. Он имеет плоское сегментовидное навершие, бабочковидное перекрестие, колодочку под навершием, на одной из сторон которой была отлита петелька. Данный экземпляр имеет ярко выраженные восточные черты (материал изготовления, форма навершия, наличие колодочки). Он относится к кинжалам так называемого уйгаракского типа и датируется VII-VI вв. до н.э. [13, с. 88-91, рис. 2, 2]. Исаклинский же экземпляр ближе к западным образцам и может быть отнесён к келермесскому типу по определению

А.Н. Ворошилова. Признаками мечей этого типа являются: «келермесский» тип перекрестия, брусковидное навершие, железная петля под навершием, трехваликовая рукоять, клинок с параллельными лезвиями [3, с. 40].

В общей сложности к настоящему времени известно около 20 мечей и кинжалов келермесского типа [3, с. 40]. Наиболее близкие (географически) аналогии исаклинскому мечу происходят с территории правобережья Волги. Это уже упоминавшиеся находки из Аркадакского музея и с. Владыкино Саратовской обл. [10, рис. 1, 3, 4], а также с. Старое Захаркино Пензенская обл. [9, рис. 1, 4]. Еще не менее трех экземпляров данного типа происходят с территории Подонья [3, с. 40]. Из более западных находок можно назвать мечи из Киева, Полтавского краеведческого музея [2, рис. 1, рис. 2], коллекции ГИМ [16, рис. 3]. Несколько подобных мечей были обнаружены в погребениях. Это находки из Мельгуновского и Келермесского комплексов [15, рис. 5], кург. 6 у с. Яснозорье [3, с. 41], мог. Тли на Северном Кавказе [14, рис. 15, 2]. Все эти комплексы датируются в пределах VII в. до н.э. [1, с. 295; 3, с. 41].

Таким образом, основные аналогии мечу из музея с. Исаклы датируются в пределах VII-VI вв. до н.э. С учетом находок из погребений исаклинский экземпляр можно датировать VII в. до н.э. Впрочем, нельзя до конца исключать и первую половину VI в до н.э. [12, с. 44, 45]. Возможно, со временем период существования мечей келермесского типа можно будет ограничить серединой – второй половиной VII в. до н.э. [3, с. 41].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев А.Ю. Хронология Европейской Скифии VII-IV вв. до н.э. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – 410 с.
2. Белозор В.П., Скорый С.А. Архаический скифский меч из Киева // Советская археология. 1985. – № 1. – С. 255-256.
3. Ворошилов А.Н. О серии акинаков келермесского типа // Древность: историческое знание и специфика источника. – М.: ИВ РАН, 2009. – С. 40-42.
4. Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. – 134 с.
5. Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. – 2010. – № 2. – С. 51-66.
6. Денисов А.В. Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. – Самара, 2010. – Вып. XV. – С. 222-230.
7. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1976. – С. 137-156.
8. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84-93.
9. Максимов Е.К., Полесских М.Р. Заметка об акинаках // Советская археология. – 1971. – № 2. – С. 238-242.
10. Моржерин К.Ю. Новые данные о находках вооружения савроматского времени в Саратовском Поволжье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 1-5 ноября 2004 г.: Тезисы докладов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 182-186.
11. Попов С.А. Тайны Пятимаров: [очерки по древней и средневековой истории Оренбургского края]. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1982. – С. 246.
12. Скрипкин А.С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII-IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 38-50.
13. Таиров А.Д. Оружие ближнего боя кочевников тасмолинской историко-этнографической общности // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Актобе: Актюбинский государственный университет им. К. Жубанова, 2005. – Вып. 2. – С. 86-98.
14. Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII-VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 219-257.
15. Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс) // Скифия и Кавказ. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 7-30.
16. Шкурко А.И. Скифский кинжал из Днепропетровского музея // Историко-археологический сборник. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – С. 97-100.

УДК 93/94

Севостьянов А.С.
Московский государственный областной университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА I

A. Sevostyanov
Moscow State Regional University

THE ORGANIZATION OF THE AMBASSADORIAL DEPARTMENT IN THE TIMES OF PETER I GOVERNING

Аннотация. В данной статье анализируется процесс организационно-штатных перестановок в учреждении Посольского приказа, связанных с переходом от экстерриториального принципа правления органов государственного аппарата к отраслевому. Анализ событий, кадровых и организационных, в одном из основных учреждений Российского государства показывает сущность и результат изменений, которые привели к переходу от приказной системы управления к более централизованной коллегиальной. Также изучение штата внешнеполитического ведомства демонстрирует качественную эволюцию кадрового аппарата высших правительственных учреждений России в начале XVIII в.

Ключевые слова: Северная война, дьяк, канцелярия, Посольский приказ, Малороссийский приказ, четверть.

Abstract. The article analyzes the process of organizational-regular shifts in the Ambassadorial department, connected with the transition from the ex-territorial principle of state governing to the branch-wise one. The analysis of the events (connected both with the staff and organization) in one of the basic establishments of the Russian state, shows the essence and the result of changes which led to the transition from the departmental executive system to the more centralized collegiate one. The analysis of the foreign office staff shows the qualitative evolution of the state machinery staff in Russia at the beginning of the XVIIIth century.

Key words: the Northern war, a scribe, chancellery, Ambassadorial department, the Malorossijsky department, quarter.

В отечественной исторической науке всегда присутствовал определённый интерес как к изучению приказной системы в целом, так и к учреждению Посольского приказа в частности. Данный орган государственного управления знаменателен тем, что, на протяжении своей истории с середины XVI в., на руководство приказа, помимо его прямых обязанностей – ведения внешних сношений с иностранными государствами, возлагалось множество поручений и дел, косвенно связанных с внешней политикой. Во главе приказа поэтому всегда находились приближённые ко двору влиятельные сановники. Финансирование происходило за счёт присоединённых к ведению областных приказов и четвертей. Таким образом, изучение истории Посольского приказа служит зеркалом, которое отражало общее развитие системы государственного управления в России. Изучаемый период – правление Петра I – интересен тем, что в это время в истории государства происходили важные изменения, связанные с централизацией управления. И это, естественно, отразилось на организации Посольского учреждения, которое реформировалось на протяжении первых двадцати лет XVIII в.

Первые шаги к реформированию организации Посольского приказа были предприняты Петром I ещё до Великого посольства в 1695 г. Во время первого Азовского похода из Посольского приказа была выведена дипломатическая канцелярия, которая организовывалась в случае заграничного посольства или войны. Позже данное учреждение получило название Посольской походной канцелярии. Петр I придал особое значение этому походному штабу

© Севостьянов А.С., 2012.

дипломатии. Штаты канцелярии набирались из служителей Посольского и Малороссийского приказов. Во главе этого своеобразного дипломатического ведомства в миниатюре царь поставил своего первого учителя, думного дьяка Никиту Моисеевича Зотова. Глава Посольского приказа Украинцев переписывался с Зотовым, давая ему необходимые рекомендации относительно посольских дел. Цель отделения походной канцелярии заключалась в постепенной реформе всей дипломатической службы и последующих изменений в управлении. В это же время становится важным вопрос о создании профессиональных школ для подготовки кадров Посольского приказа и других государственных ведомств. Во-первых, к началу XVIII в. в связи с Северной войной и поиском союзников перед дипломатической службой встают более масштабные задачи, что неуклонно приводило к разрастанию штата ведомства. Во-вторых, значительная часть служащих, привыкших к определенному порядку ведения государственных дел еще в XVII в., не всегда отвечали требованию времени. Так, во время осады Азова глава Посольского приказа Е.И. Украинцев держал в полном неведении посланника в Вене о готовящемся наступлении русских войск, в результате чего не было обеспечено своевременное прибытие в Азов иностранных военных специалистов-подрывников. Пытаясь оправдаться перед царем, Украинцев сначала утверждал, будто ничего не сообщал посланнику в Вену (К.Н. Нефимонову) из опасения, что он мог разгласить тайну. Получив же выговор Петра I, сознался, что не смел писать дипломату без указа царя.

После возвращения из Великого посольства Петром I 23 июля 1701 г. были открыты «разноязычные школы» для подготовки чиновников Посольского приказа. Ректором этого специального учебного заведения был назначен Николай Швиммер из Немецкой слободы. Ему было велено учить шведскому, латинскому, немецкому, голландскому и французскому языкам, а также «словенскому речению и письму русских всяких чинов людей и детей, что к тому учению будут ему даны, и учить с непрестанным прилежанием; а как они тем языкам совершенно научатся, и им быть в Посольском приказе в переводчиках» [3, с. 34-35]. Указом от 23 декабря 1702 г., в связи с хорошими отзывами дьяков В. Постникова, И. Волкова и М. Родостамова об успехах в латинском и немецком языках ученикам школы было назначено жалованье из Посольского приказа. После отъезда Николая Швиммера в Голландию в 1703 г. директором («препозитом») стал пастор из Немецкой слободы Э. Глюк. Вскоре «разноязычные школы» по царскому указу от 25 февраля 1705 г. были преобразованы в Московскую гимназию [3, с. 68-69]. Однако уже вскоре гимназия начала терять свою актуальность для данного времени, сначала был сокращён курс до английской и французской школы, а в 1715 г. школа была и вовсе закрыта. Но за это время школа успела выпустить 250 учеников, большая часть из которых направилась на дипломатическую службу, другие стали заметными политиками в Российском государстве [3, с. 69].

Естественно, все описываемые выше события, – отделение походной канцелярии от Посольского приказа, появление специализированных школ, оказали положительное влияние на развитие описываемого учреждения. Так, с появлением походной канцелярии Посольский приказ в Москве мог сосредоточиться на внутренних делах, которые всё ещё оставались в его ведении до губернской реформы 1708 г., а канцелярия могла заниматься исключительно внешними сношениями, что постепенно вело к централизации важного в жизни страны органа власти. Создание школы в рассматриваемый временной период носило прогрессивный характер, так как гимназия начала работу ещё до издания Табели о рангах, а многие ученики были выходцами не из высшего сословия, но благодаря гибкой системе обучения, действующей в гимназии, могли продвинуться по служебной лестнице за счет своих знаний.

В самом Посольском приказе с возникновением гимназии значительно укрепилось среднее звено служащих, вырос и общий штат приказа к 1710 г., в штате помимо канц-

лера появился подканцлер, добавили одного секретаря, сократили трех дьяков, число подьячих увеличили до 39, переводчиков – до 28, толмачей осталось лишь 17, золотописцев стало 4[1]. Также в 1707 г. по указанию Петра I были собраны сведения о среднем звене посольских чинов – подьячих: "кто имянно и с каких чинов подьячий и с которого году кто у приказных дел". Данные сведения дают представление не только о социальном положении служащих приказа, но помогают оценить и личный состав приказа в рассматриваемое время, который с разделением приказа на канцелярию регулярно менялся. Служащие из штата Посольского приказа переходили на службу в канцелярию, и наоборот, также золотописцы в силу своей профессии часто призывались для работ в другие учреждения, хотя жалование поступало из Посольского приказа. Так, одни и те же служащие могут упоминаться в штатах разных учреждений, что находит отражение в выписках «памятях» Посольского приказа. Такое положение дел продолжалось до тех пор пока в Петербурге строилось здание для Посольской походной канцелярии. В 1712 г. в Петербург было отправлено более половины всех подьячих – 22 человека, в Москве оставалось лишь 16. В 1713 г. там было три секретаря, один старший, а также несколько молодых подьячих и переводчиков; в 1715 г. – уже четыре секретаря, семь подьячих и 12 переводчиков, в 1716 г. – 4 секретаря, 9 подьячих, 13 переводчиков из Посольского приказа и 5 подьячих из Малороссийского[2]. К тому времени в Посольском приказе остались лишь второстепенные дела. В 1715 г. его даже лишили права выдавать заграничные паспорта. В этой связи Головкин писал секретарям Посольского приказа М. Ларионову и П. Шафирову: "Вы в Москве оставлены только для приему из губерний положенных денег и для исправления дел по присланным от нас письмам, а главное правление дел в Государственной Посольской канцелярии прилучается здесь, в С.-Петербурге, и вам никаких новых дел делать, и ни из которых канцелярий ведомостей и ответов чинить не приказано" [5, с. 148-154].

С преобразованиями Петра I в области государственного управления связан и ещё один факт – в Посольском и других приказах меняется общая терминология чинов. Сразу по возвращению царя из Великого посольства была создана Ратуша – 1699 г., во главе которой становится президент с бурмистрами. С 1701 г. глава Посольского приказа Ф.А. Головин стал подписывать документы как «ближний боярин и Посольской канцелярии президент» или «Начальный президент Государственной Посольской канцелярии»[3]. После смерти Ф.А. Головина в 1706 г. новый глава Г.И. Головкин стал подписываться иначе «Верховный комнатный и Святого Андрея кавалер» [1, с. 86]. В июле 1709 г. Петр указал: «Во всех своих Великого государя и в приказных делах во всех приказах постельничего и кавалера графа Гаврилу Ивановича Головкина писать Государственным канцлером, и кавалером, и графом, а тайного советника Петра Павловича Шафирова подканцлером»[4]. Этим указом новоучрежденные в российском государстве чины сразу же вошли в употребление.

Появление новых чинов и титулов было обусловлено не только государственной необходимостью, но и амбициями петровских сподвижников, желавших иметь титул поважнее. Еще в конце XVII в. известны хлопоты Н.М. Зотова о чине тайного советника. И в XVIII в. это звание получает распространение в государственной системе, становится важнейшим в иерархии старых и новых чинов. В первое десятилетие появляется и чин тайного секретаря или секретаря Посольской канцелярии. Эти звания вместо старого звания дьяк получили старые подьячие: Михаил Волков в 1703 г., Василий Степанов в 1707 г., Петр Курбатов в 1708 г. [2, с. 129, 153]. Петр Шафиров, ставший тайным секретарем, теперь считается вторым человеком в Посольском приказе, позже он вице-канцлер, но уже

[1] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 159. Оп. 2. Д. 4859. Л. 4.

[2] РГАДА Ф. 159. Оп. 2. Д. 5062, Д. 89.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. М., 1830. С. 288.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп.1. Д.160. Л. 229.

и в чине тайного секретаря он имел право сидеть за судейским столом и решать приказные дела, в то время как находившееся в этом же чине Остерман и Николай Барка этого права были лишены. В 1716 г. Остерман получает новое звание «канцелярии советник», которое ранее не встречалось в делопроизводстве [2, с. 129-130].

Основной же целью введения новой терминологии в именовании чинов Посольской службы было стремление к некоторой унификации с делопроизводством Западной Европы, где как известно, должности и титулы всегда имели большое значение. Известно, что западные дипломаты, посещая Москву, для обозначения государственных учреждений и их чинов проводили аналогию с западной терминологией.

Подводя итог вышесказанному, важно заметить, что появление новых названий учреждения Посольского приказа и должностей его служащих не повлекло за собой принципиального изменения их обязанностей, а Посольская канцелярия продолжала работать по принципу приказного делопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в I четверти XVIII в. – СПб., 1997. – 403 с.
2. Белокуров С.А. О Посольском приказе. – М.: Изд. общества истории и древностей российских, 1906. – 272 с.
3. Белокуров С.А., Зерцалов А.Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701-1715). Документы московских архивов. – М., 1907. – 390 с.
4. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. – Т. 1. – М., 1945. – 344 с.
5. Санин Г.А. Новации Петра I в управлении внешнеполитическими делами по сравнению со второй половиной XVII века // Российская дипломатия: История и современность. – М., 2001. – 301 с.

УДК 32.019.52(470+571) “15/20”

Травникова Е.Г.
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва)

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕЕ БЛАГО» В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX вв.

E. Travnikova
Academy of Retraining in Arts Culture and Tourism, Moscow

«COMMON WELFARE» CONCEPT IN THE RUSSIAN SOCIAL CONSCIOUSNESS OF THE XVIIITH – FIRST THIRD OF THE XIXTH CENTURY

Аннотация. Автор рассматривает феномен «общее благо», его проявление и трактовки в сознании русского общества XVIII – первой трети XIX вв. Временные рамки охватывают исторический период от начала XVIII в., появления самой концепции в государственной идеологии и до момента расхождения общественного восприятия «общего блага» с официальной точкой зрения в послевоенный период. Закономерным итогом развития этой концепции в первой трети XVIII в. автор считает речь Александра I в Варшаве, которая разделила государственную политику и общественное сознание.

Ключевые слова: концепция, общее благо, русское общество, феномен, идеология, законодательство, политика.

Abstract. The author considers the “common welfare” phenomenon, its comprehension and interpretations in the consciousness of the Russian society of the XVIIIth – the first third of the XIXth centuries. The time frame covers the historical period from the beginning of the XVIII century, the time of occurrence of the concept in the state ideology and till the moment when the public perception of “common welfare” stared to divert from the official point of view during the post-war period. The author considers Alexander I’ speech in Warsaw to be a logical result of this concept development, and considers it divided the state policy and social consciousness.

Key words: concept, common welfare, Russian society, phenomenon, ideology, legislation, policy.

В истории все процессы и концепции взаимосвязаны и, как правило, проистекают друг из друга, напоминая тем самым, пресловутый «снежный ком», который по мере движения получает форменное развитие. Тем более это относится к социально-политическим и культурным процессам, происходившим в русском обществе в XVIII – первой трети XIX вв.

Бурный XVIII в., с его каскадом социально-политических событий и культурными новациями, подарил истории Отечества государственную концепцию «общего блага». Этот феномен был продекламирован Петром I, смысл которого император видел в благоустройстве государства в различных его слоях и структурах. «Общее благо» – это фикция XVIII в., за которой скрывалась необходимость каждого подданного в зависимости от своей сословной принадлежности неукоснительно выполнять обязанности, возложенные на него государством. Как девиз правления монархов «общее благо» не сходило со страниц указов на протяжении всего столетия. Но, чем ближе к нашему времени, тем в большей степени оно эволюционировало в одном определённом направлении, наполнялось иным содержанием: «общее благо» подданных трансформировалось в реальное благо для дворянства» [11, с. 497].

Безусловно, об «общем благе», едином для всех слоёв общества, и речи не могло быть, хотя бы потому, что общество было сословным. Определяющая роль сословной структуры общества была неоспорима, об этом говорят современные историки, подчёркивая, что и сознание Петра I, и вся его государственная деятельность, направленные на укрепление Российской империи и её преобразование, были наилучшей иллюстрацией сословно-абсолютистского

© Травникова Е.Г., 2012.

уклада жизни: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен; но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воли и благомнению управлять» [2, с. 325].

Подобная трактовка собственного положения подразумевала и то, что император был наипервейшим человеком общества, исполнителем своих указов, который во многом своим примером стремился привить подданным, составлявшим опору его власти, образец служения Отечеству.

Впервые идея «общего блага» прозвучала в манифесте 1702 г., в котором император обосновывал приглашение иностранцев на русскую службу собственным попечением о благе общества: «… все старания и намерения Наши клонились к тому, как бы сим Государством управлять таким образом, чтобы все Наши подданные, попечением Нашим *о всеобщем благе* (выделено мной. – *Е.Т.*), более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние…» [7, с. 192]. В дальнейшем «общее благо» встречается в указах и манифестах, относящихся к различным сферам жизни, так складывается смысловое наполнение этой идеологической мозаики. В ней император видел процветание торговых отношений, развитие ремёсел и мануфактурного производства, правосудие, развитие образования и многое другое.

Императорская забота касалась всех слоёв общества таким образом, что регламентирующие указы отражали функциональность каждого. Благо крепостного крестьянства император видел в неукоснительном служении своим господам и выплате налоговых пошлин, т. е. в пополнении казны. Именно на крепостных крестьян ложилась тяжесть налогов, которые, как правило, вводились беспорядочно и носили целевой характер. На сословие городских жителей возлагалось бремя торгового и производственного аспекта жизни империи, вклад в казну государства был от различных торговых операций. Ради претворения в жизнь самой идеи Пётр стремился привить личную ответственность прежде всего чиновникам, исполнявшим его повеления для благоустройства России. Именно с этой целью были изданы указы, которые вводили личную ответственность: «Об отправлении Президентами дел своих в Коллегиях с ревностью» [6, с. 572].

Безусловно, что политика Петра была по сути своей направлена на дворянское сословие, на улучшение его благосостояния, как опоры престола, но, одновременно с этим, на дворян были возложены и новые обязанности. Главной из них стала *государева служба*, как единственная возможность поддержания собственного благосостояния.

Вереница законодательных актов была направлена на побуждение дворянства к службе Отечеству. В 1714 г. были изданы два манифеста, которые весьма усложняли жизнь дворянству. В февральском манифесте вводился запрет на производство «в Офицеры молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а которые и служили то только для лица по несколько недель, или месяцев… а впредь сказать указ, чтоб из дворянских пород и иных со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами в Гвардии» [9, с. 84-85]. Таким образом, Пётр принуждал дворян к реальной службе, будь то гражданской или же военной, тем более что Россия в то время вела достаточно активную внешнюю политику (Северная война 1700-1721 гг.).

Ещё одним законодательным актом, который должен был подтолкнуть дворянство к исполнению государевой службы, стал указ 23 марта 1714 г. о порядке наследования. Указ достаточно подробно рассматривал порядок наследования движимого и недвижимого имущества членами семьи покойного дворянина. В этом указе царь обращался к благу государства, с которым неразрывно связывал и благосостояние именитых фамилий: «разделение имений после отцов детям недвижимых, великой есть вред в Государстве Нашем, как интересам Государственным, так и подданным и самим фамилиям…» [8, с. 91]. Положение статей документа фактически принуждало тех наследников, которые остались без

недвижимого наследства, идти на государеву службу и жить за счёт тех доходов, которые она приносила: «… каждый, имея свой даровый хлеб, хотя бы и малый, ни в какую пользу Государства без принуждения служить и простираться не будет, но ищет всякой уклоняться и жить в праздности, которая (по Святому писанию) матерью есть всех злых дел» [10, с. 91]. Благодаря этим двум документам Пётр подчинил личное благо дворян благу государственному, которые отныне (с 1714 г.) были неразделимы. Не менее строгой повинностью того времени оказалось принуждение дворянских детей к получению образования, знаний, которые были необходимы для осуществления служения «общему благу», благу государства.

Главная идея императора состояла в том, чтобы представители сословий своими делами во всех сферах жизни проявляли усердное радение на благо Отечества, этому было в большей степени и подчинено его законотворчество. Н.И. Павленко давал следующую характеристику этой государственной идеологии: «Идея служения отечеству, в которую глубоко уверовал царь и которой он подчинил свою деятельность, была сутью его жизни. Она пронизывала все его начинания» [11, с. 482].

Собственно, после Петра «общее благо» становится той самой фикцией, о которой писал Н.И. Павленко, «штандартом». Постепенно высшее дворянство перестаёт служить Отечеству, занимаясь лишь устройством собственного благосостояния, государева служба становится основным источником дохода для неродовитого мелкопоместного дворянства. Более того, императорская власть оказывается в «заложниках» у дворянства и гвардии, что было вызвано тем сумбуром в престолонаследии, который произошёл со смертью Петра (приход к власти монарха осуществлялся исключительно при поддержке дворянских группировок и давления гвардии в качестве силового аргумента. – *Е.Т.*).

При преемниках Петра I политика «общего блага» всё больше уделяла внимание благу высшего дворянского сословия, от которого в большой степени и зависела. Это ярко иллюстрирует вереница законодательных актов о дворянских привилегиях: в 1762 г. при Петре III «Манифест. – О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству» [8, с. 912-915], который по сути был подтверждён Екатериной II лишь спустя двадцать три года. Окончательная победа интересов дворянства была закреплена Екатериной II в 1785 г.: «И сим образом в истинной славе и величестве Империи вкушаем плоды, и познаём следствия действий Нам подвластного, послушного, храброго, неустрашимого, предприимчивого и сильного Российского народа, когда верою к Богу, верностью к Престолу он управляем, когда труд и любовь к отечеству соединёнными силами стремятся преимущественно к *общему благу* (выделено автором – *Е.Т.*), и когда в военном и гражданском деле примером предводителей поощрены подчинённые на деяния, хвалу, честь и славу за собой влекущие» [4, с. 344].

При Павле I манифестация «общее благо» транслировалась в «блаженство всех и каждого», именно такую цель собственного правления избрал новый император. Во многом его политика была схожа с политикой Петра, преемственность которой так стремился подчеркнуть сын Екатерины II. Н.Я. Эйдельман, характеризуя эпоху конца XVIII – начала XIX вв., писал: «Высшим эталоном, авторитетом оставалась система Петра Великого, но она могла быть истолкована по-разному. Вспомним соперничающие надписи на петербургских памятниках преобразователю: «Петру I – Екатерина II. 1782» и «Прадеду – правнук. 1800». Мать и сын по-разному смотрят на вещи, но каждый апеллирует к Петру» [14, с. 60]. Однако действительно возвращаться к временам Петра, когда представители дворянства, как и прочих сословий, были обязаны нести государственную службу, никто не желал. Эпоха Петра с её потрясениями и достижениями уже стала прекрасным прошлым, о котором вздыхали, но в которое мало кто хотел бы вернуться.

В начале XIX в. (11 марта 1801 г.) был совершён последний дворцовый переворот, завершивший бурные традиции XVIII в., который

также произошёл под знаменем «общего блага» и идеи служения Отечеству. Дворянство, приближенное к престолу, оказалось напугано непоследовательной и резкой политикой Павла. Политикой, которой тот стремился отбросить все те достижения и порядки, а главное, полученные привилегии, сформировавшиеся при Екатерине II и по которым общество привыкло жить последние три десятилетия. Именно страх перед неустойчивым сегодня и ещё более неопределённым завтра, а также желание сохранить всё в прежнем порядке подтолкнуло группировку высшего дворянства к осуществлению заговора и смене власти. Позднее идеологическая основа этого события объяснялась участниками не чем иным, как желанием *спасти Отечество*, т. е. оно осуществлялось в соответствии с представлением об «общем благе».

Контекст заботы об «общем благе», безусловно, читается и в записках участников последнего дворцового переворота, пусть они и не говорят о нём. «Пален, Зубовы…, Бенигсен обращались к *патриотизму* (выделено автором – *Е.Т.*) присутствующих, говорили о настоящем бедственном положении России, что самовластие императора губит ее и что есть средства предотвратить еще большие несчастия: это – принудить Павла отречься от трона; что сам наследник престола признает необходимую эту решительную меру» [5, с. 165]. Все их действия объяснялись именно высокой целью всеобщего спасения от тирана и самодура. Участники в стремлении собственного оправдания сгущают краски той атмосферы, что сложилась в Петербурге и в империи в целом. Один из них писал: «… такое замешательство во всех отраслях правления, такое всеобщее недовольство, охватившее не только население Петербурга, Москвы и других больших городов империи, но и всю нацию, не могло продолжаться… Основательные опасения вызывали, наконец, всеобщее желание, чтобы перемена царствования предупредила несчастия, угрожающие империи. Лица, известные в публике своим умом и преданностью *отечеству*, составили с этой целью план» [1, с. 29].

Историческая ситуация рубежа веков была такова, что спустя три десятилетия дворянство – опора престола, помыслило о поиске «общего блага» через замену законного правителя. Подчеркнём, замену правителя, но не самой системы правления. Сколь бы ни было велико недовольство Павлом, но сама мысль о физическом уничтожении персоны императора казалась кощунственной и не рассматривалась в изначальном плане. Его смерть стала неожиданностью и для самих участников заговора.

Тиран свергнут, Отечество спасено и может благоденствовать, «общее благо», благо подданных нашло своё отражение в персоне нового императора, воспитанника «матушки-императрицы», с которым связывались надежды на возвращение к политике Екатерины II.

Новое проявление концепции «общего блага» мы встречаем в связи с наполеоновскими войнами. Накануне вторжения Наполеона в Россию новый государственный секретарь А.С. Шишков формулирует общегосударственное виденье «общего блага», называя его «благоденствием державы»: «народная гордость и любовь к отечеству…, составляющие силу и благоденствие всякой державы» [13, с. 35].

«Общее благо» становится контекстом государственной агитации в связи с вторжением врага и тяжёлым положением империи, теперь всё, что ни делается обществом и властью, всё иллюстрирует заботу о нём, о победе Отечества. Пожертвования купцов, дворян, членов императорской семьи, всё это идёт во благо державы. Одним из самых ярких проявлений желания жертвовать ради спасения Отечества можно считать инициативу сестры императора Екатерины Павловны: «В то время, когда любовь к отчеству и преданность Государю, одушевляя всех Россиян, делают их готовыми к величайшим пожертвованиям жизнью и имуществом; в то время, когда соединение постоянных и великих усилий потребно на отражение врагов и охранение общей безопасности, Я не могла воспротивиться влечению Моего сердца, чтоб принять

некоторое деятельное участие в способах, к умножению военных наших ополчений. …Я обращаюсь к вам, для приведения в исполнение Моего намерения, внушённого беспредельной ревностью к пользе и славе дражайшего Отечества и живейшей любовью к Государю. Оно состоит в том, что с определённого Мне в удел имения собрать известное число воинов, которым предоставлю Я особенные выгоды, и которых, вооружа собственным иждивением, содержать буду во всё продолжение войны» [3, с. 386].

Таким образом, мы видим, что во время Отечественной войны смысловое наполнение концепции «общее благо» сводится не к приобретению новых благ, а к общей победе над врагом. Вторжение Наполеона в пределы России привело к осознанию реальности угрозы потерять всё, которой не ощущалось в обществе более века.

Подъём патриотических настроений ещё долгое время сохранялся после окончания антинаполеоновской кампании, по возвращении в Россию общество жило ожиданием реализации концепции «общего блага» правительством, но на деле получало лишь разочарование и убеждалось в пренебрежении императора внутренними делами империи. Можно сказать, что в одночасье русский император стал европейским.

Послевоенные годы русское общество дышало ожиданием перемен, об этом свидетельствует и образование многочисленных тайных обществ, кружков молодых дворян-офицеров, которые стремились к расширению своих познаний в сфере общественной и политической жизни общества. Более того, впервые представители дворянского общества проявили инициативу соучастия в жизни империи не тогда, когда Отечество оказывается в опасности, а в повседневном устройстве. Позднее С.П. Трубецкой писал: «Они дали друг другу обещание словом и делом содействовать государю своему во всех начертаниях его для блага своего народа» [12, с. 27].

Стоит обратить внимание на то, что участники тайных обществ послевоенного периода сохраняли свою приверженность государственной идеологии, стремясь произвести перемены внутри существующей традиции. Точкой разрыва следует считать речь императора Александра в Варшаве в 1818 г., с этого момента будущие декабристы изменили свой взгляд на государственную концепцию «общего блага». Именно речь императора Российской империи о даровании Польше конституции окончательно отрезвила либерально настроенное дворянство, которое ждало перемен во внутренней политике правительства. Квинтэссенция впечатлений от европейских походов, несбывшихся желаний соучастия в судьбе Отечества и разочарования в государственной концепции «общего блага» привели к событиям 14 декабря 1825 г., к тому, что представители опоры российского престола пошли против вековых традиций и устоев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Беннигсен Л.Л. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы 1800–1825. – М.: Правда, 1989. – С. 19-37.
2. Воинский устав. от 30 марта 1716 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи (далее ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. V. – СПб., 1830. – С. 203-453.
3. Высочайше утверждённое предложение Великой Княгини Екатерины Павловны, изъяснённое в отношении к Министру Уделов, Гурьеву, – О сборе на временное ополчение воинов с имения, удел Её Высочества составляющего. от 3 июля 1812 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXII. – СПб., 1830. – С. 386-387.
4. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства. от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXII. – СПб., 1830. – С. 344-358.
5. Из записок Фонвизина // Саблуков Н.А. Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. – С. 155-171.
6. Об отправлении Президентами дел своих в Коллегиях с ревностью. От 2 июня 1718 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. – СПб., 1830. – С. 572.
7. О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания. от 16 апреля 1702 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. IV. – С. 192-195.
8. О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству. от 18 февраля 1762 г. //

ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XV. – СПб., 1830. – С. 912-915.
9. О не производстве в Офицеры Дворян, не служивших солдатами в Гвардии. от 26 февраля 1714 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. – СПб., 1830. – С. 84-85.
10. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах. от 23 марта 1714 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. V. – СПб., 1830. – С. 91-94.
11. Павленко Н.И. Пётр Первый. – М.: Мысль, 1994. 592 с.
12. Трубецкой С.П. Записки // Мемуары декабристов. Северное общество. – М.: МГУ, 1981. – С. 23-77.
13. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // А.С. Шишков Огонь любви к Отечеству. – М.: Институт Русской Цивилизации, 2011. – С. 23-47.
14. Эйдельман Н.Я. Грань веков. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.

УДК 94(470)”1870/1877”

Федорова Е.Ю.
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (1870 – НАЧАЛО 1877 гг.)

E. Fedorova
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

THE SLAVIC QUESTION AS PRESENTED IN “THE BULLETIN OF EUROPE” (1870 - beg. 1877)

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды западников-либералов на славянский вопрос. Прослеживается эволюция его восприятия на страницах журнала «Вестник Европы» в 1870–1877 гг. В контексте обсуждения славянского вопроса авторы «Вестника Европы» старались привлечь внимание читателей к неразрешенным проблемам внутреннего развития российского государства, большое внимание уделялось обсуждению либеральных свобод. С другой стороны, когда либеральное издание выражало свое сочувствие борьбе славян за независимость, оно подчеркивало, что поддерживает не принцип национальности, а борьбу другого народа за свободу. В целом, в их стремлении соединить ценности либерализма с идеей особой исторической миссии России на Балканах прослеживается приспособление либеральных принципов к национальной почве, т.е. формирование национально-либеральной парадигмы.

Ключевые слова: славянский вопрос, западники-либералы, журнал «Вестник Европы», либеральные свободы, историческая миссия России, формирование национально-либеральной парадигмы.

Abstract. The article analyses the westernizer-liberals' approaches to the Slavic question. It investigates the evolution of its perception being reflected in “The Bulletin of Europe” within the period of 1870-1877. While discussing the Slavic question the authors of the journal tried to attract the readers' attention to the unsolved problems of the internal development of the Russian state, great attention was also paid to the discussion of liberal freedoms. On the other hand, while expressing sympathy to the Slavic struggle for independence, the liberal journal stressed that they support not the national principle but the struggle of the other nation for freedom. On the whole, their effort to join the values of liberalism with the idea of a specific historical mission of Russia at the Balkans has some traces of adjusting liberal principles to the ethnic situation, i.e. forming of national-liberal paradigm.

Key words: the Slavic question, westernizer-liberals, “The Bulletin of Europe” journal, liberal freedoms, historical mission of Russia, formation of national-liberal paradigm.

© Федорова Е.Ю., 2012.

Славянский вопрос, а точнее, его становление, содержание и интерпретация представителями различных течений общественной мысли России середины, второй половины XIX в., его место во внешней политике страны продолжает привлекать внимание отечественных историков [1; 14; 15; 16; 17; 18]. Однако некоторые аспекты проблемы, в том числе восприятие журналистами «флагмана русского либерализма», журнала «Вестник Европы» славянского вопроса в 1870–1877 гг., т. е. в период его обострения, приведшего к русско-турецкой войне, не получили должного освещения. Анализ же отношения русских либералов к славянскому вопросу позволит в новом свете взглянуть на их понимание национальной проблемы, а в итоге, расширить представления обо всей системе их мировоззрения. Приступая к освещению темы, хотелось бы заметить, что правительство негативно относилось к обсуждению как славянского, так и других внешнеполитических вопросов в печати. Только к середине 1870-х гг., когда в русском обществе развернулось широкое движение в защиту славян, цензура перестала видеть в каждом проявлении братских чувств призыв к восстанию.

Славянский вопрос обсуждался на страницах «Вестника Европы» в качестве одного из основных элементов системы международных отношений, а также при освещении событий, происходивших в славянских странах. Первоначально подход журнала к славянскому вопросу отличался большой прагматичностью. По мнению либерального органа печати, желание России помочь балканским славянам напрямую зависело от ее международного авторитета, внутриполитического положения и материальных возможностей страны. Прошедшая в марте 1870 г. Лондонская конференция по отмене невыгодного для России Парижского трактата 1856 г. с ликованием была воспринята либералами как «победа России над европейскою дипломатией» [2, с. 879]. Вместе с тем авторы «Вестника Европы» не призывали к дальнейшим активным действиям России на международной арене в пользу славян, так как второе условие для возможной помощи славянам – успехи внутреннего развития страны – не было достигнуто. «Заслугу князя Горчакова» либералы видели, в первую очередь, в том, что подписание соглашения открывало для правительства возможность в полной мере сконцентрироваться на преобразованиях внутри страны.

«Вестник Европы» считал большим заблуждением утверждение славянофилов о насущной необходимости для России и русского народа сделать все для освобождения славян. По мнению либералов, в силу того, что положение дел на Балканах и в 70-е гг. XIX в. оставалось лишь одним из аспектов внешней политики, правительству не следовало отвлекать «общественное внимание под тем предлогом, что славянский вопрос есть главнейший наш внутренний вопрос», откладывая на будущее решение своих собственных проблем [10, с. 390]. В контексте обсуждения международных проблем, а особенно славянского вопроса, авторы «Вестника Европы» старались привлечь внимание читателей к неразрешенным проблемам внутреннего развития российского государства. Используя эзопов язык, либералы намекали на необходимость принятия конституции и дарования свободы слова, печати, личности в собственной стране: «Прежде, чем нести общественные блага славянству, надо самим их приобрести, чтобы было что нести» [12, с. 384].

На страницах «Вестника Европы» в контексте славянского вопроса большое внимание уделялось обсуждению либеральных свобод. Так, освещая немаловажное для Сербии событие – совершеннолетие сербского князя Милана IV, авторы журнала акцентировали внимание на благосостоянии Сербии, связанном с «установлением полной парламентской конституции, с ответственностью министерства перед скупщиной, свободой печати, введением института присяжных» [5, с. 846]. Либералы восхищались «возвышением благосостояния и поднятием образованности в Сербии» [5, с. 846]. Ее прогрессивное развитие по сравнению с другими странами Балканского полуострова авторы журнала связывали с заимствованием сербами евро-

пейского опыта, недвусмысленно намекая на ценность вышеупомянутых реформ и для России.

На страницах «Вестника Европы» обсуждались и другие нововведения либерального характера. В иностранном обозрении журнала за ноябрь 1871 г. в связи с требованиями чешской национальной партии установления федерализма в Австро-Венгрии рассматривалась возможность осуществления этого государственного преобразования как «одного из главных условий свободы» в монархической стране. Либералы пришли к выводу, что на тот момент идея федерации была утопией из-за «болезни национализма» европейских обществ: «Принцип федерации предполагает, что национальные различия поставлены на последний план, а на первом плане стоит дух единства» [3, с. 400-401]. Вместе с тем авторы либерального журнала искренне желали чешскому движению осуществления этого принципа государственного устройства для Австро-Венгрии.

С другой стороны, когда либеральное издание выражало свое сочувствие борьбе славян за независимость, оно подчеркивало, что поддерживает не принцип национальности, а борьбу другого народа за свободу. В этом и заключалась специфика восприятия национального вопроса русскими либералами начала 1870-х гг. «Вестник Европы» поощрял движение славян на Балканах в их борьбе за независимость в 1876 г. и надеялся на решение восточного вопроса «оружием христианских народов, находящихся под властью Порты» [7, с. 382]. Журнал оценил прокатившиеся восстания славян на Балканах как повод «для пробуждения России решить дело в их пользу прямым ее вмешательством», но предостерегал общественное мнение от призывов правительства к военным действиям в пользу славян. Либералы вновь привлекали внимание читателей к внутриполитическим проблемам: «Но опасность заключается в том, чтобы, увлекаясь такими делами и такими заявлениями, мы, за этой блестящей картиной, не забывали и той скромной и черной работы у себя дома, которая составляет главную нашу обязанность. Помогайте славянам, но не забывайте и своих дел» [8, с. 352].

Такая реакция «Вестника Европы» на рост активности славянского движения на Балканах была совершенно предсказуема с точки зрения уже упоминавшихся приоритетов внутренних вопросов в их программе над внешними. Либералы требовали продолжения преобразований, начатых правительством после отмены крепостного права. Однако не следует думать, что авторы «Вестника Европы» не испытывали чувства солидарности со славянскими народами и ограничивались лишь сочувствием к их борьбе. Либералы отводили огромную «историческую, вполне рациональную и нисколько не завоевательную» роль политике России на Балканах в отношении славян: «Мы разумеем политику России не в смысле захвата и поглощения всех славянских и вообще христианских областей Турции, но в смысле всегдашней готовности оказать им защиту и против притеснения их турками, и против захвата их германскою расой в лице Австрии» [4, с. 415]. «Вестник Европы» признавал историческое предназначение России по отношению к славянству и интерпретировал это «призвание» более умеренно сравнительно с другими апологетами этой идеи.

По мнению журнала, «отречься от своей традиционной политики сочувствия и поддержки по отношению к турецким славянам Россия не может» [9, с. 840]. Эта политика, по мнению либеральных авторов, предполагала и содействие болгарской церкви в борьбе за освобождение от греческой иерархии, и сближение русской дипломатии с государственными людьми Турции для защиты прав турецких славян, и поддержку правителей славянских стран, ориентированных на сближение с Россией [9, с. 840-842]. Таким образом, для авторов журнала поддержка славян была вопросом чести России, она предполагала искренность и отсутствие корыстных интересов.

При исследовании взглядов авторов «Вестника Европы» на славянский вопрос следует учитывать специфику российского либера-

лизма. По мнению исследователя его мировоззрения, «идеи либерализма, зародившиеся в западноевропейской политической деятельности, будучи перенесенными на российскую почву, <…> были «приспособлены» к российской действительности [17, с. 22]. Кроме того, либералы, учитывая историческое предназначение России в отношении славян, «признавали факт особенности русской истории» [17, с. 72]. Первоначально на страницах журнала славянский вопрос использовался в качестве орудия пропаганды идей, призванных способствовать либеральному переустройству общества. Как уже отмечалось, либералы обращались к славянской теме, например, к развитию Сербии, борьбе чехов за свои свободы, стремясь, в первую очередь, показать обществу универсальность ценностей западноевропейского либерализма. «Вестник Европы» не призывал Россию к активному участию в борьбе славян. В этом проявлялся прагматизм и рационализм либералов, придерживавшихся курса на приоритетное осуществление внутренних преобразований.

Однако с активизацией с сер. 70-х гг. XIX в. общественного движения в поддержку славян либералы все чаще стали обращаться к идее проведения Россией традиционной политики поддержки славянского населения на Балканах, подчеркивать ее соответствие национальным интересам. При этом «Вестник Европы» учитывал сдерживающий фактор этого покровительства – союз России с Австро-Венгрией и Германией, которые стремились не допустить усиления влияния страны-покровительницы в этом регионе. России, по мнению либералов, следовало лавировать между возложенными на нее самой историей обязанностями в отношении славянского юго-востока и сохранением стабильных, дружественных отношений со странами Европы и в частности с Австро-Венгрией и Германией: «интересы трех империй далеко не тождественны – кроме общего интереса в поддержании мира» [4, с. 414]. Авторы журнала пытались, с одной стороны, рационально сочетать патриотизм и прагматизм в славянском вопросе: «Дело славян нам дорого, интересы России на Чёрном море весьма важны, но впереди всего должна стоять забота о том, чтобы самое положение России в Европе, столь выгодное в настоящее время, не изменилось в ущерб её могуществу» [11, с. 834], а с другой – не потерять влияния на российское общество с его прославянскими настроениями.

«Вестник Европы» оценивал международную обстановку на Балканах в период восстания Боснии и Герцеговины и Сербской войны 1876 г. как опасный момент, который может повлечь за собой европейскую войну. Залогом сохранения мира было поощряемое либералами невмешательство России: «Друзья полного освобождения славян» «едва ли они могут основательно ожидать» столкновения между державами и решения восточного вопроса в пользу славян европейскою войною, то есть, собственно говоря – военной силою России» [6, с. 417]. Рационально объясняя опасность обстановки на Балканах, либералы хотели уберечь общественное мнение от чрезмерных увлечений славянским вопросом. Более того, «Вестник Европы» пытался «направить» общественное движение страны в русло политики правительства, которое в то время исходило из идеи несвоевременности военного вмешательства в балканские дела. «В вопросе о войне и мире мы совершенно должны положиться на правительство» [8, с. 351], – полагал либеральный журнал. Освобождение славян, по мнению «Вестника Европы», должно было осуществляться посредством дипломатических усилий не только России, но и других стран Европы – это «долг разума, человеколюбия, чести для всей Европы» [10, с. 402].

Однако после неудавшейся Константинопольской конференции «Вестник Европы» в мартовском номере 1877 г. признал, что «миролюбие исчерпано до конца». Реально оценив сложившуюся ситуацию и потеряв последнюю надежду на «благородство» Европы в решении славянского вопроса, либералы приветствовали готовность России оказать военную помощь славянам: «В русском народе всегда была и есть готовность, всеми сила-

ми и не считая никаких жертв, идти к достижению указанной ему национальной задачи. В этом народном духе – все значение нашей истории, в нем – основа того величия, до которого доросла Россия; в нем же – залог ее могущества в будущем» [13, с. 375]. «Вестник Европы» признал неизбежность вмешательства России в восточный вопрос военными мерами, не теряя надежды на продолжение преобразований внутри страны после разрешения военного конфликта. Таким образом, к началу войны чувства патриотизма и национализма у либералов, усиленные их стремлением сохранить влияние на общество, возобладали над рационализмом и прагматизмом, приверженностью абстрактным либеральным принципам.

Либералы в контексте обсуждения славянского вопроса пытались привлечь внимание русского читателя к внутренним проблемам российского общества, указывая на то, что Россия еще не готова «нести блага славянам». Они доказывали привлекательность для славян достижений Запада в политической и культурной сфере и необходимости внедрения и в России политических свобод и конституции. В то же время авторам «Вестника Европы» были не чужды чувства братской солидарности к славянам, они признавали важность исторического призвания России на Балканах, что и привело в конечном итоге к оправданию Высочайшего манифеста о войне. В целом в их стремлении соединить ценности либерализма с идеей особой исторической миссии России на Балканах прослеживается приспособление либеральных принципов к национальной почве, т. е. формирование национально-либеральной парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70 – 80 гг. XIX века (Из истории журнала «Вестник Европы»). – М.: Ин-т истории СССР, 1991. – 229 с.
2. Вестник Европы. – 1870 - № 4 - 903 с.
3. Вестник Европы. – 1871 - № 11 - 897 с.
4. Вестник Европы. – 1872 - № 9 - 910 с.
5. Вестник Европы. – 1872 - № 10 - 856 с.
6. Вестник Европы. – 1876 – № 5 – 883 с.
7. Вестник Европы. – 1876 – № 7 – 876 с.
8. Вестник Европы. – 1876 – № 9 – 923 с.
9. Вестник Европы. – 1876 – № 10 – 850 с.
10. Вестник Европы. – 1876 – № 11 – 879 с.
11. Вестник Европы. – 1877 - № 2 – 846 с.
12. Вестник Европы. – 1877 - № 3 – 858 с.
13. Вестник Европы. – 1877 - № 5 – 865 с.
14. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. – М.: Наука, 1993. – 205 с.
15. Либерализм в России: очерки истории. (сер. XIX – нач. XX в.). – М.: Памятники ист. мысли, 1995. – 286 с.
16. Либеральная модель переустройства России. – М.: Росспэн, 1996. – 277 с.
17. Приленский В. А. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. Ч. 1. – М., 1995. – 311 с.
18. Хевролина М.В. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики 1878–1884 гг. – М.: Ин-т рос. Истории РАН, 1999. – 315 с.
19. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российского либерализма. – М.: Наука, 1991. – 231 с.

УДК 94(470) «1905/1907»

Колесникова М.А.
Московский государственный областной университет

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 гг. В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

M. Kolesnicova
Moscow State Regional University

THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905 THROUGH THE PERCEPTION OF RUSSIAN PHILOSOPHERS OF THE END OF THE 19TH CENTURY – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Аннотация. Одно из центральных мест во внешней политике нашей страны начала XX века занимал Дальневосточный вопрос. Русские софиологи конца XIX – начала XX в. В.С. Соловьев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, В.Ф. Эрн предупреждали об опасности со стороны Востока, в частности и со стороны Японии, еще до начала русско-японской войны 1904–1905 гг. Вкладывая в понятие патриотизм высокие духовные чувства, отстаивая идеи всеединства, они по-разному оценивали события начавшейся войны. В.С. Соловьев предупреждал, что если Россия начнет войну с Японией – это обернется настоящей бедой. В.Ф. Эрн, напротив, встречает эти события достаточно оптимистично, видя в этой войне истинный подъем русского духа. Сергей и Евгений Николаевичи Трубецкие в ходе этой войны приходили к выводу о неподготовленности русской армии, вопиющих недостатках бюрократической системы управления страной и душой болели за будущее России.

Ключевые слова: софиологи, русско-японская война, патриотизм, бюрократическая система.

Abstract. At the beginning of the 20th century the Far Eastern Problem held one of the key positions in Russia's foreign policy. It's remarkable that the Russian sophiologists of the late 19th and the early 20th centuries, such as V.S. Solovyov, S.N. Trubetskoy and E.N. Trubetskoy, V.F. Ern, warned of the danger coming from the East, from Japan in particular, as far back as the beginning of the Russian-Japanese War of 1904–1905. Though the notion of patriotism was interpreted by them similarly (they considered it to include the highest spiritual senses) and the ideas of all-unity were shared by all of them, they considered the events of the war differently. V. Solovyov insisted that in case Russia began war with Japan it would turn out to be a disaster. V. Ern, on the contrary, faced those events rather optimistically and found the war to stimulate the rise of the Russian national spirit. During the course of the war S. Trubetskoy and Eu. Trubetskoy came to the conclusion that the Russian army turned out to be unprepared for the war, he was convinced that the country's bureaucratic system had made scandalous mistakes in ruling the country. They heartily hoped Russia would have a better future.

Key words: sophiologists, Russian-Japanese war, patriotism, bureaucratic system.

Одно из центральных мест во внешней политике России начала XX в. занимал Дальневосточный вопрос, попыткой решения которого являлась русско-японская война (1904-1905 гг). Постараемся рассмотреть взгляды русских мыслителей: В.С. Соловьева, В.Ф. Эрна, братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких на события этой войны и на взаимоотношения Японии и России. Напомним, что Николай II в 1902 г. на встрече в Ревеле с императором Вильгельмом II заявил, что рассматривает укрепление и усиление влияния России в Восточной Азии как главную задачу своего правления. Основным препятствием этой политике на Дальнем Востоке становилась Япония, неизбежное столкновение с которой Николай II предвидел и готовился к нему как в дипломатическом, так и в военном отношении. О столкновении России и Японии говорили и русские мыслители конца XIX – начала XX в., предвидя его неизбежность задолго до начала русско-японской войны.

© Колесникова М.А., 2012.

Всю свою жизнь Владимир Сергеевич стоял на защите нравственных идеалов, считая, что война – это прежде всего зло, так как она приносит бедствия и гибель людей. В то же время философ прекрасно осознавал, что это зло бывает порой просто вынужденным; иногда война необходима, чтобы сдержать еще большее зло. Война не дает внутреннего и нравственного перерождения, но гражданину своей страны не следует уклоняться от воинских обязанностей.

Следует обратить внимание на то, что Соловьев вкладывал в понятие патриотизма. Он полагал, что истинный патриотизм – это не проявление силы и что он должен основываться на принципах гуманистической морали. Споря с поздними славянофилами, Соловьев писал: «Русская национальная идея … не может исключать принципа справедливости и всечеловеческой солидарности» [1, с. 187]. Отсюда и его требования свободы развития всех народов и в Российской империи, и во всем мире.

Отношение к войне Владимир Сергеевич пересмотрел в работе «Три разговора» [2], в которой признавал справедливость войны. Таким образом, с его точки зрения, война, как и государство, выполняет собственную определенную функцию в истории, несамостоятельную, относительную, но все же необходимую. В.С. Соловьев, хоть и не дожил до событий русско-японской войны, опасность, надвигающуюся с Востока, он предчувствовал. Правда, первоначально он считал, что эту опасность следует ожидать со стороны Китая, но в дальнейшем он увидел, что агрессором является Япония. В подъеме Китая и Японии Владимир Сергеевич видел большую опасность и считал данные события предтечей Антихриста.

Если в 1890 г. в статье «Китай и Европа» роль «бича Божьего» Владимир Соловьев отводил только Китаю, соглашаясь с мнением А. Ревиля, что Япония «решительно перешла на сторону Европы» [3, с. 24], то уже в 1900 г. в «Трех разговорах»[2], напротив, именно японцы изображаются творцами идеи панмонголизма.. Владимир Сергеевич говорил: «подражательные японцы» [2, с. 86]. Почему подражательные? Потому что они очень быстро переняли европейскую культуру. Узнав о различных идеях, зародившихся на Западе, японцы выдвинули свою теорию «панмонголизма, т. е. собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т. е. европейцев» [2, с. 134]. Кардинальным событием десятилетия, разделяющего две работы, была как раз японо-китайская война.

В последних своих публикациях Владимир Соловьев пренебрег политической реальностью во имя историософской, он утверждал, что конец истории сойдется с ее началом, поэтому последнее слово будет за Китаем. Но разгром Китая, с одной стороны, показал, что главной силой в Дальневосточном регионе является не он, а Япония, поскольку обнаружилось появление на мировой арене нового хорошо вооруженного и коварного хищника.

В конце жизни философ скептически отнесся к миротворческой инициативе последнего русского монарха. Призыв Николая II к всеобщему миру и разоружению он счел бесперспективным уже потому, что «внешний» гуманизм никак не был подкреплен, с его точки зрения, необходимыми преобразованиями в самой России. Возможно, поэтому Владимир Соловьев изобразил олицетворяющего мировое зло антихриста не кем иным, как ловким миротворцем – демагогом, ублажавшим всех обещаниями всеобщего мира и согласия. Смысл этого образа философ прокомментировал простой русской пословицей: «Не все то золото, что блестит» [2, с. 76].

На других софиологических позициях стоял В.Ф. Эрн. Война, по мнению Владимира Францевича, раскрывает глубинные проявления русского народа. То, что скрыто в национальном самосознании, наиболее ярко проявляется в ходе войны. Эрн определяет войну как большой исторический экзамен, разоблачающий те недостатки, которые на первый взгляд скрыты. Поэтому для Эрна важно то, как проявляется духовный облик народа на этом экзамене.

В.Ф. Эрн отмечает, что война, кроме всего прочего, необыкновенно сплачивает государство, и Россия не исключение. Раз война сплачивает государство, выдвигает новые задачи перед ним, следовательно, каждый солдат должен чувствовать, что он выполняет гигантское дело для всеобщего благополучия. «Совершается поистине нечто странное и парадоксальное, в то время как материально Россия питает и всячески поддерживает армию… – в это время духовно сама Россия питается армией, поддерживается ее непоколебимой верой» [10, с. 152]. Эрн считал, что армия и Россия во время войны сливаются в единый организм: за отдельным солдатом стоит величайшая сила и энергия народа.

На наш взгляд, воспринимая достаточно оптимистично события, связанные с началом войны, Владимир Францевич обращал внимание на удивительную особенность русского солдата, проявляющуюся на протяжении всей истории России. Он способен выйти за грань своих личных сил благодаря внутреннему единству с массой народной энергии. Эрн отмечает необъяснимую для всех народов русскую способность побеждать, проигрывая в силе: «Ведь бьет же русский солдат и турок, и немцев, и австрийцев, и мадьяр, и в условиях почти сплошь и всегда неравных» [11, с. 14]. Владимир Францевич поражается способности русского человека долгое время сохранять способность и миролюбие, в этом он видит какую-то спящую силу, и именно это он считает самым потрясающим, причем всегда, в любых обстоятельствах. Эрн пишет, что люди превращаются в серый гранит стойкости, мужества, героизма, когда необходимо встать на защиту своего государства. По мнению Владимира Францевича, эти качества русского человека не возникли сами по себе, они создавались веками.

Владимир Францевич Эрн застал события русско-японской войны и, в отличие от Владимира Сергеевича Соловьева, встретил их достаточно оптимистично. Эрн писал о том, что в России разыгрываются достаточно жестокие и даже отвратительные сцены, идет борьба за власть, а эта война как нельзя лучшим образом отразится на состоянии Российского государства: «война целительным подъемом чувства снесла и этот безобразный гул, и тяжелые сцены. Война вызвала в нас торжественное примирение» [11, с. 31]. Эрн был уверен, что война с Японией благотворно сказывается на состоянии русского народа, так как главной целью, которое ставит перед собой русское правительство, является не борьба за материальное бытие, «в окопах, творится настоящее таинство нашей истории и свершаются величайшие напряжения народной воли. Или в мирные времена мы никуда не годимся и не смеем говорить ни о каком «мире на земле», или сейчас, в священной борьбе, мы свершаем величайшее завоевание Божьего мира и жертвенной кровью многострадального нашего воинства мы обретаем небывалое, не пережитое еще нами «благоволение в человецех»» [11, с. 44]. В этой войне воины, кроме того, что защищают население страны, еще и поднимают боевой дух «быть духовной опорой российского «существования» и обывательства, скалой, сокрушающей утомительную непрерывную «зыбь и рябь» с тылу идущего скептицизма» [11, с. 44]. Владимир Францевич, общаясь с участниками русско-японской войны, отмечал, что данная война отличалась от всех предшествующих войн, «настоящая война радикально отлична от той войны, прежде всего, тем, что тогда за ними расстилалась чудовищная пустота, почти полный отрыв от «эфирного тела» России, теперь же воюет Россия, а не полки и дивизии, и каждый солдат себя чувствует частичкой гигантского общего дела, не отвлеченно-военного дела, но и дела всероссийского и даже всечеловеческого» [12, с. 92].

Сергей Николаевич Трубецкой, будучи истинным патриотом, еще накануне русско-японской войны предупреждал о том, что нужно быть осторожными в отношениях с Востоком: «Русскому престижу, русской мощи в Азии должен был нанесен удар, более тяжкий для ее мирового положения, нежели была Крымская компания для ее положения в Европе» [7, с. 358]. Анализируя ситуацию, Сергей Николаевич сделал вывод о том, что

власть России на Востоке держится лишь благодаря ее авторитету, потерять который нельзя. Он приходил к выводу о том, что Япония не страшна России сама по себе, она страшна как передовой пост монгольского азиатского мира. Взяв под свою защиту Китай, она обязательно направит эту силу против России.

Сергей Николаевич Трубецкой, в отличие от В.Ф. Эрна, сильно переживал по поводу опасности, надвигающейся с Востока. Эта проблема настолько занимала его мысли, что даже во время болезни оставалась для него главной головной болью. После событий 1900 г. в Китае, когда русские войска были втянуты в военные действия, Сергея Николаевич заявлял о том, что восточный вопрос необходимо решить путем раздела Китая. "Надо оградить Россию, – писал он, – и европейский мир от неминуемой беды, именно теперь, пока Китай еще беззащитен, пока горсть европейцев может разбить желтые полчища. Если наступит час, а он пробьет неизбежно, когда три или четыре китайца будут в состоянии справиться с одним европейцем, – судьба Азии, судьба европейского владычества, судьбы Англии и России будут решены» [7, с. 436].

Весной 1903 г. Сергей Николаевич заболел крупозным воспалением легкого, которое так расшатало его здоровье, что врачи стали настаивать, чтобы он на продолжительное время уехал за границу, где бы мог как следует отдохнуть и поправиться. О начале войны с Японией он узнал вдали от Родины, и воспринял это известие с болезненной тревогой. Уже 14 декабря его жена, кн. Прасковья Владимировна писала: «Сережа страшно удручен газетными толками о Японской войне, настолько удручен, что ночи его становятся плохи. Он способен под влиянием этого удручения написать что-нибудь веское, но совсем непечатное. Пока спасает его другая работа... Он живет исключительно для науки: посещает от 10 до 1 часа здешнюю чудную библиотеку, там работает, потом работает дома до 11 ч. вечера, появляясь между нами только к столу и чаям» [7, с. 563]. Пытаясь поддержать боевой дух солдат, Сергей Николаевич находил способы увидеть в событиях хоть что-то положительное: «Наша армия, в которой такой дух, какой проявился при Чемульпо, и такой порядок, какой проявился при мобилизации, – может не бояться японцев» [7, с. 256], – замечал он в одном из писем. Весною 1904 г., в связи с успешным ходом мобилизации, удрученное состояние Сергея Николаевича сменилось некоторым оптимизмом, к сожалению, не оправданным событиями. Но всё, что сообщалось ему из Москвы, не могло не будить в нем тревоги. В.И. Вернадский писал ему по поводу происходящего: «События идут быстро и иногда кажется, точно направляются невидимой рукой… Я физически не в состоянии радоваться русским поражениям… Много приходилось говорить об этом, но, в конце концов, мне кажется взяла верх бессознательная органическая сила русского общества и в обмене мнений явно начинают преобладать рассуждения и возражения лиц, которые не дают себя обманывать ролью, какую сыграл Севастополь в подъеме русской жизни. Ведь это совсем несравнимые явления. Настроение здесь тяжелое, так как война только начинает накладывать свою печать на жизнь, и кругом усиливается реакция…» [9, с. 226].

По происходившим на полях сражений событиям Сергей Николаевич приходил к выводу о неподготовленности русской армии, вопиющих недостатках бюрократической системы управления страной и душой болел за будущее России. В резонанс с Вернадским Сергей Николаевич писал: «С тех пор как защитникам Пор-Артура месяц службы стал засчитываться за год, все русское общество живет по целому году в месяц. Никогда оно еще не жило столь напряженною жизнью, не думало, не чувствовало столь напряженно» [7, с. 381]. Падение Порт-Артура Сергей Николаевич действительно переживал очень глубоко. Вот что мы можем прочитать об этом событии в «Воспоминаниях» Ольги Николаевной Трубецкой от 29 декабря: «Не записывала все это время, потому что пера в руки брать не хотелось. Вспоминая впечатления, вызванные в прошлом году гибелью "Петропавловска" и Макарова, невольно

недоумеваешь... Трудно объяснить себе настроение общества теперь. Театры ни на один день не закрылись и были полны публикой. Профессор В-ий в день падения Порт-Артура был в Художественном театре и выражал негодование, что видел там военных... Брат Петя (Петр Николаевич) заезжал к нам в сочельник и негодовал, что в соборах не служат панихиды, и каждый ждал от другого проявления чувства, которого сам не проявлял. И у всех был один вопрос в душе: что ж будет дальше и чего теперь желать? Впереди полный туман. А если что-нибудь ясно внутри – это растущая ненависть и жажда мщенья, но не против японцев: нарастание революционного духа. В самый день взятия Порт-Артура в Думе состоялось чествование кн. В.М. Голицына, и В.Н. Бобринская прилетела оттуда к нам сообщить, что, несмотря на падение Порт-Артура, чувствовался необычайный подъем духа» [8, с. 243].

Сражение под Мукденом – это еще один очень важный этап русско-японской войны. Мукденское сражение – это самая масштабная, самая продолжительная по времени и самая кровопролитная битва времен русско-японской войны. Анализируя происходящие события, многие приходили к выводу, что ни одна из сторон не одержала в этом бою победы, но именно захват японцами Мукдена позволил им заявить о своей победе. Эти события очень остро переживал и Сергей Николаевич. Он считал, что поражение под Мукденом – самое глубокое, самое страшное за всю русско-японскую войну. «Мы пережили уничтожение тихоокеанской эскадры, но у нас оставался еще наш флот. Мы пережили Ляоян, но у нас оставалась наша армия. Когда пал Порт-Артур, русским людям стало ясно, что Россия должна стать иною иначе она прекратит свое историческое существование, будет недостойной существования … И затем произошел разгром нашей армии под Мукденом, – разгром, подробности которого продолжают доходить до нас во всем своем потрясающем значении» [7, с. 113].

Сергей Николаевич не раз будет перечислять тяжелые для России события тех лет: уничтожение Тихоокеанской эскадры, Ляоян... Порт-Артур и Мукден. На завершающем этапе войны Сергей Николаевич напишет: «Теперь совершилось последнее: у России нет флота, он уничтожен, погиб весь в безумном предприятии, исход которого был ясен всем. Умер ли русский патриотизм, умерла ли Россия? Где ее живые силы, ее исполинские силы, ее гнев и негодование? Или она разлагающийся труп, падаль, раздираемая хищниками и червями... Час пробил. И если Россия не воспрянет теперь, она никогда не подымется, потому что нельзя жить народу, равнодушному к ужасу и позору!.. Полгода назад еще раздавались голоса, говорившие, что поражения на Дальнем Востоке не наши поражения, а поражения нашей бюрократии. Но можем ли мы, имеем ли мы право успокаиваться на этом, особенно теперь, когда наша армия разбита, когда русский флот уничтожен, когда сотни тысяч людей погибли и гибнут? Мы-то русские или нет? Армия наша русская или нет? И, наконец, миллиарды, которые тратят, принадлежат России или бюрократии? И, наконец, самая бюрократия, самый строй наш, который во всем обвиняют, есть ли он нечто случайное и внешнее нам, независящее от нас приключение? Если причина в нем, то снимает ли это с нас наш стыд, нашу вину, наше горе, наш долг и нашу ответственность?..» [7, с. 685].

Младший брат Сергея Николаевича Евгений Николаевич Трубецкой не менее остро переживал события русско-японской войны. Он так характеризовал Россию накануне войны: «Общественность отсутствовала, и сонная Россия, казалось, потеряла свое духовное я, утратила смысл своего существования, а острое чувство тоски, развивавшейся среди этого общественного бессмыслия и бездействия, заглушалось двумя могущественными суррогатами жизни и смысла – водкой и картами. Нас разбудил удар грома на Дальнем Востоке – несчастная война, перешедшая в кровавую смуту» [6, с. 30]. Рассматривая сложившуюся в обществе революционную ситуацию, Е.Н. Трубецкому пришлось статьями и работами показать, насколько сейчас, в дан-

ный момент необходимо сплочение всех ради сохранения единого государства. Наибольшее впечатление на широкие круги русского общества произвела его небольшая статья: "Война и бюрократия", опубликованная в 1905 г. (журнал "Правда", № 39). Впервые на страницах легальной русской печати было ясно указано, что истинной причиной военных неудач является многолетняя косность общества, жившего "по произволу всевластной бюрократии, словно в дортуаре участка" [4, с. 246].

Евгений Николаевич отмечал еще одну особенность этой войны, русским не хватало прежде всего воли победить, и поэтому русскую армию побеждали: «Никто не верил в победу, более того, не многие верили в ее смысл, многие сомневались в желательности ее для России. И не было необходимой огневой энергии в стремлении к ней… Маловерие, вот что вырывало у него (командующий русской армией в Манчжурии А.Н. Куропаткин – прим. автора) из рук успех, столько раз близкий и возможный. Поражение его армии в конце – концов оказалось поражением народа, не в достаточной мере хотевшего, а потому и не могшего победить» [6, с. 21].

Евгений Николаевич отмечал, что война – это бессмыслица. «Что есть смысл и есть Бог, когда окружающий мир дает столь неотразимые доказательства своего бессмыслия и безбожия? … Или этого смысла нет вовсе, или мы должны найти его в самой глубине развертывающейся перед нами катастрофы» [5, с. 11]. В отличие от В.Ф. Эрна, Е.Н. Трубецкой считал, что война не способствует сплочению ни народа, ни государства, для него война – это зло, «победа над человечеством», «адский вихрь всеобщего разрушения», «зловещее зарево пожара» [5, с. 14].

Несмотря на то, что русские софиологи отстаивали идею всеединства, ситуацию, связанную с русско-японской войной они восприняли по-разному. В.Ф. Эрн воспринял русско-японскую войну достаточно оптимистично, отмечая, что эта война поможет решить проблемы, назревшие внутри государства. Эрн утверждал что война раскрыла глубинные корни русского народа, что только благодаря военным действиям можно было увидеть силу духа народа, его сплоченность.

Е.Н. Трубецкой считал, что причиной неудач в войне является бюрократия, По его мнению, война – бессмыслица, но чтобы понять ее суть, надо заглянуть во внутреннюю политику страны. В ходе поражений русско-японская война всколыхнула общественность и способствовала перерастанию внутренних противоречий в кровавую смуту.

С.Н. Трубецкой предвидел события, связанные с Японией, и тяжело переживал начало русско-японской войны. Неудачи в ходе войны Сергей Николаевич переживал как личную трагедию, возмущался неподготовленностью русской армии и непробиваемостью бюрократической системы.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Соловьев В.С. Русская идея. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1952. – 31 с.
2. Соловьев В.С. Три разговора [О войне, прогрессе и конце всемир. истории, со включ. крат. Повести об Антихристе и с прил.]. – М.: фирма «ПИК», 1991. – 191 с.
3. Соловьев В.С. Краткая повесть об Антихристе. – М.: Б.и., 1995. – 31 с.
4. Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 510 с.
5. Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России. – М.: типогр. т-ва Сытина, 1915. – 23 с.
6. Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл. – М.: типогр. т-ва Сытина, 1915. – 32 с.
7. Трубецкой С.Н. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – 733 с.
8. Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. – Нью-Йорк: 1953. – 337 с.
9. Шипов Д.Н. Воспоминания и Думы о пережитом. – М.: РОССПЭН, 2007. – 678 с.
10. Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 575 с.
11. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 48 с.
12. Эрн В.Ф Меч и крест. – М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 104 с.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 93/94

Тен В.А.
Московский государственный областной университет

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ В КАЗАХСТАНЕ (1937–1938 гг.)

V. Ten
Moscow State Regional University

ON THE DIFFICULTIES OF THE INITIAL ADAPTATION OF THE RUSSIAN KOREANS IN KAZAKHSTAN (1937–1938)

Аннотация. Россия имеет огромный опыт по адаптации нерусских национальных групп в российское общество. Такой путь прошли дальневосточные корейцы в Российской империи и в Советском Союзе, в том числе после их депортации в 1937 г. на территорию КазССР. На основе документальных источников и полевых записей автора в сообщении рассмотрены трудности первоначальной адаптации корейских переселенцев в Казахстане. Отсутствие постоянного жилья, новые виды сельскохозяйственных занятий, необходимость срочного перехода на русский язык, которым большинство переселенцев владело слабо, делают убедительным вывод о том, что первые два года – 1937 и 1938 – были самым тяжелым периодом для корейских переселенцев. Тем не менее, депортированные корейцы внедрили неизвестные местному населению ирригацию и поливное овощеводство, активно овладевали русским языком. Благодаря этому они быстрее адаптировались на месте нового постоянного жительства.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Дальний Восток депортация, корейские переселенцы, адаптация, трудности.

Abstract. Russia has vast experience in the adaptation of the non-Russian ethnic groups in the Russian society. This process is well known to the Far Eastern Koreans, who lived in the Russian Empire and the Soviet Union, including the time after their deportation in 1937 from the Far East to Kazakhstan. Based on documentary sources and author's field records, this report describes the difficulties if the initial adaptation of Korean migrants in Kazakhstan. The lack of permanent housing, new types of agricultural activities, the need for urgent transfer to the Russian language, which most of them knew very little, permit the author to conclude that the first two years – 1937 and 1938 – were the most difficult for the Korean migrants. Nevertheless, the deported Koreans introduced the agricultural methods (like irrigation and irrigation vegetable growing) which were unknown to the local population and actively learned the Russian language. This way they soon adapted to the new place of permanent residence.

Key words: Russia, Kazakhstan, the Far East, deportation, Korean migrants, adaptation, difficulties.

Вопросы адаптации иммигрантов приобретают все большую остроту в современном мире, особенно в наиболее развитых странах. Несомненна актуальность этой проблемы и в Российской Федерации. Поэтому важно учитывать огромный опыт истории нашей страны по адапта-

© Тен В.А., 2012.

ции и интеграции нерусских этнокультурных групп, в том числе и вне мест их традиционного обитания, занятий и образа жизни.

Эти процессы можно проследить на примере полуторавекового проживания корейских иммигрантов в Российской империи, Советском Союзе и современной России. Целью данного сообщения является анализ проблем адаптации российских корейцев, депортированных в 1937 г. с русского Дальнего Востока в Казахстан, где совершенно иные природно-климатические условия, другие способы и культуры земледелия и во многом другая этнокультурная среда.

Хотя депортация 1937 г. российских/советских корейцев в Казахстан и Узбекистан достаточно широко изучена учеными России и стран СНГ, комплексного исследования трудностей первоначального периода адаптации пока не существует. Авторы предшествующих работ не ставили задачи создать цельное представление о трудностях первоначального обустройства в первые два года корейцев после их прибытия в места расселения. Это сообщение посвящено разным аспектам адаптации корейцев ДВК в этот самый тяжелый период начала их жизни в Казахстане. По данной теме есть немало документальных источников, включенных в несколько сборников и отдельные монографии [1; 5; 8; 13]. При написании данного сообщения автор также опирался на сведения из фондов Кустанайского областного архива и записи бесед с очевидцами переселения в Кустанайской области, сделанными самим автором в 1989-1993 гг.

По разным оценкам, во второй половине 1930-х гг. на российском Дальнем Востоке проживали от 180 тыс. до 205 тыс. корейцев. [13, с. 16-17; 8, с. 216]. Перепись 1937 г. (названная дефектной) зафиксировала в СССР 168 тыс. корейцев, в том числе в РСФСР – 167 тыс. человек, при этом на Дальнем Востоке – 165 тыс. и в Читинской области – 2 тыс. человек [2, с. 89-90, 106].

Первое решение о депортации российских корейцев с территории Дальнего Востока было принято в конце лета 1937 г. «Постановление № 1428 – 326сс СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б)» от 21 августа 1937 г. требовало: «выселить все корейское население из пограничных районов Дальневосточного края: … К выселению приступить немедленно и закончить к 1 января 1938 г.» [1, с. 64-65]. 28 сентября 1937 г. СНК СССР издает второе «Постановление № 1647-337сс», в котором говорилось: «выселить со всей территории Дальне-Восточного края всех оставшихся корейцев. … в течение октября месяца 1937 г.». [1, с. 80].

Вначале предусматривалось депортировать корейское население ДВК в южные области Казахстана и на территорию Узбекистана, то есть в районы, где возможно разведение риса и/или рыболовство. Планы постоянно обновлялись из-за неготовности ранее намеченных районов к приему такого количества переселенцев. К началу зимы 1937-1938 гг. в Казахстан «прибыло корейских переселенцев 20 789 семей, 98 454 человек». Среди них были почти 31 тыс. колхозников-земледельцев, 5350 колхозников-рыболовов, почти 16 тыс. с/х рабочих и единоличников, примерно 15 тыс. чернорабочих, в том числе рабочих госрыбхозов, почти 11 тыс. квалифицированных рабочих, более 1 тыс. кустарей-артельщиков, почти 1,5 тыс. старателей и 15 тыс. служащих. [5, с. 43]. Проще других оказалось трудоустройство полутора тысяч бывших старателей. Их распределили на Джетыгаринские золотодобывающие прииски и на угольные шахты Караганды. Но еще в ходе переселения стало очевидным, что разместить и обустроить всех депортированных в ранее планировавшиеся места невозможно.

Тогда принимается решение о расселении депортируемых корейцев и в северные, западные и центральные области КазССР, хотя по природно-климатическим условиям выращивание здесь риса было невозможно. Возможности рыболовства были ограничены побережьем Балхаша и северо-запада Каспийского моря, то есть пустынными и малонаселенными местами с неразвитой транспортной сетью. Тем не менее, эти регионы Казахстана также стали местами расселения дальневосточных корейцев.

Так, в Кустанайскую область в октябре-ноябре 1937 г. привезли 982 депортированные семьи, или 5 тыс. 100 человек. Корейцы прибыли сюда тремя разными по численности и по политическому статусу группами. Первая группа состояла из нескольких человек (примерно от 5 до 10), высланных с Дальнего Востока как «социально-опасные элементы». Это были образованные люди, активные участники освободительного и коммунистического движения на советском Дальнем Востоке в 1920-30 гг. В 1935-1936 гг. они подверглись исключению из рядов ВКП(б), а затем арестованы. Они прибыли в Кустанай осенью 1936 г., примерно за один год до массовой депортации корейцев. Основная масса переселенцев – почти 5 тыс. человек – прибыла в Кустанайскую область поздней осенью 1937 г. в ходе тотального выселения и состояла из представителей всех социальных групп. Третью группу депортированных корейцев составили корейцы из Маньчжурии, в том числе и участники антияпонских партизанских отрядов. Спасаясь от японского наступления, они зимой 1936–1937 г. перешли в СССР, а в феврале 1938 г. были депортированы с ДВК. Их число было относительно невелико. В Кустанайской области таковых оказалось немногим более 30 человек, не считая членов семей [9, с. 17, 23, 32].

С начала 1938 г. на корейских переселенцев, как и на многих других жителей Кустанайской области, обрушились необоснованные репрессии. Тогда были репрессированы от 70 до 100 депортированных корейцев. Впоследствии все они были реабилитированы [11].

По воспоминаниям переселенцев, «самым тяжелым был первый год (жизни в Казахстане – авт.). <…> Мы приехали [в Казалинск – место размещения корейского педучилища], а у нас запасов мало. Овощей здесь не было. Нас поселили в обшарпанный кинотеатр (его освободили специально, чтобы нас разместить). Пол был цементный, кроватей не было. Дали только матрасы, но от холода все равно [многие] болели. Весной сразу начались болезни: куриная слепота и дизентерия, все вместе. Некоторые [наши] ребята умерли. С другой группы двое умерли. Я тоже болел дизентерией и тоже чуть не умер», – рассказывал автору бывший студент этого педучилища Виктор Петрович Шегай[1]. Немногим лучше было положение в Корейском пединституте, перемещенном в г. Кзыл-Орду.

Особенно страдали от холода и недоедания дети «…младенческой возрастной группы». «По воспоминаниям информантов, в каждой корейской семье умирали дети, во многих многодетных семьях выживала половина или меньшая часть» [6, с. 202]. Это утверждение Г.Н. Кима представляется недостаточно обоснованным. Наши подсчеты показывают, что у депортированных в Казахстан корейцев в 1938 г. имел место естественный прирост почти на 500 человек. Этот показатель резко уменьшился – до 95 человек – в 1939 г. [7, с. 20]. Следовательно, даже в тяжелейшие первые два года адаптации среди депортированных корейцев наблюдался естественный прирост населения, хотя и незначительный.

Но в целом условия социально-экономической адаптации депортированных корейцев в первые годы обустройства в Казахстане были крайне неблагоприятными. Они способствовали уменьшению численности корейского населения в этой республике. Перепись 1939 г. учла корейское население СССР в количестве 182 339 человек, в т. ч. в КазССР – 96 453 человека (1,6% всего населения республики) [12, с. 335], в УзбССР – 72 944 человек и в РФСР – 11 462 человека [3]. Таким образом, за первые два года демографические потери среди корейских переселенцев в Казахстане составили 2000 человек.

Тяжелее всего пришлось крестьянам-переселенцам, подавляющее большинство которых были земледельцами. Основная масса депортированных колхозников не смогла получить компенсации ни в виде продовольствия, ни в виде денег, необходимых для пропитания в течение зимы 1937 г. и весны 1938 г. Ниже приведены сокращенные выдержки из обращений и писем переселенцев в вышестоящие союзные и республиканские власти. Из письма Предсовнаркома КазССР

[1] Полевые материалы автора 1993 г.

В.И. Лазареву: «…на трудодень за 1937 г. ничего не выдано, расчет с колхозниками не произведен. Колхозники не имеют ни копейки денег. Сидят на [привезенной с собой] муке с сентября месяца 1937 г., не имеют ни грамма жиров и мяса, нет капусты и картофеля <...> Во время посевной кампании многие колхозники оказались больными <…> В крайне тяжелом положении оказались все колхозники <…> Деньги, обещанные в ДВК по обязательствам, не выдают, кредиты просим, но их не дают. <…> срывается посевная кампания. <…> куда мы ни обращались, не получаем результатов. <...> Председатель колхоза «Красная коммуна» Г. Ким, 9 апреля 1938 г.» [1, с. 160]. Еще один пример – из заявления колхозника Ким Ген-Сека Председателю СНК СССР тов. Молотову: «переселившиеся в Казахскую ССР колхозы не получили ни одного килограмма зерна в счет сданных нами государству в ДВК, в то время как в наших руках есть документ о сдаче. 16. VIII. 1938 г. » [1, с. 169].

Для переселяемых 15 тыс. служащих и рабочих госпредприятий – согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР – предусматривалась выплата суточных в размере до 5 рублей на сутки переезда. Но эти деньги получили немногие, а главное: после прибытия в Казахстан многие переселенцы долго не могли получить какую-либо работу. Их приему на работу препятствовало нередко и недостаточное знание русского языка. Большую часть служащих-корейцев составляли учителя 287 дальневосточных школ, среди которых минимум в половине школ обучение шло на корейском языке с охватом почти 22 тыс. учащихся. «Преподавание русского языка [в ДВК] в настоящее время неудовлетворительно <…> В результате окончившие корейские школы и даже институт почти не владеют русским языком» [4, с. 311]. Зимой 1937-1938 г. часть корейских школ возобновила обучение детей переселенцев, и их учителя были трудоустроены на новых местах размещения школ. Но с началом 1938-1939 учебного года в СССР обучение на родном языке всех национальных меньшинств было прекращено. Лишились работы несколько тысяч депортированных учителей корейских школ, приступивших к обучению на родном языке более 14 тыс. учащихся-корейцев. Найти работу служащего или учителя, конкурируя с большинством русскоязычных учителей и других служащих, им и другим переселенцам было очень трудно. Поэтому и для них первый год после депортации также стал очень трудным для выживания.

Первоначальное размещение депортированных корейцев предполагалось провести по планам органов местной власти и под контролем уполномоченных НКВД по делам переселяемых корейцев. Однако разрыв между планированием на бумаге и реальным положением с обустройством десятков тысяч переселенцев был огромен. Уполномоченный отдела НКВД по корейским переселенцам докладывал в Москву, что «точки постоянного оседания не были определены. В качестве жилья были приспособлены пустующие здания и построены полуземлянки <…>. Снабжение продовольственными и промышленными товарами было явно недостаточным, выдача денег за сданное в ДВК имущество не производилась» [5, с. 46-51]. Таким образом, экономическое положение депортированных корейцев было крайне тяжелым. Фактически вплоть до весны 1938 г. они не имели ни постоянной работы, ни регулярных источников питания, ни нормального жилья. Строительство постоянных жилищ было очень острой проблемой. Первоначально землянки переселенцы строили сами, но власти обещали построить для них добротные жилые дома.

Адаптация прибывших в 1937 г. новых жителей Кустанайской области имела свои особенности [9]. Очевидец П.К. Ким вспоминает, что люди не хотели объединяться в новые многоотраслевые колхозы по выращиванию зерновых, картофеля, овощей и животноводству[1]. Власти не учитывали, что корейцы традиционно не занимались разведением молочного крупного рогатого скота и овцеводством [4, с. 333]. Созданные скотоводческие фермы, особенно молочно-товарная и овце-

[1] Полевые материалы автора 1989 г.

водческая, были крайне мелкими[1] и не могли быть рентабельными.

До переселения дальневосточных корейцев овощеводство на территории Кустанайской области было самой неразвитой отраслью сельского хозяйства. Население г. Кустаная страдало от острого недостатка овощей. Депортированные корейцы были известны еще на Дальнем Востоке как отличные овощеводы, умело применявшие поливное земледелие. Местные власти решили использовать эти их навыки и организовать в Кустанайской области массовое выращивание овощей. Для этого сначала создали одну специальную огородническо-бахчеводческую бригаду из 61 человека, а затем и другие овощеводческие бригады в корейских колхозах[2]. Уже в 1938 г. было собрано большое количество долгожданной для кустанайцев овощной продукции: урожайность огурцов, например, составила 155 ц с гектара[3].

Кроме того, в 1938 г. корейские переселенческие колхозы добились хороших результатов в привычной для них сфере сельскохозяйственного производства – земледелии. Животноводство же в этот и последующие годы оставалось резко убыточным, что увеличивало крупную дебиторскую задолженность корейских колхозов.

Стремясь предотвратить развал корейских колхозов «Самир» и «5 Декабрь», областные власти идут на перепрофилирование обоих колхозов из многоотраслевых хозяйств по преимуществу в овощеводческие хозяйства. Они должны были стать основными овощеводческими центрами Кустанайской области.

Для кустанайских корейцев, вспоминает Л.К. Ким, «самыми тяжелыми годами жизни на новых местах были годы с 1938 по 1940»[4]. Несмотря на все эти тяготы, корейские переселенцы смогли пережить трудности первоначального периода обустройства в Казахстане. Большинство переселенных корейцев были из крестьян и не знали русского языка или недостаточно владели им, так как учились в корейских сельских школах. Неудивительно, что документация в корейских колхозах зачастую велась на корейском языке. Лишь постепенно из неё исчезали записи на корейском языке, и все чаще употреблялся русский язык[5]. Это явление наблюдалось до конца 1940-х – начала 1950-х гг., пока в середине 1950-х гг. на базе двух корейских колхозов не был создан укрупненный совхоз.

В целом, постепенно преодолевая трудности непривычных природно-климатических условий, языковых и этнокультурных различий, депортированные с Дальнего Востока российские корейцы адаптировались к жизни и труду в Казахстане и превратились в русскоязычную часть советских граждан. Этот процесс занял несколько десятилетий, в течение которых советские корейцы, начиная со второго и третьего поколения иммигрантов, интегрировались в советское общество, представляя его самые различные слои. В 1970-е гг. корейское по происхождению национальное меньшинство, проживавшее главным образом в Узбекистане и Казахстане, по процентному соотношению лиц с высшим образованием занимало одно из первых мест среди наций и национальных групп Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. Книга первая. Авт.-сост. Ли У Хе и Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992. – 208 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. Сб. материалов и документов. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Сайт]. URL: Демоскоп weekly, № 499 – 500, 20 февраля – 4 марта 2012 года. http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=2 (дата обращения 12.02.2012 г.).
4. Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918 -1937 гг. – М.: ИВ РАН, 2004. 344 с.
5. Кан Г.В. Корейцы Казахстана. – Алматы: Казахстан, 1994. – 239 с.

[1] Государственный архив Кустанайской области (ГАКО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 7, 9.

[2] ГАКО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 21-23.

[3] ГАКО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 5, 8.

[4] Полевые материалы автора 1992 г.

[5] ГАКО. Ф. 97. Оп. 2. Д. 4. ЛЛ. 11-13; Ф. 159. Оп. 1, Д. 7. ЛЛ. 2-3. Оп. 2. Д. 3. ЛЛ. 37 об. – 41.

6. Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. – Кн. 1. – Алматы, 1999. – 424 с.
7. Ким Г.Н., Мен Д.В. История и культура корейцев Казахстана. – Алматы, 1995. – 347 с.
8. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). – М.-Иркутск-СПб., 1995. – 259 с.
9. Тен В.А. Начальные страницы истории кустанайских корейцев. – Кустанай, 1994. – 48 с.
10. Тен В.А., Зайцев В.А. Социально-экономическое развитие корейских колхозов «Самир» и «5 Декабрь» в 1938–1940 гг. // Известия о кореееведении в Казахстане и Средней Азии. № 2. – Алматы, 1993. – С. 23-29.
11. Тен В.А. Судьбы первых ссыльных корейцев в Казахстане // Известия кореееведения в Казахстане. Вып. 1-й. – Алматы, 1996. – С. 44 -52.
12. Черныш П.М., Хан В.Н. Корейцы Кустанайской области. – Костанай, 2000. – 347 с.
13. Kho Sungmoo, Koreans in Soviet Central Asia. – Helsinki, 1987. – 262 p.

УДК 314.17(470) “1960/1980”

Никитаева Е.Б.
Московский государственный областной университет

МИГРАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЕЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА РОССИИ В 1960-е – НАЧАЛЕ 1980-х гг.

E. Nikitayeva
Moscow State Regional University

MIGRATION AND THE PECULIARITIES OF SOCIO-DEMOGRAPHIC SITUATION IN RURAL SETTLEMENTS IN CENTRAL REGION OF RUSSIA IN THE 1960s – EARLY 80s

Аннотация. В статье анализируются последствия государственной аграрной политики 1960-х – начала 1980-х гг. для сел Центрального района России. Показано, что определяющим демографическим фактором в изменении численности сельского населения в Центральной России являлась интенсивная миграция. Ее последствия начинают сказываться с конца 1960-х гг. Предметом рассмотрения стали изменения половозрастной структуры сельского населения: его старение, сокращение трудоспособных возрастов, существенное сокращение уровня рождаемости. Отмечается, что крайне негативные изменения в демографической обстановке в 1960-е – 1970-е гг. создали напряженный баланс трудовых ресурсов в Центральном экономическом районе.

Ключевые слова: миграция, сельское население, социально-демографические процессы, трудовые ресурсы, трудоспособный возраст.

Abstract. The article analyses the consequences of the Rural State Policy of the 1960s – early 80s for the rural settlements in Central region of Russia. The author shows that it was the intensive migration that became the determining factor for the change of the rural population quantity. Its consequences began to have an impact since the 1960s. The object of studying is the change in the age- and sex-related structure of the rural population: its ageing, manpower resources shortening, considerable birthrate falling. The author notes that the extremely negative changes in demographic situation of the 1960-70s created a strained balance in manpower resources of Central economic region of Russia.

Key words: migration, rural population, socio-demographic processes, manpower resources, working age.

Аграрная политика 1960-х – начала 1980-х гг. способствовала усилению миграционных процессов в сельской местности и, как следствие, осложнению социально-демографической

© Никитаева Е.Б., 2012.

ситуации, ухудшению положения с трудовыми ресурсами в Центральном районе России. Исторически сложилось так, что для центральных сельскохозяйственных областей России и ранее была характерна высокая интенсивность миграции рабочей силы из сел в промышленные центры региона (особенно это касается Московской, Владимирской, Ивановской, Тульской и Ярославской областей) и другие районы страны. В рассматриваемый период этому способствовало также то, что основным направлением экономики Центрального района стало промышленное производство, а сельское хозяйство приобрело вспомогательный характер, обслуживающий промышленность. Следствием были, во-первых, более высокая занятость трудовых ресурсов, проживавших не только в городе, но и в сельской местности, а во-вторых, значительные миграционные потоки в города, которые завершались или окончательным переселением, или вовлечением людей в маятниковую миграцию.

С 1958 г. начинается абсолютное уменьшение сельского населения во всех областях центра. С 1959 по 1985 г. численность сельского населения Нечерноземной зоны сократилась на 45% (в 1970-1985 гг. – на 27,3%), в том числе в Центральном районе: в 8-9-й пятилетках – на 7-8%, в 10-й пятилетке – на 8-9% [15, с. 5, 7]. Особенно высокими были темпы сокращения численности сельского населения в Калининской, Брянской, Смоленской областях. В Калининской области среднегодовые темпы сокращения сельского населения составляли в 1959–1969 гг. 3,48%, в 1970–1979 гг. – 4,08%, к началу 80-х годов – 4,05%, в Смоленской – 2,6 и 3,8% соответственно (на начало 80-х гг. у нас данных нет), в Брянской – 1,8; 2,6; 2,2% [6; 7; 8]. Темпы сокращения сельского населения возросли с конца 50-х гг. Так, численность сельского населения Калининской области с 1959 г. до начала 1980-х гг. сократилась на 53%, Брянской – с 65 до 33%, Московской – на 35% [18].

С 1967 г. в изменении численности сельского населения областей центра России наступает качественно новый этап [9, с. 19]. До этого уменьшение численности сельских жителей происходило главным образом за счет миграции населения в города, но в селах все же существовал значительный естественный прирост, который перекрывал механическую убыль. Кроме того, сельское и, особенно, конечно, городское население пополнялось мигрантами из других областей, что давало общий рост населения Центрального района. Миграция являлась определяющим демографическим фактором в изменениях численности населения. С конца 60-х гг. начинают сказываться последствия интенсивной миграции. В центральных сельскохозяйственных районах резко изменилась половозрастная структура населения в сторону уменьшения удельного веса молодежи, что привело к падению естественного прироста населения и дефициту трудовых ресурсов в сельской местности. С 1959 по 1979 г. численность лиц в возрасте от 20 до 54 лет сократилась с 49 до 29%, тогда как резко возросла численность лиц 55 лет и старше: с 16% в 1959 г. до 34% в 1979 г. [6; 7; 8]. Параллельно с тенденцией старения сельского населения центра шло резкое сокращение (почти в два раза) трудоспособных возрастов. К концу 1970-х гг. в Ивановской, Калининской, Рязанской, Смоленской и Ярославской областях более половины численности сельского населения составляли люди нетрудоспособных возрастов. Наиболее неблагоприятной была ситуация в Смоленской и Рязанской областях. В Смоленской области с 1965 по 1980 гг. население в трудоспособном возрасте сократилось с 293,1 тыс. человек до 216,0 тыс., или с 70,3 до 59,7% [6; 7; 8].

Тенденция старения сельского населения и сокращения трудоспособных возрастов сохранялась и в 1980-е гг. Численность работающих в сельском хозяйстве Смоленской области за 20 лет (1965–1985 гг.) сократилась почти наполовину. А каждый третий житель села Брянской области в 1980-е гг. был пенсионного возраста [10, с. 71]. Сокращение доли молодежи в сельском населении и увеличение доли лиц старых возрастов вызвали, в свою очередь, снижение рождаемости и увеличение смертности. Центральный эко-

номический район в 1960-е – середине 1980-х гг. имел наименьший естественный прирост сельского населения из всех районов страны. Если в целом по стране показатель рождаемости в основном изменялся за счет снижения темпов роста уровня рождаемости в городской местности, то в центре – за счет падения рождаемости на селе [3, с. 81-83]. Таким образом, миграция привела к тому, что в 1960-е – середине 1980-х гг. она уже являлась не единственной причиной убыли сельского населения. Сокращение в результате миграционного оттока из сельской местности лиц трудоспособного возраста, постарение деревни также привели к снижению рождаемости на селе и повышению смертности.

Существенное сокращение уровня рождаемости сельского населения в центральных областях России в 1960-70-е гг. можно проследить с помощью используемого в социологии коэффициента детности (соотношение детей (0-9 лет) и численности населения в возрасте 20-49 лет) (см. табл. 1). За 20 лет произошло повсеместное и существенное снижение коэффициентов детности на селе. Причем надо сказать, что темпы снижения были выше в сельской местности, чем в городе. Самый высокий процент снижения показателей в селах Тульской и Калининской областей – на 30%, хотя и в других – более 20%.

С начала 1980-х гг. в сельской местности России начинается сокращение оттока населения в город, что рассматривалось некоторыми исследователями как доказательство эффективности предпринятых мер [12, с. 75]. Исследования Рыбаковского Л.Л., Тарасовой Н.В. показывают, что миграционное движение сельского населения в город реагировало на предпринятые государством в середине 1970-х – начале 1980-х гг. меры по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, так, уменьшилась масштабность и интенсивность оттока [11, с. 32]. Но большинство исследователей не обращало внимания на то, что во многом за этим стоит изменение возрастной структуры сельского населения – его значительное постарение. То есть в результате миграционных процессов

Таблица 1

Динамика коэффициентов детности за 1959, 1970, 1979 гг.

Области/года	1959	1970	1979
1	2	3	4
РСФСР	60,5	53,0	47,3
Нечерноземная зона	57,0	45,6	31,4
Брянская	65,5	54.4	42,6
Владимирская	54,8	41,7	30,0
Ивановская	52,4	40,0	28,0
Калининская	48,5	35,5	22,4
Калужская	56,9	43,9	29,8
Костромская	55,8	41,4	29,8
Московская	43,8	31,1	20,6
Рязанская	55,2	42,0	29,3
Орловская	58,2	43,6	27,9
Смоленская	52,7	41,4	29,8
Тульская	51,2	35,9	19,4
Ярославская	54,8	40,6	27,3

Статистические данные для таблицы взяты из источников [6; 7; 8].

1960-70-х гг. произошло сокращение возрастных групп, способных к перемене места работы и жительства.

Крайне негативные изменения в демографической обстановке в 1960-70-е гг. создали напряженный баланс трудовых ресурсов в Центральном экономическом районе. В результате оттока молодежи на селе ухудшается качественный состав трудовых ресурсов и возникает дефицит работников многих сельскохозяйственных профессий, которые не под силу пожилым и старым людям ввиду их низкой общеобразовательной подготовки и физических возможностей, связанных с возрастными изменениями. Напряженную картину трудового баланса районов центральных областей и всей Нечерноземной зоны дают данные В.Я. Чуракова о производственной нагрузке колхозников в 1960-е гг. [17, с. 85, 146]. В центральном экономическом районе уровень трудовой нагрузки на одного трудоспособного колхозника в год составлял 1462,7 чел.-час. (в среднем по РСФСР – 1220,1 чел.-час.). По отношению к уровню РСФСР это составляло 119,9%. Обеспеченность колхозов трудовыми ресурсами в центральных областях была равна 83,4% от уровня РСФСР.

В 1970-е гг. ситуация еще более обостряется. К середине 1970-х гг. трудовая нагрузка на одного работающего в год в среднем составляла в центральных областях 1824 чел.-час. (118,6% от уровня РСФСР) [16, с. 191]. А, например, в Смоленской области коэффициент демографической нагрузки в сельской местности увеличился с 0,9 до 1,1 [2, с. 53]. Из всех областей Центрального района, пожалуй, только колхозы и совхозы Московской области (вследствие близости к Москве, а значит, большей привлекательности) значительно лучше были обеспечены трудовыми ресурсами, чем колхозы и совхозы страны в целом. Так, в 1965 г. в общем количестве колхозников этой области, принимавших участие в производстве, трудоспособные колхозники составляли 52%, в 1970 г. – 62% и в 1979 г. – 74%[1]. Дефицит трудовых ресурсов в ряде центральных областей (Калининской, Рязанской, Смоленской, Брянской) уже к середине 1970-х гг. составил более 90 тыс. человек[2].

Одновременно с уменьшением численности трудовых ресурсов ухудшается их структура: низок общеобразовательный уровень работников сельского хозяйства, ощущалась большая потребность колхозов и совхозов в специалистах. Вышедшие в 1970-е – первой половине 1980-х гг. работы [3] положительно оценивали деятельность партийных организаций РСФСР по укреплению сельского хозяйства руководящими кадрами: рост их численности, уровня квалификации, уменьшения количества практиков, занимающих посты руководителей среднего звена, рассматривались авторами как процессы, способствующие росту интеллектуального потенциала села. Однако эти утверждения не соответствовали реальности. В 1-й половине 1960-х гг. в колхозы и совхозы после окончания вузов и техникумов было направлено 52 тыс. специалистов, в то же время количество специалистов в них за эти годы увеличилось только на 10,7 тыс. чел.[3] Несмотря на то, что более 60% директоров и 80% специалистов сельского хозяйства имели только среднее образование, учились из них заочно в высших учебных заведениях только 10% специалистов и менее 1/5 части директоров[4]. Аналогичная картина складывалась в этот период и в областях Центрального экономического района. Например, многие должности специалистов в ряде хозяйств Калининской области длительное время оставались вакантными. Так, 13 совхозов не имели зоотехников, 4 – агрономов, 34 – экономистов[5]. В Калужской области в начале 1970-х гг. из общего количества руководителей среднего звена совхозов и колхозов (157 чел.) только 19 человек имели специальное сельскохозяйственное образование, однако заочно обучалось в техникумах и вузах всего лишь 2 человека[6]. Проблему

[1] Расчеты сделаны по материалам сводных годовых отчетов колхозов Московской области.

[2] РГАНИ. Ф.5 Оп.62. Ед.хр. 237. Л.3.

[3] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 4. Ед. хр. 517. Л. 81.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 139. Д. 391. Л. 12.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 139. Д. 391. Л. 13.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 139. Д. 433. Л. 50.

руководящих кадров и специалистов так и не удалось решить. Как показали социологические исследования начала 80-х гг., текучесть специалистов и руководителей оставалась довольно большой. Так, по РСФСР коэффициент текучести инженерно-технических работников и частично совпадающих с ними административно-управленческого персонала составлял 20,5% [13, с. 127].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брызгалов А.В. Деятельность партийных организаций по укреплению сельского хозяйства руководящими кадрами в условиях развитого социализма. (1971–1980 гг.): Дисс… канд. ист. наук. – М., 1984.
2. Велданова И., Казаков А., Лиходед В. Миграционная подвижность сельского населения Нечерноземья // Нечерноземье: демографические процессы. – М., 1977.
3. Вестник статистики. – 1975. – № 12.
4. Глушков А.А. Партийные организации и сельская интеллигенция. – Саратов, 1984.
5. Зеркалов В.И. Деятельность партийных организаций по подготовке кадров специалистов сельского хозяйства. 1966-70 гг. (на материалах Среднего и Нижнего Поволжья): Дисс… канд. ист.наук. – Саратов, 1985.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М., 1962.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – М., 1972.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1990.
9. Кутафьева Э.С., Москалева Н.И., Папенов К.В., Трудова М.Г. Миграция сельского населения в Центральном экономическом районе. – М., 1971.
10. Миронова Г.Л. Демографическая ситуация в сельских поселениях Центрального экономического района (на примере Брянской области) // Методика и опыт изучения сельских поселений Нечерноземья. – М., 1991.
11. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.Н. Миграционные процессы в СССР: новые явления // Социологические исследования. – 1990. № 7.
12. Сидоренко Н.М. Партия и кадры села. – Ростов-на-Дону, 1987.
13. Социальная структура сельского населения СССР. – М., 1986.
14. Суздальцев В.П. Развитие сельскохозяйственной интеллигенции в условиях научно-технического прогресса. – Пенза, 1974.
15. Табачников В.Б. Концепции и пути ускорения социального развития села // Пути ускорения социального развития села Нечерноземной зоны РСФСР. Сборник научных трудов / Отв. ред. Табачников В.Б. – Л., 1988.
16. Территориальные особенности народонаселения РСФСР / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М., 1976.
17. Чураков В.Я. Актуальные проблемы использования трудовых ресурсов села. – М., 1972.
18. Щукин А.С. Демографическая ситуация в пригородных сельских районах Калининской области // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. – Калинин, 1978.

УДК 94(470-25) “1957”

Сергеев В.Н.
Московский государственный университет путей сообщения

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИИ ГРУППЫ КРАСНОПЕВЦЕВА-РЕНДЕЛЯ

V. Sergeev
Moscow State University of Railway Engineering

ON THE QUESTION OF IDEOLOGY THE KRASNOPEVTSEV-RENDEL GROUP

Аннотация. Группа Л. Краснопевцева и Л. Ренделя (Союз патриотов) является специфическим явлением в истории левых диссидентов. Эта оппозиционная организация была создана молодыми историками и действовала в Московском университете. Краснопевцев и его товарищи обменяли хорошие карьерные перспективы на борьбу за благо народа. В данной статье описывается «программа» Союза патриотов и выстраиваются общие идеологические границы. Для конструирования идеологии анализу были подвергнуты, прежде всего, программные статьи и интервью активистов.

Ключевые слова: левые диссиденты, социализм, Советский Союз, Московский университет, идеология.

Abstract. The L.Krasnopevtsev and L. Rendel group (The League of Patriots) is a unique one in the history of dissidents left. This opposition organization was founded by young historians and functioned in the main university of the Soviet Union. Krasnopevtsev and his comrades exchanged their good career prospects for the fight for peoples’ weal. This article describes the League of Patriots’ “program” and defines the general ideological boundaries. To construct the ideology of the group the author analyzed, first of all, their program articles and the interviews of the activists.

Key words: dissident left, socialism, Soviet Union, Moscow University, ideology.

В 2012 г. исполняется 55 лет со дня ареста основных активистов группы Л. Краснопевцева (Союз патриотов: М. Гольдман, В. Козовой, Л. Краснопевцев, В. Меньшиков, Н. Обушенков, Н. Покровский, Л. Рендель, М. Семененко, М. Чешков). За эти годы было много сказано о деятельности этой группы, но большинство публикаций практически не затрагивало или обходило стороной вопрос об идеологических воззрениях фигурантов «дела молодых историков» [1]. Во многом такое игнорирование связано с трудностью точно описать политические взгляды организации в целом и её отдельных членов. Эта ситуация обусловлена рядом факторов разного порядка.

Во-первых, существуют технические трудности с изучением идейно-политического наследия группы Краснопевцева-Ренделя, так как часть документов была утрачена в период арестов и следствия, а другая часть находится в архивах с ограниченным доступом. Во-вторых, определенную проблему представляет наслоение современных взглядов активистов на их предыдущие идеологические позиции. Об этом напрямую говорил один из участников Союза патриотов Н. Покровский: «Даже добросовестно пытаясь сейчас восстановить прошлое, не всегда можно различить то, что было, и то, как нам сегодня представляются те годы. Реалии общественного сознания нынешних бурных дней невольно сказываются» [2, с. 124]. В-третьих, рассматриваемая подпольная группа не смогла выработать чёткой и единой идеологии, которая отражала бы взгляды всех членов и могла бы адекватно их презентовать вовне. Это было связано с нехваткой времени. Аресты помешали не только оформить группу организационно, но идеологически. Следствием этого было наличие довольно больших расхождений в политических взглядах членов Союза патриотов.

© Сергеев В.Н., 2012.

В итоге получается так, что анализу можно подвергнуть только несколько материалов, которые были опубликованы позже или сохранились в более доступных архивах. Здесь, прежде всего, стоит отметить листовку и программные работы Л. Краснопевцева «Критика социализма» и «Основные моменты развития русского революционного движения в 1861-1905 годах» («реферат»).

Единственным программным документом, который признавался всеми, была листовка, которую распространили в июле 1957 г. По своей природе и задачам она, естественно, не могла быть основным материалом. Ведь в тексте объёмом примерно в триста слов невозможно даже полностью отразить всю позитивную программу организации. Листовка должна была дать ответы на три простых вопроса, которые могли родиться в голове рядового рабочего – «Что случилось?», «Кто виноват?» и «Что делать?». Об этом свидетельствует и структура текста, и место распространения (пролетарские районы Москвы). Ответом на первые два вопроса стали первые три абзаца. В них описывается процесс установления «диктатуры Хрущёва». При этом «новый диктатор» показывается как продолжатель дела И. Сталина, что «под флагом борьбы против сталинизма Хрущёв возрождает худшие сталинские традиции». Таким образом, Н. Хрущёв фактически обвинялся в отказе от процесса десталинизации. В тоже время в листовке упомянуты члены «Антипартийной группы», но не как положительная альтернатива, а как такие же верные сталинисты, которые просто проиграли борьбу за власть и «пали жертвой ими же созданной сталинской системы произвола и насилия». В качестве доказательства полной некомпетентности Н. Хрущёва как руководителя государства приводятся тезисы о развале сельского хозяйства и всей экономики в целом, ужесточении политического режима и опасности прекращения «существования России как великой державы».

На вопрос «Что делать?» отвечала вторая часть листовки. В качестве позитивного примера приводились различные акты самоорганизации и борьбы, которые произошли в последнее время. И здесь был не только польский и венгерский опыт, но приводились примеры «стачек в Москве, Ленинграде, Ярославле, Донбассе, Урале (на очень многих предприятиях) осенью 1956 г.» [4, с. 47]. Кроме этого был приведён перечень конкретных требований, которые могли быть предъявлены властям на различных публичных акциях, либо в форме «писем в ЦК». По своей сути это были переходные требования, которые, с одной стороны, вполне реализуемы в существующей системе, но в тоже время ведут к дальнейшей перестройке политического и экономического режима. Все требования можно разделить на две группы. Во-первых, продолжение и ускорение процесса десталинизации и демократизации всего советского общества и государства. Главная идея – наказать всех «сообщников Сталина», а по сути, большую часть сталинской бюрократии. Залогом продолжения процесса десталинизации должна была стать широкая дискуссия и отмена наказания по политическим статьям уголовного кодекса. Во-вторых, возвращение экономической и политической власти пролетариату. Это предполагалось осуществить с помощью наделения территориальных и производственных советов реальной властью. Источником вдохновения для членов Союза патриотов были идеи рабочего самоуправления («идея “экономической демократии”, т. е. мысли о широкой хозяйственной самоуправляемости социалистических предприятий, о допустимости конкуренции между социалистическими предприятиями, о “рабочих советах”, “экономическом парламентаризме” и т. д.»), распространённые в ряде стран народной демократии. Об этом они сами заявляли уже после своего ареста в одном из своих писем в ЦК КПСС[1].

Важным моментом при анализе листовки Союза патриотов является вопрос о её антисоветском характере. И было ли в ней действительно что-то антисоветское? Тут главным и спорным вопросом является соотношение

[1] См. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 31. Д. 79866. Л. 16.

личности правителя и социально-политического строя. Для активистов группы Краснопевцева-Ренделя советская власть не сводилась к власти Н. Хрущёва. Отсюда следует, что выступление против «нашего нового "дорого учителя и вождя"» не есть выступление против советской власти и коммунизма. Лучше всего это отразилось в наличии в листовке, с одной стороны, личных оскорблений в адрес Н. Хрущёва («пьяница и болтун, кукурузный герой»), а с другой – в требовании об «усилении роли советов» и «создания рабочих советов с правом смены администрации».

Вторыми по значению программными документами Союза патриотов стали такие работы, как «Реферат» и «Критика социализма», написанные Л. Краснопевцевым при содействии других членов группы. Но не стоит их воспринимать в качестве общепризнанной программы политической организации. К тому же «Критика социализма» датируется августом 1957 г., а это автоматически превращает этот текст только в проект или часть будущей программы. Что касается «реферата», то он играл важную роль в конструировании общих идеологических границ сначала кружков историков, а потом и самого Союза патриотов. Это был текст, который позволял мягко и неявно вербовать новых сторонников благодаря своей претензии на научность. Его можно было представлять как историческую работу, из которой могли последовать политические выводы. В качестве примера можно привести воспоминание М. Чешкова: «Политическое сознание, признаться, у меня было тогда еще достаточно поверхностным. Помню, что реферат Краснопевцева произвел на меня сильное впечатление неожиданной постановкой вопроса о месте ленинизма в освободительном движении» [2, с. 118]. Кроме того, в постсоветские времена отдельные члены группы Краснопевцева-Ренделя признавались, что не полностью разделяли точку зрения, представленную в «реферате». Это подтверждает М. Чешков относительно себя и других активистов: «Его [Л. Краснопевцева – *прим. автора*] точку зрения, однако, я не разделял. Для меня и летом 1957 г. марксизм-ленинизм оставался незыблемым и, думаю, для большой части политически активной молодежи – также. Когда мы обсуждали реферат, собравшись в подмосковном поселке Северянин, то точек зрения выявилось больше, чем участников» [2, с. 118].

«Реферат» имел ещё одно важное предназначение, которое выражалось в историческом обосновании политической концепции Л. Краснопевцева. Фактически повторялись основные формы советской пропаганды – использование исторических примеров для подтверждения правоты. Положительный или отрицательный исторический факт должен был проиллюстрировать любой программный тезис. Упор на историю был отличительной чертой пропаганды и агитации Компартии Советского Союза. Конечно, корни этого явления были связаны с историкоцентричностью политического творчества и К. Маркса с Ф. Энгельсом, и В. Ленина. По сути, Л. Краснопевцев применил все свои знания, которые он получил на партийно-комсомольской работе и обучаясь на Историческом факультете МГУ, тем более что он был аспирантом кафедры истории КПСС. В «реферате» историческая наука, как и в советской агитации и пропаганде, подменяла собой политологию и социологию.

С небольшими оговорками тоже самое можно сказать и о «Критике социализма». Разница между этими работами сводилась к их предназначению. В «Критике социализма» меньше истории из-за того, что она создавалась уже как фундаментальный документ политической организации, который в довольно кратком виде должен всё объяснить и задать направление работы. Больше всего эта работа напоминает «Манифест Коммунистической партии», где также значительная часть текста отводилась разбору предыдущего и альтернативного политического опыта. Но «Критика социализма» явна недоделана. В ней отсутствует список необходимых действий и требований, которые были изложены в листовке.

Одним из главных вопросов «Критики социализма» являлся социально-политический

характер советского строя. Л. Краснопевцев с сотоварищами должен был ответить на самый первый и простой вопрос – в какой стране живут его современники? На это автор отвечает довольно размытыми формулами – «красный фашизм» (этот термин использовал и Л. Рендель в своих работах), «казарменный коммунизм», «социализм нищих», «сталинский социализм», «сталинская азиатская империя» и т. д. Эти понятия имеют больше эмоциональную нагрузку, чем смысловую, и вполне соответствуют советской традиции критики, которая выражалась в навешивании ярлыков. В тексте нет никакого намёка на выработку объективного определения наподобие тех, которые давали другие левые критики советского строя. Внутреннюю природу СССР Л. Краснопевцев описывает с помощью демонстрации наиболее открытых социальных язв, таких, как низкий уровень жизни, политические репрессии, моральное разложение общества и т. д. Но встречаются и более обобщающие определения. Так, политическая линия советских руководителей («вождей») характеризуется как «стремление сохранить и укрепить режим своего господства и всеобщего угнетения» [2, с. 127]. Однако критика СССР не предполагала восхваление капитализма. В тексте напрямую говорится, что «капитализм неприемлем:… он не ликвидировал и никогда не ликвидирует самого тяжелого – разделения общества на господ, хозяев жизни, хотя и правящих демократически, и повинующуюся им в производстве и политике массу трудящихся, очень хорошо кормленную и одетую и имеющую свои мощные организации, влияющие на политику» [2, с. 128]. Далее показывается, что «капстраны» и «соцлагерь» – это две стороны одной и той же медали: «С одной стороны, существует 800-миллионная сталинская азиатская империя, являющаяся основной помехой в настоящее время для прогресса цивилизации. … Но, с другой стороны … империалисты, надеющиеся с ликвидацией сталинской империи покончить с социализмом вообще» [2, с. 128].

Левая критика Советского Союза и его политической системы всегда вызывает вопрос о принадлежности автора к какой-либо политической традиции. Если признавать, что в СССР всё плохо, а капитализм не есть положительная альтернатива, то необходимо ответить на вопрос, что является альтернативой или когда всё стало неправильным в Стране Советов. И ответу на этот вопрос как раз посвящена большая часть «Критики социализма». В этой работе Л. Краснопевцев пытается провести свою собственную ревизию марксизма, или точнее, советского марксизма, основанную на перевёртывании догм. Поэтому у него получается, что «система Маркса – такая же революционная религия, а не рациональное мировоззрение, основанное на научном анализе, как и системы его предшественников» [2, с. 130]; «крайне правое [крыло социал-демократии – *прим. автора*] – так называемые оппортунисты [бернштейнианство / «бернштейниада» *прим. автора*], предложили в принципе вполне правильные вещи» [2, с. 134]; «и нечаевщина Ленина, и его «казарменный коммунизм», и милитаристский шовинизм Шейдемана не имеют ничего общего с марксизмом» [2, с. 135]. Но при этом не оспариваются два момента: пролетариат – ведущий революционный субъект, и социализм – цель и направление борьбы прогрессивных сил человечества. По мнению Л. Краснопевцева, главной задачей рабочего движения является избавление от большевизма и социал-демократии, которые составляют две стороны одной медали, а вместо них «нужны новые революционные партии рабочего класса, соединяющие положительные стороны II и III Интернационалов, но в целом делающие громадный шаг вперёд»[1]. И именно тогда начнётся подлинное движение к социализму.

В свою очередь, «реферат» должен был дать варианты решения существующих проблем, подкреплённые историческими примерами. Единственным приемлемым способом изменить сложившуюся политическую систему Л. Краснопевцев считал «революцию сверху» – радикальные реформы, которые бы проводила верховная власть под давлени-

[1] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 79867а. Л. 319.

ем рабочего движения / народных масс. Для подтверждения этого тезиса использовались примеры из XIX в. и современности. Главным историческим примером были реформы Александра II. Все преобразования, произошедшие в 1860-1870-е гг., показываются как позитивный итог совместной деятельности императора и «нового дворянства». При этом ведущая и направляющая роль сохранялась за монархом. Слабые же темпы реформ и неоднозначные результаты были связаны с сопротивлением наиболее «консервативных и реакционных групп» и «тупой покорностью господам» русского народа. И в качестве подтверждения и ещё одного позитивного примера в тексте «реферата» приводятся успехи правительства Александра II по проведению крестьянской реформы в Польше. Именно там было удачное сочетание прогрессивного верховного правителя, «решительно ликвидирующего феодализм сверху», и «массовых сил», которые «сами пытались это сделать, но запутались в борьбе с врагом» [3, с. 64].

Пример из современности содержался уже в послесловии «реферата», которое было дописано незадолго до ареста. Также этот пример разъяснялся в письме, которое группа Краснопевцева-Ренделя летом 1960 г. послало высшему советскому руководству. В послесловии говорилось о двух вариантах развития. Первый – «венгерский разговор» – подразумевал под собой вооружённое восстание и свержение всей существующей политической системы. Это был не лучший вариант, потому что мог привести к иностранному вмешательству и реставрации капитализма. Второй – «польский путь» – «путь преобразований сверху, имевший место в результате Октябрьского пленума ЦК ПОРП», который «признавался в послесловии наиболее желательным». Далее утверждалось, что «“венгерский разговор” станет неизбежным, если не пройдёт “польский путь”»[1].

Идеологическую нацеленность руководства Союза патриотов на реформы и революцию сверху можно подтвердить примером из листовки. В тексте был призыв использовать «все методы борьбы: митинг, письма в ЦК, забастовки»[4, с. 47] и потребовать выступления высшего партийно-государственного руководства с отчётом. Такая позиция была, с одной стороны, реалистичной, а с другой – не было и намёка на немедленное восстание.

Кроме Л. Краснопевцева, на роль идеолога претендовали Л. Рендель и В. Меньшиков. Первый из них в августе 1957 г. закончил написание своего варианта «программы» в виде статьи – «Возникновение и развитие ленинизма». В этой работе, в частности, говорится о развале сталинской системы и об отходе рабочего класса и средних слоёв от коммунистических партий. Показательными были и исторические параллели, которые должны были объяснить сложившуюся на тот момент ситуацию. По мнению Л. Ренделя, «события в Венгрии – это 9 января мирового коммунистического движения», когда «войска рабочего государства стреляли в рабочий класс и расстреляли последние остатки веры в коммунизм»[2]. Но за провалом первой революции следует ожидать нового «Октября».

Третий вариант «программы», который готовил В. Меньшиков, так и не был подготовлен до конца. Аресты не позволили превратить в законченную работу рукопись под названием «Современное экономическое и политическое положение». Но, судя по всему, она была тоже очень критической по отношению к существовавшим в СССР порядкам. Хотя и рассчитывалась на тех, «кому близки и дороги интересы народа и светлые идеалы социализма»[3].

Общее представление о развитии взглядов членов группы Краснопевцева-Ренделя так же даёт анализ второстепенных текстов. По своей сути они были направлены на вскрытие связи между существующими проблемами в обществе и правящей партийно-государственной номенклатурой. Например, статья М. Чешкова «О стиле и стилягах» пытается показать всю фальшивость политики по борьбе с молодёжной субкультурой стиляг. Автор говорит о генеалогической связи

[1] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 79866. Л. 18.

[2] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 79867. Л. 82.

[3] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 79867а. Л. 314.

между «бюрократами» (отцы) и «стилягами» (дети): «раздутые оклады и пропорционально раздутое самомнение – всё это пагубно отразилось на детях»[1]. Более широкие вопросы ставил М. Семененко в работе «Об ошибках и болезнях, не вскрытых XX съездом КПСС». По его мнению, «существующие в СССР экономические отношения тормозят рост нашей экономики, в связи с чем нужно что-то предпринять и изменить»[2].

Подводя итог анализа программных документов и статей членов Союза патриотов, можно согласиться с одним из «молодых историков» В. Меньшиковым, что все активисты группы «с разными вариациями, были тогда приверженцами социализма» [2, с. 123].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герасимова О.Г. Общественно-политическая жизнь студентов МГУ в 1950-е – середине 1960-х гг.: дис… канд. истор. наук. – М., 2008. – 334 с.
2. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 106-135.
3. Краснопевцев Л. Основные моменты развития русского революционного движения в 1861–1905 годах. Фрагмент рукописи 1957 г. // Карта. – 1997. – № 17-18. – С. 57-64.
4. Листовка «Союза Патриотов» // Карта. – 1997. – № 17-18. – С. 47.

[1] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 79867а. Л. 320.
[2] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 79867а. Л. 324.

УДК 092

Хабарова Е.С.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI в. (НА ПРИМЕРЕ г. МОСКВЫ)

E. Khabarova
Moscow State University, named after M. Lomonosov

HISTORICAL EXPERIENCE OF LOCAL AUTHORITIES' INTERACTION WITH BUSINESS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE EARLY XXI CENTURY

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимодействия муниципальных органов власти и частного бизнеса г. Москвы в начале XXI в. В работе показано, что в исследуемый период выстраивается взаимовыгодная модель отношений, формируется благоприятный экономический климат, который способствовал, в целом, успешному ведению предпринимательской деятельности. Правительству г. Москвы удалось наладить контакт с бизнес-сообществом, что во многих случаях приводило к принятию взвешенных решений в области экономической политики и администрирования.

Ключевые слова: местное самоуправление, экономика, власть, бизнес, налоги, бюджет.

Abstract. The article is devoted to the study of the interaction between municipal authorities and private business of Moscow in the early twenty-first century. It is shown that within the analyzed period a mutually beneficial model of relations is being built, a favourable economic environment is being formed, which, on the whole, promoted successful conducting of business activity. The Moscow City Government has managed to establish contacts with the business community, which in many cases led to better informed decisions being taken in the field of economic policy and management.

Key words: local governance, economy, authority, business, taxes, local budget.

Социально-политические процессы, происходившие в России в начале XXI в., оказывали существенное влияние на положение и роль органов местного самоуправления в архитектуре административной системы государства. Проводимая политика укрепления вертикали власти не только формировала новые алгоритмы взаимоотношений центра с регионами и муниципалитетами. Объективно менялась сама роль местных органов власти в жизни конкретного региона и страны в целом. Наблюдалась устойчивая тенденция «деполитизации» органов местного самоуправления.

Стабилизация финансово-экономического положения в России, обусловленная, главным образом, благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, способствовала повышению предпринимательской активности населения. Несмотря на то, что «прорыва» в данном вопросе не наблюдалось, динамика процесса в целом была положительной.

Объективная заинтересованность органов местного самоуправления в развитии на своей территории бизнеса во всех его проявлениях заставляла их предпринимать шаги по стимулированию предпринимательской активности. Достаточно отметить, что бюджет г. Москвы почти наполовину пополнялся взиманием налога на прибыль организаций, а если учесть налог на имущество организаций, то это цифра увеличивалась до 55-60%.

© Хабарова Е.С., 2012.

Анализируя тенденции развития российского бизнеса в первое десятилетие XXI в., нужно отметить, что одним из магистральных направлений стало укрепление и расширение «государственных компаний» [5, с. 8], усиление их роли в экономической жизни страны. Очевидно, что местные органы власти не могли оказывать на эти процессы сколь-нибудь существенного влияния. Однако столичная власть активно способствовала процессу «региональной экспансии» московского бизнеса, который энергично приобретал активы в других регионах страны. Данная политика приводила к формированию целых региональных «бизнес-сетей», головные центры которых находились в г. Москве и осуществляли крупные выплаты в местный бюджет.

Особенностью г. Москвы, помимо очевидных отличий от других регионов России в смысле статуса «столицы», был тот факт, что в городе отсутствовали организации и предприятия, которые можно было определить как «бюджетообразующие». Местное самоуправление во многих городах и районах страны было вынуждено искать компромисс и поддерживать совершенно конкретные фабрики и заводы, остановка функционирования которых могла привести к «банкротству» города, опустошению муниципальной казны. В Москве такой вопрос не стоял, но для нее были характерны проблемы иного рода. Оставляя за скобками многочисленные публикации отечественного происхождения, сошлемся на мнение корейского социолога Чой Ву Ик, который характеризовал г. Москву как один из тех регионов России, в которых сращивание «бизнес-структур» и местной власти в начале XXI в. достигло наибольших значений [8]. В столице выделилась так называемая «московская группа» бизнесменов, наиболее тесно связанных с органами местного самоуправления (В. Евтушенков, Е. Батурина, Ш. Чигиринский, Л. Кветной, Р. Тарико, Ф. Гальчев, У. Рахимов, Д. Хачатуров и др.).

Московская власть стремилась стимулировать развитие бизнеса на территории мегаполиса путем предоставления различного рода налоговых льгот. При этом использовалось множество механизмов, от налоговых вычетов и так называемых «необлагаемых минимумов» до изменения сроков уплаты налогов и переноса убытков на будущее. Только в 2009 г. общая сумма предоставленных налоговых льгот составила огромную сумму - 79743 млн. руб. Однако в целом для г. Москвы была характерна тенденция снижения налоговых льгот. В период с 2005 по 2010 гг. налоговые льготы снизились на 11,5%. Такая политика объяснялась тем, что практика поддержки бизнеса путем предоставления налоговых льгот была признана местной властью в целом неэффективной, так как «не удалось найти в этом вопросе баланса между интересами бюджета региона и налогоплательщика» [3, с. 3].

Новый порядок ведения игорного бизнеса в России несущественно повлиял на финансовую стабильность столичного мегаполиса. Мнение о том, что прекращение деятельности предприятий, относившихся к сфере игорного бизнеса, могло повлечь за собой удар, главным образом, по местным бюджетам, было безосновательным. Так, в бюджете г. Москвы доля налогов, поступавших от игорного бизнеса, в 2006 г. составила всего 0,9% от общего числа налоговых поступлений, а в 2009 г. – 0,2%. Минимальную роль в пополнении бюджета играл и транспортный налог – около 0,5% за период с 2005 г. по 2010 г.

Создание здорового конкурентного климата являлось важнейшей задачей руководства города. Ситуацию в данном вопросе следовало признать угрожающей. Согласно исследованиям «Doing Busines», проведенного в 2009 г., условия ведения бизнеса в г. Москве оказались «худшими из 10 городов России, выбранных для анализа» [6].

Московское правительство уделяло много внимания вопросам, связанным с налаживанием эффективного функционирования системы городского государственного заказа через систему электронных торгов. По расчетам московских властей, помимо очевидных конкурентных преимуществ для бизнеса, с помощью внедрения указанных технологий

планировалось получить экономический эффект для городского бюджета в размере не менее 40% экономии на закупках [4].

Результаты проводимой политики оценивались неоднозначно. С одной стороны, мониторинг ситуации свидетельствовал о росте уровня конкуренции во всех отраслях экономики города. С другой стороны, отмечался рост проявлений недобросовестной конкуренции в таких формах, как «демпинг, обман потребителя, использование чужого продукта, сговор между организациями» [2, с. 12].

Одной из важных мер по исправлению ситуации стало подписание 08.04.2011 г. соглашения между ФАС и Правительством г. Москвы, по которому московская власть обязывалась информировать Федеральную антимонопольную службу о действиях «органов власти города Москвы, органов местного самоуправления и их должностных лиц, ограничивающих конкуренцию» [7]. При этом нужно отметить, что московские власти не стали «пионерами» в этом вопросе, поскольку подобные соглашения между ФАС и субъектами федерации заключались и ранее.

Особенностью политики московских властей по поддержке развития бизнеса и созданию здоровой конкурентной среды было широкое участие общественных объединений московских предпринимателей в деятельности и работе конкурсных комиссий и различных экспертных групп. Общественные объединения также занимались выработкой конкретных рекомендаций городским властям по различным вопросам экономической политики города.

Принципиальным отличием г. Москвы от остальных регионов России было то, что мегаполис являлся самым крупным в стране субъектом внешнеэкономической деятельности. В 2000-2007 гг. на долю Москвы приходилось 36,9% притока иностранных инвестиций от общероссийского показателя, а также до 40% товарного импорта государства. Кроме того, в сфере внешнеэкономических связей Москвы в рассматриваемый период создавалось свыше трети валового регионального продукта и около 24% доходной части бюджета города.

Правительство города традиционно проводило политику, направленную на приток иностранных инвестиций. Среди стран-лидеров по прямым инвестициям в экономику г. Москвы были Кипр, Германия, Нидерланды, Виргинские о-ва и Вьетнам. Вопрос о привлечениях иностранных инвестиций, согласно официальной позиции Правительства города, был принципиален «с точки зрения создания импортозамещающих производств и конкурентоспособной продукции для внутреннего рынка» [1, с. 11]. Городские власти обозначили области, в которых присутствие иностранного капитала признавалось наиболее желательным: технологии энергосбережения, городской транспорт, жилищное строительство, фармацевтика, городское хозяйство и др.

В целях поддержки машиностроительных предприятий Москвы руководство города не только предоставляло субсидии на покупку современного промышленного оборудования, но и организовывало приобретение за рубежом прогрессивных технологий (патентов, лицензий, научных разработок и т. д.). Была также создана городская система лизинга промышленного оборудования для всех предприятий Москвы, включая средние и малые. В целях реализации информационной политики в Москве в 2008 г. был создан городской портал для работы с иностранными инвесторами «Invest in Moscow» и «Портал внешнеторговой информации». Данные интернет-ресурсы, с одной стороны, обеспечивали московские предприятия всей необходимой информацией по внешнеэкономической тематике, а с другой, информировали иностранных инвесторов и внешнеторговых партнеров об условиях, нормах и правилах деятельности в городе Москве.

Таким образом, взаимодействие столичной власти и бизнеса в начале XXI в. характеризовалось попытками выстроить взаимовыгодную модель отношений, при которых экономический климат в регионе был бы оптимальным для ведения предпринимательской деятельности. Правительству г. Москвы в целом удавалось наладить контакт с

бизнес-сообществом, что во многих случаях приводило к принятию взвешенных решений в области экономической политики и администрирования. Однако предпринимаемые городской властью шаги не привели к коренному улучшению дел в вопросах создания здоровой конкурентной среды и устранения административных барьеров для ведения бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барашева Е.В. Внешнеторговые возможности Москвы в свете внешнеэкономической политики города // Проблемы местного самоуправления. – 2010. – № 3. – С. 10-15.
2. Барский А. В Торгово-промышленной палате поговорили о конкуренции // Современный предприниматель. – 2010. – № 9. – С. 10-19.
3. Мигашкина Е.С. Современные механизмы налогового стимулирования экономики города Москвы // Проблемы местного самоуправления. – 2010. – № 2. – С. 3-12.
4. Москва: задачи бизнес-сообщества в реализации программы развития конкуренции / Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL:http://www.cci.ru/main/NewsAMShow.asp?id=3159. (дата обращения: 12.08.2011 г.).
5. Региональные модели взаимодействия между деловыми и властными элитами: современные процессы и их социально-политические последствия. Итоговый аналитический доклад (исследование проведено на грант Автономной некоммерческой организации «Институт общественного проектирования»). – М., 2010. – 92 с.
6. Российский климат испортила Москва // Slon. 23.10.2009.
7. Соглашение о взаимодействии между Федеральной антимонопольной службой и Правительством Москвы от 08.04 2011 г. URL: http://mos.ru/documents/?id_4=126734. (дата обращения: 16.11.2011 г.).
8. Чой Ву Ик. Политические связи бизнес-элиты России и возможности их исследования: взгляд из Южной Кореи URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-9/Choy.pdf. (дата обращения: 15.09.2011 г.).

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.63(430)

Вититнев С.Ф.
Московский государственный областной университет

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ПАРТИИ «ЗЕЛЕНЫХ»

S. Vititnev
Moscow State Regional University

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL SOCIETY VIA THE PRISM OF ECOLOGICAL DOCTRINE OF THE GERMAN «GREEN» PARTY

Аннотация. В статье анализируются теоретические положения, лежащие в основе социально-экономических воззрений партии «зеленых», возникшей в ФРГ в начале 80 гг. XX в. на волне массовых протестов населения против загрязнения окружающей среды, что в первую очередь было обусловлено увеличением количества отходов промышленного производства. В этой ситуации в «левых» политических кругах приобретает распространение идея о необходимости перехода к качественно иной модели цивилизационного развития. Свой вклад в ее разработку внесли вставшие на путь политической борьбы германские защитники природы. Особое внимание автор уделяет вопросам оценки «зелеными» состояния и перспектив развития современного индустриального общества, а также видения ими форм хозяйственной деятельности, отношений собственности, принципов организации социальной жизни в грядущем постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: экология, экономика, социальное развитие, индустриальное общество, постиндустриальное общество, рынок.

Abstract. The article analyses the theoretical aspects underlying the socio-economical views of the «Green» Party which came into being at the beginning of the 80s of the XXth century after mass protests against environment pollution provoked by the increase of industrial waste products. In this situation the idea of the transition to the qualitatively different model of civilization development became widely spread among the “left” political circles. The German environmentalists, who started their political campaign, made great contribution to the development of that idea. The author gives special attention to the issues of the way the «Greens» evaluate the state and perspectives of the modern industrial society development, as well as their understanding of the forms of business activity, ownership relations, and principles of social life organization in the forthcoming postindustrial society.

Key words: ecology, economy, social development, industrial society, postindustrial society, the market.

© Вититнев С.Ф., 2012.

В современном мире антропогенное воздействие на окружающую среду приобрело беспрецедентный характер, результатом чего стало загрязнение воздушного и водного бассейнов отходами промышленного производства, гибель лесов, «орошаемых» так называемыми «кислотными» дождями, полное или частичное исчерпание невозобновимых природных ресурсов, возникновение угрозы заражения обширных территорий химическими и радиоактивными веществами, высокий шумовой фон, создаваемый всеми видами транспорта и т. д. Все это в конечном счете губительно не только для природы, которая уже не в состоянии восстановить нанесенный ей ущерб, но и для здоровья и жизни миллионов людей. Налицо набирающий силу экологический кризис приобретающий планетарный характер, что закономерно превращает проблему экологии в одну из глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Осознание этого факта стало условием появления во многих странах мира массовых экологических движений, заставляет традиционные партии вносить в свои программы разделы, посвященные охране окружающей среды, формулировать экологические концепции. В этом отношении, пожалуй, наибольший интерес представляет экологическая концепция партии «зеленых» ФРГ, в которой германские природозащитники, взяв за основу экологические критерии, постарались взглянуть на все сферы жизнедеятельности общества, выявить факторы социального развития, порождающие кризисные тенденции во взаимоотношениях человека и природы, предложить средства для их преодоления.

Одно из центральных мест в рамках этого учения занимают положения, определяющие видение «зелеными» состояния социально-экономической сферы, задач и перспектив ее развития. Отличительной чертой подхода «зеленых» к социально-экономической проблематике является неприятие пагубных для природы и человека последствий индустриального способа производства, стремление выработать новые критерии экономической эффективности, ставя их в прямую зависимость от состояния природной и социальной среды.

Вместе с тем этому подходу в определенной мере присущи отсутствие внутренней целостности и системной законченности, элементы эклектики и утопизма, что придает социально-экономической концепции «зелёных» заметную противоречивость.

В социально-экономической программе «зелёных», по замечанию германского исследователя Х.-Д. Рёнша, можно обнаружить требование либерализма без капитализма, социализма – без бюрократизма, консерватизма – без традиционализма, системы самоуправления – без централизации, капитализма без экономического роста [26, с. 105]. Для многих авторов «зеленых» свойственно абсолютизировать конфликт между экономикой и экологией, игнорировать тот факт, что, как пишет К. Хиндс, «разумная экономическая деятельность и защита природы в принципе не противоречат друг другу» [15, с. 22].

Все вышеназванные идейные особенности были связаны с наличием в рядах партии нескольких течений, а также стремлением теоретиков эко-партии создать модель развития общества, свободного от противоречий, присущих всем реально существующим социальным системам. Имел значение и тот факт, что, претендуя на роль оппозиции, «зеленые» в условиях, когда их политические оппоненты начали уделять внимание экологическим проблемам, тесно увязывая последние с различными проектами социально-экономических преобразований, попытались обосновать подлинную альтернативность своей социально-экономической концепции. Результатом этого становится неприятие и критика «зелёными» давней традиции буржуазной политэкономии, выражавшейся в сугубо утилитарном подходе к природе, рассматриваемой в первую очередь в качестве средства хозяйствования.

«Зелёные» экономисты (что особенно характерно для представителей левого крыла партии) в большинстве своем отрицали допустимость оценивать природные блага в товарно-денежном измерении, отказываясь

видеть в рынке единственное средство для преодоления противоречий индустриального общества, отмечая отсутствие в системе рыночных механизмов действенных стимулов к изменению характера общественного производства. Одновременно они не были склонны, подобно социал-демократам, уповать на способность государства посредством вмешательства в экономическую жизнь осуществить изменение отраслевой структуры производства, дать простор внедрению природозащитных инноваций, заставить владельцев средств производства жестко соблюдать экологические стандарты.

Социально-экономическая концепция «зелёных» также далека от марксистской, определяемой ими как разновидность индустриальной идеологии. Как отмечает в этой связи германский исследователь Х.-Г. Миттермюллер, «зелёные» рассматривают индустриальные производительные силы как формационно нейтральные и тем самым приравнивают западное рыночное хозяйство к экономической системе реального социализма [22, с. 50]. Помимо этого, по их мнению, в марксистской политэкономии отсутствует по настоящему глубокий анализ условий отчуждения человека от процесса и результатов своей трудовой деятельности [17, с. 76]. Эти условия, продуцируемые индустриальным способом производства, не были преодолены и на уровне хозяйственной практики социалистических стран, делая её малоотличимой от той, что осуществляется в капиталистических странах и подвергается осуждению со стороны марксистов. Ни частнособственническая, ни бюрократическая централизованная экономика советского типа, утверждал «зеленый» автор Р. Пфрим, не предоставляют средства производства в общее распоряжение, чужды принятию демократических внутрипроизводственных решений [24, с. 54].

Нелицеприятная оценка «зелеными» дается и капиталистический системе хозяйствования, в рамках которой, как пишет К. Ляйперт, разрушительные силы взяли верх над производительными [18, с. 21]. Разрабатывая концепцию альтернативной экономики, «зелёные» подчеркивают, что последняя должна быть экологически и социально ориентирована, а её организация и функционирование предполагают активное участие трудящихся в принятии хозяйственных решений. Суть социально-экономической концепции «зелёных», по замечанию К. Ляйперта, заключается в том, что абсолютизации экономики, эксплуатации, неконтролируемому росту и индустриальной гигантомании они противопоставляют подход, предполагающий экономическое и социальное ограничение хозяйственной деятельности [18, с. 24].

Согласно точке зрения «зеленых», природа, обладающая самостоятельной ценностью, не может быть объектом эксплуатации, а посему целью хозяйствования должно быть не получение максимальной прибыли, а удовлетворение разумных, соответствующих природе человека потребностей [10, с. 37]. Данные положения свидетельствуют о наличии среди «зелёных» антибуржуазных настроений, влиянию которых подвержены не только так называемые эко-социалисты, видящие в «корыстолюбивых» частных собственниках виновников экологического кризиса, но и некоторые представители течения эко-либералов. Примером тому может служить утверждение одного из его теоретиков В.-Д. Хазенклевера о том, что существует прямая зависимость между ростом капитала в руках отдельных лиц и угрозой существованию человечества вследствие эксплуатации и ограбления природы [14, с. 44].

Помимо этого, все течения в «зелёном» движении в той или иной форме отрицают индустриальный способ производства, выступая за переход к способу производства постиндустриального типа.

Первым шагом к его утверждению должно стать изменение ценностных ориентаций индивидуального и массового сознания, предполагающее, во-первых, отказ от вредных искусственных потребностей, навязываемых индустриальной системой, а во-вторых, выдвижение на первый план потребностей постматериального характера. Развивая это положение, «зелёные» авторы указывают на

неравнозначность человеческих потребностей, среди которых достойны удовлетворения лишь те, что могут быть определены как истинные нужды, а не произвольные желания. Так, Х.-В. Людке, выстраивая иерархию потребностей, на первое место ставит потребность в здоровой природной среде, наличие которой является условием удовлетворения всех прочих разумных и естественных потребностей как духовного, так и материального плана [19, с. 61].

Отказ от потребительства, пишет М. Мис, означает, что закончится состояние коллективной шизофрении, после чего мы осознаем нашу ответственность за разрушение природы и эксплуатацию других народов, придем к пониманию ограниченности ресурсов Земли и невозможности распространения жизненных стандартов среднего немецкого гражданина на всех людей, проживающих в Африке, Азии и Латинской Америке [21, с. 255]. Вместе с тем, подчеркивает М. Мис, призыв к отказу от потребительства должен быть адресован лишь к тем, кто имеет относительно высокие доходы, т. е. к 2/3 населения индустриальных стран, но отнюдь не к его беднейшей части и не к народам стран «третьего» мира [21, с. 257].

По мнению Т. Эбермана и Р. Трамперта, количественной системе потребностей, удовлетворение которых определяется наличием денег, следует противопоставить систему качественных потребностей [6, с. 223]. Радикальные в своей сущностной основе, они будут ориентировать индивида не на погоню за прибылью, а на творческую самореализацию, солидарное отношение к другим людям, наслаждение природой, а значит, станут мотивом для неприятия индустриального общества и навязываемых им ценностных приоритетов. В этой связи особую актуальность приобретает задача выработки научно обоснованных норм потребления, введение которых, согласно точке зрения К. Амери, экологически и социально-экономически вполне обоснованно, даже при условии, что это нововведение приведет к определенному снижению жизненного уровня [2, с. 222]. Это предложение достаточно точно раскрывает специфику «зелёной» идеологии, характеризуемой сочетанием реализма и утопизма, гуманистического пафоса и консервативного влияния. В ней нашли выражение умонастроения определенной части средних слоев, получивших возможность удовлетворить свои основные материальные запросы, осознающих в силу высокого образовательного уровня значимость для человечества гармонизации отношений с природой, а потому демонстрирующих альтруистическую готовность пойти на определенные самоограничения.

Согласно представлениям «зелёных», рост промышленного производства в ФРГ и других индустриальных странах явно избыточен. Прямым следствием этого становится огромный расход сырья и энергии, разрушение окружающей среды и здоровья людей, а выгоды, получаемые от экономического роста в принципе не в состоянии покрыть приносимый им ущерб [11, с. 3]. В частности, «зелёные» обращали внимание на то, что безостановочный экономический рост способствует дальнейшей концентрации экономики, а значит, ведет к увеличению числа безработных и разорению мелких и средних предприятий. Именно поэтому в кругах экологистов большой популярностью начинает пользоваться концепция «нулевого» экономического роста.

Со временем, обнаружив, что данная концепция отвергается значительной частью общества, «зелёные» становятся менее категоричны в своих утверждениях и заметно меняют смысловые акценты. Подвергая критике модель хозяйственного развития, в основе которой лежит расширенное воспроизводство, а значит, являющуюся воплощением количественного роста, они начинают высказываться за рост качественный, в особенности сопряженный с меньшим использованием сырья и энергии. Помимо этого, условием качественного роста назывался отказ от выпуска быстро изнашиваемого ширпотреба, на смену которому должна прийти продукция с высокими потребительными свойствами, что

будет способствовать подъему жизненного уровня населения. Однако качественный рост невозможен без радикального сокращения производства в экологически «грязных» отраслях.

Особую угрозу, утверждали «зелёные», несет ядерная энергетика, поскольку её дальнейшее развитие чревато авариями на АЭС, последствия которых будут катастрофичны. Даже безаварийная эксплуатация АЭС весьма опасна, ибо порождает проблему утилизации ядерных отходов, очистка которых невозможна, а захоронение ведет к радиоактивному заражению окружающей среды [6, с. 25]. В этой связи «зелёные» особое значение придают, говоря словами М. Бертрама «принципиальной и деятельной критике технологии расщепления атомного ядра и поиску альтернативных путей в энергетике [4, с. 301].

По мнению «зелёных», к числу опасных производств, развитие которых может нанести неисчислимые беды человечеству, также относятся те, что основываются на достижениях современной генетики и биотехнологии. Зато всемерной поддержки заслуживает производство электроники, развитие научных технологий, позволяющих тестировать возможные последствия использования производственных материалов. В целом, отводя науке важную роль в становлении постиндустриального общества, «зелёные» весьма настороженно относятся к возникшим на волне НТР «высоким» технологиям, отдавая предпочтение использованию экологически безопасных «средних» технологий. Так, О. Ульрих, осуждая идею «прогресса ради прогресса», доказывает, что применение технологических инноваций опасно, в экономическом отношении направлено на достижение победы в конкурентной борьбе, а в политическом – власти. Своим же экологическим следствием, оно может иметь нанесение огромного вреда природе и человеку [30, с. 49].

Отраслью экономики, в наибольшей степени соответствующей в силу своей исходной специфики принципу экологичности, согласно представлениям «зелёных», было сельское хозяйство. Особой популярностью эта идея пользовалась в кругах так называемых эко-консерваторов, рисовавших идиллическую картину обретения человеком на сельской ниве гармонии и единства с природой. Их воплощением должен был стать отказ от таких «достижений» индустриальной цивилизации, как применение искусственных удобрений, гормональных добавок при выращивании поголовья птицы и скота, необходимость потребления мяса которых ставилось под сомнение как по этическим, так и по медицинским соображениям. В представлении «зелёных», такая организация сельскохозяйственного производства выступала как прообраз экономической модели, которой, по определению К.-М. Майер-Абиха, будет присуща натурализация всей хозяйственной деятельности [20, с. 61].

Согласно точке зрения правых экологистов, полное согласование производственных и природных циклов обмена веществ будет условием сохранения целостности природной среды, представляемой ими в качестве замкнутой экологической системы. Это вызывало возражение у левой части «зелёных», указывавших на принципиальную неосуществимость подобного замысла, поскольку подобное согласование может быть лишь относительным, и то в противном случае будет иметь «безропотное подчинение человека господству природного кругооборота» [6, с. 204]. По мнению левых, только использование мягких экологически безвредных технологий может служить залогом преодоления конфликта между экономикой и экологией. Тем не менее «зелёные» всех направлений разделяли идею о необходимости ликвидации негативных последствий антропогенного воздействия на природу, ведущих к нарушению её гомеостаза, и высказывались за проведение крупномасштабных работ по восстановлению окружающей среды.

Рисуя контуры постиндустриального общества, «зелёные» ратуют за немедленное применение мер экономического, административного и уголовно-правового воздействия ко всем загрязнителям окружающей среды. Такого рода меры рассматривались как дейс-

твенный стимул для скорейшего перехода к альтернативным источникам энергии, развития экологически безопасного транспорта, использования щадящих природу технологий. Помимо этого, «зелёные» высказываются за проведение экспертных оценок степени загрязнения окружающей среды, риска от внедрения новых технологий [5, с. 260], а также введение в той или иной форме платы за использование чистой природы.

Переход к постиндустриальному обществу «зелёные» связывают также с разукрупнением индустриального производства. Необходимость этого шага аргументировалась тем, что хозяйственная деятельность предприятий ориентирована лишь на безостановочный экономический рост и ведет к бессмысленной растрате сырья и всех других видов ресурсов, а как следствие, является основной причиной надвигающейся экологической катастрофы. Высокие темпы экономического роста в ведущих отраслях производства, подчеркивает Р. Трамперт, благотворны для концентрации капиталов. Концерны вооружаются для ведения конкуренции в мировом масштабе, и на этом пути экология им только помеха [29, с. 72-73].

По мнению «зелёных», преимущества малых и средних предприятий заключаются, во-первых, в их экологичности, ибо они в состоянии осуществлять производственную деятельность, не приводящую к чрезмерной перегрузке окружающей среды. Во-вторых, более экономически эффективны, а в-третьих, на их базе легче утвердить новую систему производственных отношений, характеризуемую укреплением системы рабочего контроля и самоуправления. Разукрупнение и децентрализация производства, согласно убеждению «зелёных», должно быть сопряжено с децентрализацией его управления, которое в условиях индустриального общества, по замечанию В. Харлесса, носит бюрократический характер и обнаруживает пагубное стремление к стимулированию экономического роста [13, с. 197].

Однако предлагавшиеся «зелёными» теоретиками рецепты отнюдь не бесспорны. Даже гипотетическое допущение создание мелкомасштабной децентрализованной экономической системы приводит к явно неутешительным выводам. Мелкие предприятия в силу ограниченности своих финансовых и производственных возможностей не могут быть рачительными хозяевами, способными сберечь сырье и ресурсы, поддерживая при этом сколько-нибудь высокий уровень жизни у занятых на них трудящихся. В условиях рыночной конкуренции такие предприятия перед угрозой разорения и в погоне за прибылью будут вынуждены пренебрегать многим из того, что рассматривается «зелёными» в качестве обязательного условия существования экологически чистой экономики. Дефицит финансовых возможностей обернется отказом от проведения научно-исследовательских работ, поставит барьер на пути создания даже «мягких» экологически безопасных технологий. Осознание этого факта заставляет «зелёных» отказаться от излишней категоричности. Критикуя промышленную гигантоманию, они все чаще начинают заявлять о том, что отказ от крупной промышленности должен быть осуществлен в зависимости от того, насколько это возможно и экологически разумно.

Неприятие целей индустриального производства логически подводит «зелёных» к необходимости осмысления механизмов его функционирования, ибо те являются не чем иным, как средством достижения этих целей. Поскольку негодная цель предполагает использование негодных средств, то естественно, что «зелёные» теоретики обращают свои взоры к важнейшему средству достижения целей существующей системы производства – рынку. Нужно было ответить на вопрос: может ли быть постиндустриальное общество рыночным? Для того, чтобы на него ответить исходя из своих мировоззренческих и методологических принципов, «зелёные» должны были ответить на другой вопрос: какова роль рынка как механизма преодоления экологического кризиса?

У «зелёных» на этот счет нет однозначного ответа. В официальных партийных доку-

ментах, как правило, присутствовали компромиссные формулировки, возникшие под перекрестным влиянием различных внутрипартийных течений. Примером тому может служить «Программа перестройки индустриального общества», в которой её авторы заявляли о том, что считают рыночный механизм «важным средством регулирования экономики», но при этом делали оговорку о необходимости при помощи государственного вмешательства «компенсировать» присущий ему дефицит [12, с. 307]. Причем под государственным вмешательством «зелёные» подразумевают не бюрократическое регулирование, а привлечение к этому процессу общественных представителей [10, с. 34]. Тем самым в своем отношении к рынку «зелёные» демонстрировали близость к идеям левого институционализма, суть которых заключается в признании неспособности субъектов рыночных отношений принимать экологически безупречные решения при осуществлении тех или иных экономически значимых действий. В условиях рынка, подчеркивал Р. Пфрим, экономически значащим воспринимается лишь то, что имеет цену [24, с. 52].

Альтернативой произволу «чистого» рынка, согласно институционалистской концепции, должны стать научно разработанные внерыночные, но соответствующие общественным интересам, нормы и критерии экономического развития, внедрение которых в хозяйственную практику позволило бы возвести надежные преграды на пути экологического кризиса.

Однако институционалистские рецепты разделялись далеко не всеми участниками экологического движения, многие их которых ставили под сомнение их практическую реализуемость, что подкреплялось преимущественно негативной оценкой влияния рынка на экономику, поскольку он стимулирует производство массы ненужных для человека, но крайне обременительных для окружающей среды товаров. Даже эко-либерал К.-М. Майер-Абих выступил с предложением ограничения сферы действия рыночных отношений [20, с. 66]. В еще более радикальной форме эти идеи представлены в мировоззрении ряда ведущих теоретиков эко-социализма, утверждавших, что производство потребительных стоимостей и кооперация производителей и потребителей, ведущая к сужению как внутреннего, так и внешнего рынка, являются важнейшими признаками постиндустриального способа производства [30, с. 46].

В определенной степени эти идеи созвучны марксистским, что вполне закономерно, ибо сами эко-социалисты, критикуя марксизм, признавали его идейное влияние. Однако согласно марксистской концепции отказ от рыночных отношений и переход к прямому продуктообмену должен быть осуществлен лишь при условии достижения производительными силами чрезвычайно высокого уровня развития, на базе общественной собственности на средства производства. Что же касается «зелёных» теоретиков, то, будучи врагами индустриального производства и высоких технологий, они предполагали осуществление подобного перехода с производительными силами, в структуре которых могли быть даже элементы доиндустриального производства. Помимо этого, в отличие от Маркса, «зелёные» не были столь однозначны в своем отношении к частной собственности. Даже те из них, что заявляли о необходимости отказа от частной собственности, в качестве альтернативы ей видели в первую очередь собственность не общенародную (как в марксизме), а групповую, кооперативную, общинную.

Исходя из этого, отказ от рынка, в соответствии с рекомендациями «зелёных» авторов, означал бы натурализацию хозяйства, изоляцию производителей друг от друга, резкое снижение ассортимента выпускаемой продукции, а как следствие снижение жизненного уровня основной массы населения. В этой связи весьма проблемно выглядел вопрос о реализуемости еще одного антирыночного предложения «зелёных». Речь идет о предоставлении каждому человеку, независимо от того сколь успешно он смог продать на рынке труда свою рабочую силу, права на получение определенного набора материаль-

ных благ. В низкоэффективной «зеленой» экономике таковых был бы большой дефицит, а его преодоление затруднено наличием гарантированных норм потребления, что автоматически выдвигает на первый план проблему стимулов к трудовой деятельности.

Оборотной стороной отстаиваемой эко-социалистами идеи права на получение дохода является неприятие наемного, ориентированного на производство меновых стоимостей труда. Будучи порождением индустриального производства, такой труд носит монотонный, нетворческий характер, являясь своеобразным воплощением феномена отчуждения, чему в немалой степени способствует его жесткая внутренняя дифференциация, примером которой может служить конвейерное производство. Опираясь на это положение, левые теоретики «зелёных» приходят к выводу о том, что одним из условий преодоления отчуждения должен стать отказ или минимизация разделения труда как на национальном, так и международном уровне.

Применительно к национальному производству решение этой задачи они связывают с его децентрализацией, разукрупнением, ограничением действия рыночных механизмов, что на практике было бы чревато резким снижением производительности труда и квалификации основной массы трудящихся и опять таки их благосостояния. Применительно к международному уровню речь шла об отказе от сложившихся форм производственной специализации и свертывании или редуцировании, по выражению К. Хюбнера, интеграционных процессов [16, с. 276], которые определялись как источник усиления межгосударственных противоречий, экспорта безработицы, нанесения окружающей среде невосполнимого ущерба [28, с. 336]. В противовес этому эко-социалисты, сохраняя верность идее экономической децентрализации и демократического контроля над хозяйственной деятельностью, выступают за развитие хозяйственных связей на региональном уровне. Регион, согласно их представлениям, не должен быть связан национальными границами, хотя следует отказаться, насколько это возможно, от внешней торговли, что позволит высвободить ресурсы для его экологической санации [25, с. 95]. Экологическая система хозяйствования, отмечает К. Ляйперт, в первую очередь будет ориентирована на локальные, а не экспортные рынки [18, с. 38].

Критика рыночных отношений, субъектами которых выступают отдельные независимые производители, распоряжающиеся создаваемой продукцией в качестве частных собственников, подводит эко-социалистов к идее отказа от частной собственности и укрепляет в мысли, что в рамках рыночного хозяйства невозможно осуществить действенные экологические преобразования. Особенно отчетливо влияние эко-социалистов в подходе к решению данного вопроса обнаруживается в Зиндельфингенской программе, в которой указывается, что «господствующие отношения частной собственности и распоряжение средствами производства являются причинами социального отчуждения и эксплуатации человека и природы» [11, с. 7].

Ставя перед собой цель преодолеть индустриальный способ производства, с присущим ему жестким разделением труда, обрекающим человека на тотальное отчуждение, «зелёные» предлагают начать возведение грядущего гуманного к природе и человеку постиндустриального общества уже сегодня. Взяв на вооружение концепцию дуальной экономики, они выступают за то, чтобы в структуре народного хозяйства наряду с так называемым формальным сектором, состоящим из государственных и частнокапиталистических предприятий, был создан неформальный, альтернативный сектор, включающий в себя всевозможные региональные производства. По определению Е. Альтекестер, «альтернативно-экономические предприятия должны стать краеугольным камнем для возведения гетерогенной экономической структуры», а «их значение определяется не столько способностью трансформировать нашу экономическую систему, сколько распространять социальные инновации» [1, с. 146].

Принципиальное отличие между указанными секторами – в отношении к рынку ра-

бочей силы. Первый сектор функционирует по рыночным законам, и в нем задействованы люди, осуществляющие свою профессиональную деятельность, ориентируясь на получение заработной платы. Второй альтернативный сектор объединяет различные группы самопомощи, занятые производством потребительных стоимостей, которое, по определению альтернативиста М. Вёрле, направлено на покрытие издержек, а не на максимальную прибыль [31, с. 250].

При этом неформальный сектор должен пользоваться всемерной поддержкой со стороны государства, а формальный подвергаться глубоким структурным изменениям, суть которых в постепенном отказе от крупной промышленности, использовании экологически чистых технологий, гуманизации производственных отношений и т. д. [11, с. 7]. Экономическая политика, утверждал К. Ляйперт, должна быть направлена на то, чтобы в формальном секторе утвердились принципы гуманизма и демократизма, а в неформальном повысилась ценность осуществляемой деятельности [18, с. 26]. Ряд «зелёных» авторов, подобно О. Флехтхайму, склонны видеть в неформальном секторе прообраз социалистической экономики будущего, но уже в современных условиях заметно ограничивающем сферу действия товарно-денежных отношений [7, с. 227]. Подобная точка зрения разделяется далеко не всеми «зелёными», даже из числа эко-социалистов [6, с. 193]. В немалой степени этому способствует не слишком удачная хозяйственная практика альтернативных предприятий, представленных преимущественно в сфере интеллектуального труда и услуг.

Выступая как своеобразный экспериментальный полигон по воплощению в жизнь экономических концепций эко-партии, «зелёные» столкнулись с целым рядом серьезных проблем. Выяснилось, что альтернативный сектор не в состоянии функционировать как самодостаточная целостность. Предположение о том, что альтернативисты смогут избежать товарно-денежных отношений, потребляя производимую ими продукцию или напрямую обменивая её на продукцию других предприятий неформального сектора, не оправдало себя. Оказавшись вовлеченными в рыночную стихию, альтернативные предприятия продемонстрировали низкую конкурентоспособность, что было связано с низкой производительностью труда, слабой технической оснащенностью, ограниченными финансовыми возможностями [8, с. 46].

Поднимая вопрос об экономике будущего, большинство «зеленых» теоретиков представляет ее как совокупность небольших самоуправляемых предприятий, каждое из которых в производственном отношении учитывало бы потребности своего региона, и служащих основой для формирования социальной общности работающих на них людей.

Как отмечалось в партийной программе «зелёных», активное партнерство человека и природы может быть успешно осуществлено на базе самоопределяющихся и самообеспечивающихся хозяйственных и административных общин [9, с. 4]. В своей жизнедеятельности, подчеркивает М. Опилка, люди будут ориентироваться на идею киббуциативной коммуны [23, с. 224]. Подобная организация социальной жизни позволяет человеку занять свою экологическую нишу и обрести гармонию с окружающим миром. Экологически безвредные технологии, производство, ориентированное на удовлетворение здоровых человеческих потребностей, положат конец чудовищной антропогенной нагрузке на природу. Этому же будет способствовать небольшой размер предприятий, что, помимо того, дает возможность по достоинству определить и оценить трудовой вклад каждого работника [17, с. 76]. Свободный ненаемный труд приобретает творческий характер. В обществе возобладают коллективистские, гуманистические ценности. Общественная собственность сделает каждого человека хозяином на производстве, заложит мощные мотивации трудовой деятельности. Указывая на необходимость создания условий для развития каждым человеком своих способностей и проявления инициативы, «зелёные» связывали её осуществление с предоставле-

нием «всем заинтересованным лицам самим решать что, как или где производить» [9, с. 7]. «Зеленый» способ хозяйствования, согласно позиции Ф. Беккенбаха, «должен быть социален, а это означает, что условия, в которых живет и работает индивидуум, раскрывают перед ним максимальный простор для самореализации» [3, с. 170].

По мнению Т. Эбермана и Р. Трамперта, внедрение в производство плановых начал и организация его на принципах «базисной демократии» приведет к повышению качества труда и его результатов [6, с. 274]. Будут созданы условия для формирования гармоничной личности, торжества социального равенства и справедливости, человеческой солидарности и преодоления всех форм отчуждения. Переход к новым формам организации социальной жизни «зелёные» связывали с разукрупнением городов, в первую очередь многомиллионных мегаполисов, выступающих в качестве своеобразных символов индустриализма. Неприятие урбанизма индустриальной цивилизации в идеологии «зелёных» имело обратную сторону в виде стремления обосновать необходимость преодоления существенных различий между городом и деревней. Так, Т. Эберман и Р. Трамперт высказывают убежденность в том, что в исторической перспективе улучшение экологической ситуации связано со сближением форм организации хозяйственной и социальной жизни в городе и деревне [6, с. 275]. В поселениях будущего работа, место проживания, проведение досуга, школы, магазины будут находиться рядом друг с другом. Это позволит добиться не только значительной экономии сил и времени, растрачиваемых людьми в условиях современного мегаполиса, но и энергии и сырья, а также сократить количество вредных выбросов в окружающую среду, производимых всеми видами транспорта.

Следует заметить, что реализуемость подобных проектов вызывает сомнение. Дело в том, что отсутствие возможностей применения современных технологий в процессе производственной деятельности, осуществляемой членами общины, своим следствием будет иметь как раз увеличение антропогенной нагрузки, продолжительности рабочего дня и трудозатрат при общем снижении производительности труда и уровня жизни, что станет преградой для всестороннего и гармоничного развития личности.

Более того, интерпретация коммунальной идеи правыми экологистами, отрицавшими, в отличие от эко-социалистов, общественную собственность и планирование в масштабах общества, фактически подрывала основы экономического институционализма «зелёных». Предоставление каждой общине права исключительно самостоятельно решать «что, как и где» производить не может стать условием для преодоления конфликта между человеком и природой, ибо далеко не каждый производитель компетентен в вопросах экологии и тем более в состоянии просчитать последствия своих экономических решений в надрегиональных масштабах. Тот факт, что, как показывают современные исследования, многие вопросы, касающиеся улучшения состояния окружающей среды могут быть решены только на коммунальном уровне, не отменяет этого вывода [27, с. 263].

Все вышесказанные слабости представлений «зелёных» о формах организации социально-экономической жизни в условиях постиндустриального общества в теоретико-методологическом отношении производны от отмечаемого выше сознательного или бессознательного игнорирования зависимости этих форм от уровня развития производительных сил. Именно поэтому любые попытки «зелёных» сконструировать модель общественного развития, свободного от противоречий индустриального общества, положив в её основу предположение, что производительные силы этого общества будут менее развиты, чем в индустриальном, приводили к созданию очередной утопии. Эти же причины лежали в основе неспособности «зелёных» теоретиков выявить производственно-технологическую специфику постиндустриального способа производства. Вместе с тем следует отметить, что в последние годы, в особенности в период нахождения «зеленых» в составе

правительственной коалиции, возглавляемой социал-демократической партией, в их теоретических установках и политической практике начинают брать верх реалистические тенденции. Новое партийное руководство «зелёных» взяло курс на вытеснение из партийных рядов тех, кто по-прежнему был верен провозглашаемым в былые времена утопиям. Сами же утопии, хотя и не изымались из идейного арсенала партии, все больше утрачивали былую роль мировоззренческого базиса. Помимо этого, эволюция «зелёных» в сторону реализма выразилась в том, что в структуре их социально-экономической концепции абстрактные положения дополнялись конкретными требованиями, многие из которых были созвучны требованиям, выдвигаемым другими левыми политическими партиями и профсоюзами. В первую очередь речь шла об увеличении заработной платы, сокращении продолжительности рабочей недели, снижении пенсионного возраста, предоставлении трудящимся новых социальных гарантий, выплате социально незащищенным слоям населения различных пособий.

Все это делает социально-экономические воззрения «зелёных» во всем их многообразии, несмотря на отмеченные слабости и противоречия, заслуживающими внимания ученых-экономистов и широкой общественности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Alteköster E. Chancen und Probleme des alternativ-ökonomischen Sektors // Grüne Wirtschaftspolitik: Machbare Utopien. – Köln, 1985. – S. 125-148.
2. Amery C. Natur als Politik: Die ökologische Chance des Menschen. Reinbeck bei Hamburg, 1979. 288 S.
3. Beckenbach F. Der ökonomische Prüfstand für Grüne Alternativen // Grüne Wirtschaftspolitik: Machbare Utopien. – Köln, 1985. – S. 149-177.
4. Bertram M. Vom Mythos und Machen der neuen Techniken. Begegnungen mit dem Zeitgeist der Superindustrialisierung // Grüne Perspektiven. – Köln. – S. 288-301.
5. Brifs U. Politik im Zeichnen von High-Tech: Das Modernisierungsdilemma der BRD. Wege des Ausstigs suchen und verwirklichen // Grünes und alternatives Jahrbuch 1986/87. Strategien der Grünen und ökologische Krise. – B., 1986. – S. 254-286.
6. Ebermann T., Trampert R. Die Zukunft der Grünen: Ein realistische Konzept für eine redikale Partei. – Hamburg, 1984. – 288 S.
7. Flechtheim O.-K. Ist die Zukunft noch zu retten? – Hamburg, 1987. – 255 S.
8. Goldberg J., Sörgel A. Grün – alternative Wirtzchafts-konzeptionen. IMSF-informations-bericht. № 37. – Frankfurt a. M., 1983. – 87 S.
9. Die Grünen. Das Bundesprogramm. – Bonn, 1980. – 47 S.
10. Die Grünen: Farbe bekennen. Programm zur Bundestagwahl. – Bonn, 1987. – 49 S.
11. Die Grünen: Sinnvoll arbeiten solidarisch leben: Gegen Arbeitslösigkeit und Sozialabbau. – Köln, 1983. – 33 S.
12. Die Grünen: Umbau der Industriegeselschaft. Schritte Überwindung von Erwerbslosigkeit. Armut und Umveltzerstörung. – Köln, 1986. – 118 S.
13. Harless W. Grüne Politik aus ärztlicher Sicht. Über die Zusammenhänge von Gesundheit, Umwelt und Demokratie // Die Grünen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980. – S. 190-198.
14. Hasenklewer W.-D. Ökologischer Humanismus // Die Grünen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980. – S. 42-52.
15. Hinds C. Umweltrechtliche Einschränkungen der Souveränität: Völkerrechtliche Präventionspflichten zur Verhinderung von Umweltschäden. – Frankfurt a.M., 1997. – 436 S.
16. Hübner K. Alternative Wirtschaftspolitik und kapitalistische Weltwirtschaft // Grünes und alternatives Jahrbuch 1986/87. Strategien der Grünen und ökologische Krise. – B., 1986. – S. 264-286.
17. Kelly P.-K. Die vierte ParteiEine wählbare ökologische, gewaltfreie, soziale und basisdemokratische Anti-Partei // Die Grünen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980. – S. 62-80.
18. Leipert C. Die Grünen auf der Suche nach einem neuen ökonomischen Leitbild // Grüne Wirtschaftspolitik: Machbare Utopien. – Köln, 1985. – S. 20-43.
19. Lüdke H.-W. Was ist ökologische Politik? // Die Grünen: Personen, Projekte, Programme. – Stuttgart, Degerloch, 1980. – S. 53-61.
20. Meyer-Abich K.-M. Bedingungen des Friedens mit der Natur für die wertschaftliche Entwicklung // Weltwirtschaftsprobleme Mitte der 80er Jahre: Energie/Technologie/Umwelt. – Bonn, 1985. – S. 59-71.
21. Mies M. Konsumbefreiung oder Politisierung des Alltags // Griine Perspektiven. – Köln, 1986. – 251 S.
22. Mittermüller H.-J. Ideologie und Theorie der Ökologiebewegung: Zur Konzeption einer

«Ökologischen Philosophir». – Frankfurt a.M., 1987. – 180 S.
23. Opielka M. Vom Sozialstaat zum ökologischen Gemeinwesen. Für neue Sozialpolitik // Grüne Wirtschaftspolitik: Machbare Utopien. – Köln, 1985. – S. 206-224.
24. Pfriem R. Marktwirtschaft, Planwirtschaft oder was? // Grüne Wirtschaftspolitik: Machbare Utopien. – Köln, 1985. – S. 45-69.
25. Relke F. Ökorepublik Deutschland? Die Ökologisierung der Wirtschaft in den Programmen der Bundesdeutschen Parteien. – Frankfurt a.M., 1997. – 192 S.
26. Rönsch H.-D. Die Grünen: Wählerbasis, politische Entwicklung, Programmatik // Gewerkschaftsiche Monatshefte. – Köln, 1983. N 2. S. 98-111.
27. Schlosser F. Umveltqualitatziele // Jenseits der marktregulierten Selbststeuerung: Perspektiven des Umwellrechts. – B., 1997. – 263 S.
28. Stratmann E. Made in Germany. Vom Weltmarkt zum Binnenmarkt // Grüne Wirtschaftspolitik: Machbare Utopien. – Köln, 1985. – S. 327-349.
29. Trampert R. Der harte Kern der Wirtschaft als Zentralproblem grüner Strategie // Grünes und alternatives Jahrbuch 1986/87. Strategien der Grünen und ökologische Krise. – B., 1986. – S. 22-85.
30. Ulrich O. Modernisierung oder Entindustrialisierung? // Perspektiven ökologischer Wirtschaftspolitik: Aussatze zur Kultivierung von ökonomischen Neuland. – Frankfurt a.M. Campus, 1986. – S. 27-51.
31. Wörle M. Finanzierungsstrategien von Alternativbetrieben // Perspektiven ökologischer Wirtschaftspolitik: Aussatze zur Kultivierung von ökonomischen Neuland. – Frankfurt a.M.: Campus, 1986. – S. 249-276.

УДК 32.001

Рудакова Е.Н.
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

E. Rudakova
Russian Customs Academy, Lyubertsy

POTENTIAL OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL POLICY IN MODERN CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF SOCIETY AND THE STATE

Аннотация. Российская образовательная политика в современных условиях играет колоссальную роль, предопределяя прогресс или регресс в развитии образования, а значит, прогресс или регресс в развитии всего общества.

В данной статье автор раскрывает смысл понятия «образовательная политика» и основывается на том, что нравственный, интеллектуальный, экономический и культурный потенциал, адекватно реализованный в политическом пространстве, зависит от состояния дел в образовательной сфере и возможностей ее модернизации.

Ключевые слова: образование, образовательная политика, потенциал, государство, общество.

Abstract. In modern conditions the Russian educational policy plays a great role, predetermining either progress or regress in the development of education. Consequently, it determines either progress or regress in the development of the whole society.

In this article the author discloses the meaning of the concept «educational policy». The author states that the ethical, intellectual, economic and cultural potential being adequately realized in the political sphere depends on the state of affairs in the educational sphere and the possibilities of its modernization.

Key words: education, educational policy, potential, the state, society.

© Рудакова Е.Н., 2012.

Современное российское образование находится в стадии обновления, импульс которому, с одной стороны, дали общеполитические изменения, происходящие в стране, а с другой – логика развития самой системы образования, ее эволюция. Перемены затронули структуру, содержание образования, его организацию. Российская образовательная система стала более гибко реагировать на потребности государства и общества, полнее реализовывать потребности граждан. Вместе с тем существует ряд проблем, которые связаны с образовательной политикой государства и требуют своего безотлагательного решения. В образовании реализуется необходимый для нашего общества процесс связи времен и преемственности поколений, но часть изменений происходит неконтролируемо или без достаточного обоснования, что создает целый ряд сложных ситуаций в данной сфере. Несбалансированное ускорение или замедление образовательных реформ, их проведение в отрыве от общей логики социальной трансформации России чревато непредсказуемыми последствиями для жизни всего государства, поэтому научно обоснованная образовательная политика в современных условиях играет колоссальную роль, предопределяя прогресс или регресс в развитии образования, а значит, прогресс или регресс в развитии всего российского общества.

Обратимся к законодательной специфике российской образовательной политики, которая провозглашается сегодня важным направлением государственной политики. Так, еще в 1992 г. правительство провозгласило сферу образования в России приоритетной на основании статьи первой Закона Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» [3]. Более того, в рамках единой образовательной политики государству предписывается в качестве самостоятельного направления проводить политику в области высшего и послевузовского профессионального образования [7]. В других законах и законопроектах фигурируют государственная политика в области начального профессионального образования, дополнительного образования, образования лиц с ограниченными возможностями здоровья и др.

Под «образовательной политикой» мы понимаем политику государства, его властных и иных полномочных органов, определяющих цели и задачи стратегии развития образования, сроки, человеческие и финансовые ресурсы, планирование и контроль в организации производимых государством реформ в данной социальной сфере, обеспечивающих единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, включающих образовательные компоненты и образовательные воздействия социального, правового, экономического, культурного и иных направлений внутренней российской политики, ведущих к современным параметрам социально-экономического развития, интегрированию в международное образовательное пространство, осуществляющих демократическое управление образованием, в интересах повышения уровня образованности и профессиональной компетентности населения страны, обеспечения национальной безопасности.

По мнению В.И. Панарина, «образовательная политика» включает в себя:

1. нормативно-правовую политику – установка границ поведения субъектов образовательного процесса, компетенция;

2. культурно-идеологическую политику: ориентации общественного сознания, влияющие на выбор решения;

3. финансовую политику – уровень финансирования, распределение и использование финансовых средств [6, с. 40].

Оптимальная образовательная политика требует глубоко продуманного, стратегически выверенного мышления со стороны политиков, принимающих решения, четкого представления социального содержания самой образовательной политики. Мы считаем, что практический смысл, а политика более, чем какая-либо другая область, нацелена на практику, образовательной политики должен побудить политиков учитывать образовательную составляющую и прогнозировать образовательные последствия при принятии решений

по вопросам экономики, социальной жизни, собственно политической сферы и др.

Политические и социальные коллизии последних трех десятилетий, казалось бы, должны были отразиться в первую очередь на изменении образовательной политики в России. Мощное инновационное движение обусловило реформы во всех направлениях образовательной деятельности: содержании образования, образовательных технологиях, управлении образованием и др.

Однако государство, сосредоточившись на решении перманентных экономических, политических, социальных проблем, так и не определилось в образовательных приоритетах, идеи национального развития достаточно четко не сформулированы [2, с. 12].

Отметим, это происходит в условиях, когда образование и наука в России приближаются к критическому порогу, к ситуации необратимого разрушения системы. Вместе с тем остро стоит вопрос: на какие образовательные доктрины ориентировано государство в реформировании образовательной политики.

Как известно, здесь существуют две модели образовательной политики:

– англо-американская модель, когда образование рассматривается как личное дело каждого человека, а система образования представляет собой индустрию образовательных услуг;

– немецко-русская модель, основанная на государственной ответственности за образование и на доступности образования всем слоям населения (независимо от экономического и социального статуса). Данная модель функционировала в советский период. Именно благодаря этому Россия до сих пор поддерживает сравнительно высокий показатель уровня образованности населения среди других стран.

Сегодня приходится констатировать снижение уровня качества образования наряду с хроническим недофинансированием образовательных учреждений. Крайне неравномерное распределение финансовых ресурсов наблюдается на фоне резкого развития лишь небольшого количества элитных образовательных учреждений. Фактически осуществляется «разгосударствление», приватизация образовательного сектора, что приводит к резкому уменьшению государственных обязательств перед образовательными учреждениями и сокращению количества обучающихся на бюджетной основе, превращению общедоступного образования в образование для избранных. Современное образование выполняет и еще одну несвойственную ему роль. «Классовое государство, – как пишет И.М. Ильинский, – не заинтересовано в том, чтобы его граждане были вполне свободными и независимыми. Поэтому оно контролирует людей с помощью пропаганды, искаженного толкования истории и текущих событий, других способов манипулирования. Одна из задач государственного образования – учить людей, о чем и как нужно думать, что и как понимать» [4, с. 129].

В современном переходном, формирующемся информационном обществе, образование, наряду с наукой и культурой, является основным «производственным ресурсом». Этот общепризнанный факт все еще не стал, однако, достоянием общероссийского сознания, но в сознании общества образование, наука и культура до сих пор числятся по разряду непроизводственной сферы, в качестве своеобразной группы «В» – не ресурсовоспроизводящих, а ресурсопоедающих отраслей.

Хорошо известно, что нравственный, интеллектуальный, экономический и культурный потенциал, адекватно реализованный в политическом пространстве, зависит от состояния дел в образовательной сфере и возможностей ее прогрессивного развития. Совершенно недостаточно лишь декларировать государственные приоритеты в сфере образования. Эти заявления будут носить лишь откровенно популистский характер, пока не будут подкреплены конкретным механизмом реализации, достойным финансовым, материально-техническим, кадровым и правовым обеспечением.

Уровень образования населения и обеспечение возможностей его получения признаны

мировым сообществом в качестве базового показателя развития человеческого потенциала, как наиболее перспективного потенциала общества.

Без государства как политического института невозможно решение задач, возлагаемых на образование современным обществом. Чтобы выстроить отношения партнерства и взаимопомощи между государством и образовательной сферой, необходима общая целевая и ценностная платформа. Таковой, по идее и смыслу обоих институтов, является их общая цель – обеспечение социальной стабильности и национальной безопасности. Без этого государство превращается в антигосударство, а образование – в антиобразование.

Таким образом, стратегической целью современной российской образовательной политики должно стать преодоление социально-экономического и духовно-идеологического кризиса, обеспечение высокого качества жизни народа, восстановление первенства России как великой державы в мировом образовательном сообществе, в культуре и науке, в развитии высоких технологий и экономики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Варламова А.И. Сравнительный анализ подходов к оценке качества высшего образования в России и за рубежом // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Педагогика». – 2009. – № 3. – С. 13-16.
2. Гончаров П.К. Национальная доктрина возрождения и оптимальная модель политической системы как концептуальная основа реформирования России // Вестник Московского университета. – Серия 18. «Социология и политология». – 2000. – № 3. – С. 12.
3. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» (Статья 1.) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс [сайт]. [1992]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 19.04.2012).
4. Ильинский И.М. Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. – М., 2004. – С. 129.
5. Модянова Т.В. Образование как институт социализации личности // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «История и политические науки». – 2010. – № 3. – С. 144-147.
6. Панарин В.И. Образовательная политика как социально-философская проблема: дис… канд. философ. наук. – Новосибирск, 2005. – С. 40.
7. Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем послевузовском профессиональном образовании» (Статья 2.) [Электронный ресурс] // Официальный ресурс Министерства образования и науки Российской Федерации [сайт]. [1996]. URL: http://минобрнауки.рф/885 (дата обращения: 19.04.2012).

УДК 342.25 (470)

Высоцкий И.В.
Московский институт государственного и корпоративного управления

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

I. Vysotskiy
Moscow Institute of State and Corporate Governance

LOCAL SELF-GOVERNMENT AND THE MECHANISM OF POLITICAL SOCIALIZATION OF A PERSON IN MODERN RUSSIA

Аннотация. В статье раскрывается понятие и сущность местного самоуправления, рассматривается процесс его становления в Российской Федерации. Уделяется внимание этапам, на которых происходит перераспределение полномочий между уровнями государственной и местной власти. Автор исследует институт местного самоуправления в контексте его содействия формированию в России гражданского общества. В результате, – приходит к заключению, что важнейшим компонентом формирования гражданского общества, является политическая социализация личности. Автором подчёркивается, что местное самоуправление способствует политической социализации, определяя основные направления муниципальной социальной политики, поддерживая общественную активность, инициируя обсуждение наиболее важных вопросов местного сообщества.

Ключевые слова: государственная власть, уровни государственной власти, местное самоуправление, гражданское общество, политическая социализация.

Abstract. The article reveals the concept and essence of local self-government, considers the process of its formation in the Russian Federation. The attention is paid to the stages where the powers between the state and local governments are redistributed. The author investigates the institute of local self-government through its assistance to civil society formation in Russia. As a result, the author comes to the conclusion that the most important component of civil society formation is political socialization of a person. The author stresses that the local self-government promotes political socialization, defining the main directions of municipal social policy, supporting public activity, initiating discussion of the most important questions of local community.

Key words: state power, levels of state power, local self-government, civil society, political socialization.

Согласно закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», местное самоуправление – это «признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» [10, с. 10]. В Европейской Хартии о местном самоуправлении под последним понимается «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения» [10, с. 442].

Путь к становлению гражданского общества шёл параллельно передаче части полномочий и механизмов их осуществления от государства к обществу. Данный процесс выразился в формировании в России институтов местного самоуправления. Промежуточным звеном этой политики является рост полномочий местных властей. Анализ источников и литературы сви-

© Высоцкий И.В., 2012.

детельствует о том, что произошло перераспределение полномочий между федеральным и региональным уровнями государственной власти и региональным уровнем государственной власти и местным самоуправлением. В процессе становления местного самоуправления в современной России можно выделить четыре этапа:

На первом этапе (**1990 – август 1991** гг.) произошла реформа центральной власти, в результате которой определенная часть полномочий была делегирована на уровень областей [2; 4]. При этом следует отметить, что механизм взаимодействия центральной и местной власти разработан не был, так как работу Советов и исполнительных комитетов предполагалось ввести в соответствующие вертикали власти. Данный этап закончился в августе 1991 г., когда в результате противостояния российского руководства ГКЧП, Совет министров России стал Правительством России, а Президент начал исполнять функции временного главы Правительства. В это же время был создан Совет Федерации России и, самое главное, принят Федеральный закон «О местном самоуправлении в Российской Федерации», что означало юридическое закрепление местного самоуправления в стране [3].

На втором этапе (**август 1991 – сентябрь-октябрь 1993 гг.)** Верховный Совет и Съезд народных депутатов России пытались построить систему вертикального подчинения Советам всех органов власти: как представительных, так и исполнительных. Президент придерживался диаметрально противоположной позиции, стремясь выстроить параллельную систему власти и ослабить Советы настолько, насколько это было возможно [3; 9]. Таким образом, был взят курс на главенство исполнительной власти. В результате в стране оказались созданы дублирующие друг друга институты власти, находящиеся между собой в состоянии жесточайшей конкуренции. И, главное, самоуправление не было отделено от управления. Городская администрация формально имела статус исполнительного органа городского Совета, подчинявшаяся одновременно и Совету и центру. Однако в действительности ситуация сложилась противоположным образом: вертикаль исполнительных органов состояла из двухуровневой системы – центра и области, и все остальные администрации подчинялись решениям всех вышестоящих Советов и всех вышестоящих органов исполнительной власти. Закончился второй этап принятием Указа Президента «О конституционной реформе» и роспуске местных Советов.

Содержанием третьего этапа **(ноябрь 1993 – начало 1995 гг.)** стала борьба «центра» и «мест» за экономическую самостоятельность и передел собственности.

На четвертом этапе (**с начала 1995 г.**) происходит обеспечение местных властей реальной экономической самостоятельностью. Однако преградой на пути к этой самостоятельности выступили ограниченные финансовые возможности этих властей. Союз Российских городов и Министерство по делам национальностей и региональной политики инициировало эксперимент по местному самоуправлению в ряде городов, районов и субъектов федерации. Впервые в истории российского самоуправления 17 февраля 1995 г. было проведено Всероссийское совещание по вопросам реализации конституционных положений о местном самоуправлении и организации государственной власти в субъектах РФ. По его итогам был сформирован президентский Совет по местному самоуправлению и подписан Указ Президента РФ о государственной программе поддержки самоуправления. Также был принят новый федеральный Закон РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [5; 19], закрепивший самостоятельность местных бюджетов и муниципального хозяйства. Сложилась новая черта общественно-политической ситуации в России – самоуправление стало силой, определяющей характер ее дальнейшего развития [15].

Одной из основных задач эффективности местного самоуправления стало содействие формированию в России гражданского общества. При трактовке данного понятия автор солидарен с мнением С.А. Кислицына, опре-

делившего гражданское общество «как автономное и саморегулирующееся социальное пространство взаимодействия индивидов и их объединений без непосредственного воздействия государства, в котором реализуются экономические, социальные, политические, культурные и прочие многообразные интересы людей» [13, с. 75]. Важнейшим компонентом формирования гражданского общества, способного к реальному осуществлению местного самоуправления, является, по мнению автора, политическая социализация. Трактуя понятие «политическая социализация», целесообразно руководствоваться выводами Н.А. Головина. Согласно Головину, «политическая социализация в широком смысле этого слова, означает политически релевантный аспект общей социализации, который возникает вследствие того, что между всеми подсистемами общества существуют определенные связи и отношения. Она выражается, прежде всего, в политической идентичности, либо в принципиальной конформности системе, либо в критическом отношении к ней» [12, с. 30].

Как отмечают исследователи, важно понимать, что на современном этапе исторического развития «единый целостный механизм политической социализации отсутствует: старый механизм разрушен, существующие механизмы внутренне противоречивы. Старая система общественно-политических и идеологических ценностей дискредитирована (хотя на нее еще ориентируются значительные группы населения), а либеральные политические ценности не востребованы широкими слоями населения; прежние институты и агенты политической социализации исповедуют различные предпочтения, причем часто коньюктурные и эгоистичные…» [14, с. 71]. Местное самоуправление способствует политической социализации следующим образом: определяет направления муниципальной социальной политики в активном контакте с представителями общественности, сообразуясь с потребностями местного сообщества, и при его активном участии. Также местным самоуправлением поддерживается общественная активность населения путём инициирования обсуждения наиболее актуальных вопросов местного сообщества. Органы местного самоуправления являются своего рода связующим звеном между властью и обществом, облекая общественное предложение в форму законодательных инициатив, и находятся в постоянном диалоге как с государственными, так и с общественными институтами.

Следует отметить, что участие граждан в работе органов местного самоуправления является инструментом практического освоения деятельности механизмов политической системы и подготовкой кадрового резерва для государственных структур, а также почвой для объединения граждан в общественные организации по взглядам и интересам. Органы местного самоуправления находятся во взаимодействии с первичными институтами социализации, которыми являются семья и школа. Рассматривая в качестве первичного института политической социализации семью, становится очевидным, что родителям, то есть старшему поколению, по большей части, действительно нечего передать своим детям в области политической сферы. А постсоветский опыт социальной адаптации не принес им желаемых результатов, так как их образ мыслей и поведения по существу не подверглись глубинным процессам модернизации.

Очевидно, что главным институтом политической социализации в жизни молодого поколения является школа. Именно в ней, как отмечают исследователи, «протекает значительная часть целенаправленного политического воспитания, которое задает вектор политической социализации. Оно осуществляется в рамках учебной программы, информировании о политических событиях, общественной работы во внеурочное время» [17]. Причем ответственность школы удваивается и тем, что она как институт не только формирует отношения еще не сформировавшихся личностей к политической сфере, но и корректирует эти отношения, полученные ребенком в семье. Кроме того, осуществление школой политической социализации зависит

и от политической системы общества, в котором она находится: от общей политической культуры, от социально значимых ценностей и нравственного состояния общества. Ключевую роль в политической социализации играет и школьный учитель. «Школьный учитель – это личность, которая одновременно влияет и на детей, и на родителей, являясь своеобразным посредником, как между ними, так и между обществом и семьей» [14, с. 4].

Важно отметить, что в целом у подростков складывается негативное отношение к политике. Социальная активность школьников реализуется в сфере досуговых увлечений. Лишь незначительная часть занимается общественной работой в рамках школьного самоуправления. Исходя из этого, автор считает одним из приоритетных направлений в области политической социализации развитие школьного самоуправления, избрания школьного парламента и вовлечение в этот процесс наибольшего количества учащихся. Совершенно понятно, что школьник – это формирующаяся личность, поэтому основная задача школы – не просто транслировать знания, не просто воспитывать, объясняя что хорошо, а что плохо. Школа должна научить человека мыслить практически в условиях современной действительности и помочь ему самоопределиться, создать в себе морально-нравственный стержень. Остается надеяться, что школьные парламенты будут с одобрением встречены администрациями системы образования всех уровней, особенно директорами школ, и действительно будут играть важную роль в формировании гражданской позиции у молодого поколения.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, отметим: в основе формирования гражданского общества, так же как и развития эффективного местного самоуправления, необходима гражданская инициатива, которая в достаточном объеме может быть реализована лишь тогда, когда граждане увидят необходимость ее реализации. А для этого нужно:

1) на теоретико-психологическом уровне – выработка гражданской позиции человека, осознание его субъектом политического процесса и получение, как минимум, базовой информации в области политики и права, необходимой для реализации инициативы «снизу»; наиболее важным на этом этапе является, по мнению автора, политическая социализация, осуществляемая в семье, школе и высших учебных заведениях, а на зрелом этапе жизни человека политическая социализация может осуществляться в процессе самообразования и вовлечения в общественную деятельность;

2) на практическом уровне – непосредственная реализация социально значимых проектов в порядке гражданской инициативы в тесном сотрудничестве с институтами власти, по сути, реальные шаги к формированию гражданского общества, способного к конструктивному сотрудничеству с институтами власти, ведь продуктивное функционирование такого общества на определенной территориальной единице его постоянного проживания и будет проявлением эффективного местного самоуправления.

Представляется, что органам исполнительной власти необходимо обратить внимание на разработку и реализацию механизмов осуществления политической социализации личности, от которых в значительной степени зависит активизация процессов формирования гражданского общества и эффективность местного самоуправления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Нормативные акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ). – М.: Дашков и К, 2011.
2. Закон РСФСР "О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР" от 27.10.1989 / Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. № 44. – 1989. – Ст. 1306.
3. Закон РСФСР "О местном самоуправлении в РСФСР " от 6.06.1991 / Ведомости Съезда на-

родных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – № 29. – 1991. – Ст. 1010.
4. Закон СССР "Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР" от 9.04.1990 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – № 16. 1990. – Ст. 267.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ // Электронная версия Российской газеты: http://www.rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html (дата обращения 28.05.12).
6. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42.
7. Федеральный закон от 24 июня 1999 года «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3176; 2002. – № 21.
8. Указ Президента Российской Федерации "Гарантиям местного самоуправления " от 22.12.1993 // САПП Российской Федерации. –№ 52. 1993. – Ст. 5071.
9. Указ Президента Российской Федерации "О некоторых мерах по указанию государственной поддержки местного самоуправления " от 9.10.1993 // САПП Российской Федерации. – № 41. – 1993. – Ст. 3944.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор Ю.А. Тихоморов. – М.: Издательство Норма (Издательская группа Норма – Инфра-М), 2000.

Литература:

11. Антонова Н.А. Правотворчество органов местного самоуправления. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
12. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. – СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
13. Кислицын С.А. Формирование гражданского общества в условиях российской демократической реформации: 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2005.
14. Костина Н.А. Политическая социализация учительства в современной России: дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 – М., 2002.
15. Основы местного самоуправления. В 3-х частях: учебное пособие для муниципальных служащих / под ред. С.В. Вобленко // – Сайт для профессионалов местного самоуправления. – URL: http://rels.obninsk.com/Cd/Sdc/free/edu/Lm/sup-28/code9.htm, (дата обращения 04.02.05).
16. Постовой Н.В. Проблемы компетенции в системе местного самоуправления и пути их решения. – М.: Изд-во «Юриспруденция», 2009.
17. Притчина Е.В. Факторы политической социализации в современной России // Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы : материалы научно-практической конференции / Под ред. проф. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 1998. – С. 127. Сайт исторического факультета Алтайского государственного университета. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://hist.dcn-asu.ru/ashpi/aspi/research/pdf/dn6c.pdf (дата обращения 04.02.05).

УДК 32:327.7:341.1/24

Бондаренко Ю.Ю.
Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЕВРОДИПЛОМАТЫ

Y. Bondarenko
Saint Petersburg State University

THE FORMING OF EPISTEMIC COMMUNITIES OF THE EUROPEAN UNION: NATIONAL AND EURO-DIPLOMATS

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования эпистемологических сообществ в рамках дипломатического пространства Европейского Союза. Автор выдвигает гипотезу, что европейскую дипломатию можно охарактеризовать существованием двух эпистемологических сообществ, которые обозначены, в свою очередь, как «национальные» и «евро-дипломаты». В связи с учреждением Европейской внешнеполитической службы наметились изменения в деятельности этих двух сообществ, чьё сосуществование можно охарактеризовать как «взаимозависимость в параллелизме». Именно «изменяемая геометрия» представительства национальной и наднациональной дипломатических систем делает европейскую дипломатию уникальной.

Ключевые слова: эпистемологические сообщества, национальные дипломаты, евродипломаты, Европейский Союз.

Abstract. The article considers the specific features of epistemic communities functioning in diplomatic communities of the European Union. The author puts forward a hypothesis that there are two epistemic communities within the diplomatic space of Europe that can be characterized as “national” and “euro-diplomats”. Since the establishment of the European External Action Service there is a tendency for some changes in the activity of these two communities. Their coexistence can be described now as ‘complementarity in parallelism’. It is the ‘variable geometry’ of representation of the national and supranational diplomatic systems that makes the EU diplomacy unique.

Key words: epistemic communities, national diplomats, euro-diplomats, the European Union.

Спустя пятьдесят лет после того, как Римский договор провозгласил европейскую экономическую и политическую интеграцию, национальная дипломатия продолжает существовать, но она, очевидно, подверглась значительной адаптации [7, p. 50]. Следствием интеграционных процессов на европейском пространстве стало появление нового, специфического измерения дипломатии, которое в контексте настоящей статьи уместно охарактеризовать как «новую европейскую дипломатию».

Уже на ранних этапах интеграции в Европейском Союзе возник мощный канал взаимодействия экспертов и практиков – представителей политического истеблишмента. Вследствие того, что ЕС был лишён многих традиционных полномочий, которые есть у современного государства, его влияние на некоторые процессы в экономике и политике оставалось ограниченным, что способствовало привлечению экспертов и учёных, способных компенсировать своей аналитикой недостаток других ресурсов.

В действительности, вплоть до настоящего времени одной из ключевых особенностей функционирования Европейского Союза является отсутствие привычных для суверенных государств каналов взаимодействия государства и общества – транснациональных политических партий [6, с. 81]. Вследствие чего ЕС часто обвиняют в демократическом дефиците процес-

© Бондаренко Ю.Ю., 2012.

са принятия решений. Именно привлечение сторонних независимых экспертов и наблюдателей способно отчасти решить проблему демократического дефицита.

Предваряя разговор о формировании двух эпистемологических сообществ в рамках дипломатического пространства Европы, стоит сказать несколько слов о данном феномене. Эпистемология, которая также называется теорией познания, является ветвью философии, которая исследует природу, источники знания о ней и ищет объективные критерии оценки полученного знания [4, с. 31].

В 1992 г. журнал «International organizations» полностью посвятил один из выпусков рассмотрению феномена «эпистемологического сообщества учёных». Эта концепция организации научных дискуссий в рамках групп исследователей, которым свойственны отличительные черты, выделяющие их из общей массы коллег по научной сфере и области изучения, является относительно новым явлением. Его впервые ввёл в оборот в 1975 г. американский исследователь Джон Рагги, заимствовав термин «эпистемологическое» у Майкла Фуко [6, с. 82].

Как отмечает в своей статье Дж. Рагги в 1975 г., характеристика сообщества исследователей как «эпистемологического» объясняется тем, что ему свойственен «доминирующий способ изучения социальной реальности, набор взаимно разделяемых символов и представлений, взаимных ожиданий и взаимной осведомлённости об интересах». По мнению исследователя, такие сообщества создаются для комплексного изучения и выработки рекомендаций в отношении сложной международной проблемы, особенно если односторонние и двусторонние попытки институтов государственной власти не привели к требуемым результатам [6, с. 82].

Вместе с тем ещё один американский исследователь, Питер Хаас, отмечает три необходимые составляющие, когда политические деятели обращаются за поддержкой и консультацией к сообществу учёных. Во-первых, ситуация должна характеризоваться высокой степенью неопределённости представлений политиков относительно возможных путей её разрешения. Во-вторых, внутри научного сообщества учёных, вовлеченных в процесс, должен сформироваться определённый консенсус. При отсутствии консенсуса возникают сомнения в правильности выбора, поскольку отдельно взятая точка зрения учёного, мнение которого никто не разделяет, вызывает подозрения. В-третьих, необходимо наличие сформировавшегося канала взаимодействия между представителями академического мира и мира политики на национальном и транснациональном уровне [14, с. 23].

Особенность эпистемологических сообществ состоит в том, что они сознательно пытаются добиться определённых системных целей, в отличие от разнообразных подгрупп в пределах дипломатической профессии, таких, как «арабисты» в Министерстве иностранных дел Соединённого Королевства [16, p. 245]. Эти подгруппы также пытаются достичь определённых целей, и есть искушение описать их как какой-то вид эпистемологического сообщества, однако, правильнее рассматривать их как группы защиты интересов в профессиональной сфере. Цели эпистемологического сообщества касаются изучения системного изменения в целом, а не защиты политического курса, касающегося определённой функции (такой, как права человека, многосторонность и контроль над вооружениями) или географического региона (например, Ближний Восток).

Питер Хаас также указывает, что проходным билетом в эпистемологическое сообщество является приверженность доминирующим в нём базовым ценностям. Он подчёркивает, что членами эпистемологического сообщества не обязательно должны быть представители академического мира [6, с. 84]. Более того, одного собрания учёных из схожей области знаний не достаточно, чтобы данное собрание можно было считать эпистемологическим. Эпистемологическое сообщество характеризует особая система ценностей, регулярность взаимодействия и определённые цели (а не исследование как

таковое), отличающие его от любой другой, произвольно взятой группы специалистов.

Концепция «эпистемологического сообщества» прочно закрепилась за такими (большей частью негосударственными) группами, как энвайронменталисты, защитники прав человека и сети здравоохранения (например, Красный крест) [14, p. 34]. Несмотря на то, что дипломаты могут и не являться глубокими техническими экспертами в какой-то сфере, они имеют расширенное познание определённой политически релевантной области – например, искусства ведения переговоров, формирования компромисса, деятельности международных организаций, что позволяет их отнести к «эпистемологическому сообществу». Они часто принимают решения в условиях неопределённости и отличаются детальным знанием вопросов, стоящих на повестке дня [9, p. 198].

Представляется, что в ситуации высокой неопределённости государственные деятели зачастую даже не способны оценить степень автономии, в пределах которой действуют дипломаты, поскольку их техническое знание предмета (экспертиза в вопросах вооружения, обороны, экологии т. д.) не позволяет им объективно рассмотреть данный вопрос. Однако если вопрос имеет высокую значимость, даже в ситуации высокой неопределённости, государственные деятели всё же стремятся участвовать в процессе принятия решений и временами склонны игнорировать мнение эпистемологического сообщества, если их собственные интересы сильно расходятся с оценкой экспертов.

Ведущая роль дипломатов в Европейском Союзе отчётливо прослеживается во время проведения межправительственных конференций, предшествующих подписанию договоров, на которых даже вопросы высокой значимости часто решаются при непосредственной содействии дипломатов, поскольку они преуспели в искусстве достижения компромисса и их уровень компетентности позволяет им это делать.

В частности, американский исследователь, Майа Девид Кросс, приводит в качестве примера переговоры на межправительственной конференции, предшествующей подписанию Маастрихтского договора. Именно благодаря усилию дипломатов удалось прийти к консенсусу по поводу создания второй опоры ЕС – Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). Изначально британцы, датчане и голландцы сильно противостояли ОВПБ, в то время как французы, немцы и итальянцы поддерживали её. Таким образом, дипломатов Европейского Союза всегда отличало искусство и умение находить компромиссы даже там, где это казалось абсолютно невозможным, на первый взгляд [10, p. 147].

В Европе существует, по-видимому, два дипломатических эпистемологических сообщества. Две системы идеалистических воззрений и последовательные карьеры дипломатов Европы могут быть систематизированы и обозначены как «национальные дипломаты» и «евродипломаты» [16, p. 245]. В действительности, как национальные, так и евродипломаты отвечают в целом критериям, указанным Питером Хаасом, поскольку в обоих случаях существует ситуация неопределённости, консенсус в научных и дипломатических кругах и налаженные каналы взаимодействия. Эти два идеальных эпистемологических сообщества имеют своё собственное мировоззрение. Каждый из них имеет различную лояльность, отличное понимание национальных интересов и европейских интересов и полярные взгляды на то, как формулировать, согласовывать и отстаивать свои позиции.

Учитывая меняющийся характер дипломатических вызовов, ключевой вопрос состоит в том, будет ли реструктурирование дипломатии в Европе (предусмотренное в Лиссабонском договоре), продвигать новую, постнациональную европейскую дипломатическую систему [7, p. 60]. Второй вопрос, возможно ли, что мы однажды станем свидетелями интеграции этих двух карьерных путей – эволюции от текущей системы осознанно европеизированной национальной дипломатии в новую и специфическую форму европейской дипломатии. В настоящее время, даже после принятия Лиссабонского

договора, этот вопрос по-прежнему остается открытым. Тем не менее, можно утверждать, что как национальные, так и евродипломаты продолжат работать в рамках европеизированной политической структуры.

Если два эпистемологических сообщества существуют, даже в широком теоретическом смысле, нельзя утверждать, что это две постоянные группы дипломатов, которые зафиксированы по своей структуре и содержанию навсегда в неизменной форме. Что характеризует текущее состояние дипломатии Европейского Союза, это слияние этих двух идеальных типов дипломатических сообществ на практике, с участниками, переходящими из одной группы в другую, даже с изменениями в мировоззренческих подходах, сопровождающимися карьерными шагами. Две группы представителей часто работают параллельно и тем не менее остаются взаимодополняющими друг друга.

Так, Дэвид Спенс считает, что не следует представлять себе образ дискутирующих дипломатов на двух сторонах мнимого шара, спорящих о достоинствах и недостатках Вестфальской системы, Лиссабонского договора, а также о необходимости совместных действий в рамках Общей внешней политики и политики безопасности. Предположение о существовании междоусобного конфликта между двумя дипломатическими сообществами в корне неверно [16, p. 246]. Тем не менее, в широком смысле евродипломаты функционируют в определённой психологической среде, разительно отличающейся от правил поведения и объекта изучения «традиционных» национальных дипломатов.

Национальные дипломаты занимают свою нишу в дипломатической карьере, которая схожа с той, что была у их предшественников, с командированием за пределы Европы в традиционные посольства или работой в своей стране и в функциональных подразделениях Министерств иностранных дел. В рамках своей дипломатической карьеры они специализируются на экономических вопросах, проблемах вооружения, безопасности или экологии. Последнее также указывает на их принадлежность к эпистемологическому сообществу с признанной экспертизой, поскольку формально они являются узкой группой лиц, обладающей определённой специализацией и познаниями в конкретной области. Они посягают на сферу ответственности, затрагивающую дела европейского масштаба, лишь незначительно в их рабочей практике – в действительности, только когда координация на уровне ЕС происходит за рубежом и то часто весьма неохотно.

Так, в своём отчёте перед Палатой общин Соединённого Королевства, министр внутренних дел, Хезел Блиарс утверждает: «Нам следует быть настороженными в отношении институтов Европейского Союза, которые хотят создать что-то свежее, что идёт просто с позиций единой Европы, но при этом не обязательно сводит к общему знаменателю информацию, навыки и экспертизу, которую страны-члены ЕС готовы предложить» [3].

Согласно Лиссабонскому договору к европейским дипломатам, из которых формируется Европейская внешнеполитическая служба, в совокупности относятся официальные должностные лица министерств иностранных дел стран-членов, Европейской Комиссии и Секретариата Совета [2]. Для этой группы дипломатов европейское сотрудничество является каждодневной практикой, формирующей их собственную стабильную систему ценностей и лояльность.

Майя Дэвид Кросс подчёркивает принадлежность к евродипломатам служащих Комитета постоянных представителей (КОРЕПЕР) при Совете ЕС. Исследователь относит данных должностных лиц к «внутренней дипломатии», противопоставляя их внешней европейской дипломатии, главным образом, в лице служащих делегаций ЕС. По её словам, в то время как Европейская внешнеполитическая служба (ЕВС) является, по сути, беспрецедентной наднациональной дипломатической структурой такого рода, в Европе уже сложился механизм внутренней слаженной координации и взаимодействия (постоянные представительства стран-членов в Брюсселе), опыт и экспертные навыки которых необхо-

димо заимствовать и экстраполировать на внешнеполитический процесс [8, p. 11].

Широко признано, что в настоящее время КОРЕПЕР решает около 70-90 % политических вопросов, стоящих на повестке дня Совета ЕС. Однако можно поспорить, что те решения, которые входят в 70-90 %, не являются вопросами ключевой и первостепенной важности, а относятся скорее к рутинным вопросам каждодневного сотрудничества стран Европейского Союза [9, p. 197]. Должностные лица ЕС, таким образом, стремятся даровать полномочия дипломатам КОРЕПЕР в той или иной бюрократической или технической области, поскольку каждодневные и типовые вопросы сотрудничества едва ли требуют внимания демократически избранных политических деятелей, обеспокоенных более глобальными проблемами. Вместе с тем существует мнение, что государственные деятели зачастую не могут понять всю техническую сложность вопроса. Поэтому они передают сложные сюжеты на рассмотрение КОРЕПЕР, чья работа как раз, напротив, состоит в анализе и решении трудных вопросов.

Один из ключевых вопросов состоит в будущем национальной дипломатической системы как таковой. Примечательно, что оба сообщества могут считать самоцелью последовательную и сильную европейскую внешнюю политику, с процессом принятия решений в Брюсселе, существенно растущим для обеспечения политической эффективности. Тем не менее, базирование в Брюсселе для национальных дипломатов является географическим термином, тогда как для евродипломатов «Брюссель» имеет скрытый смысл для обозначения перемещенного местоположения власти и новых форм партнёрства с другими дипломатами и штатом Европейской Комиссии и Секретариата Совета.

Тем временем, длительное сосуществование национальных министерств иностранных дел наряду с дипломатическими институтами Европейского Союза, каждый из которых работает с учётом различных систем взглядов и логики, остаётся фундаментальной институциональной основой современной дипломатии Европы. И как раз это сосуществование национального и постнационального элементов формирует самобытность Европейского Союза.

Евродипломаты, следуя принципам Лиссабонского договора, формируют контуры новой европейской дипломатии, где организационные структуры Европейского Союза, тем временем, частично работают параллельно с национальной дипломатией и частично задействованы там, где национальная дипломатия часто отказывается или в лучшем случае неспособна справиться успешно в одиночку – вплоть до международных вызовов XXI в.

Два эпистемологических дипломатических сообщества в Европе оказывают влияние на лиц, ответственных за проведение политического курса, различными путями. Они заранее обозначают проблемные сюжеты – то есть принимают решение о характере вопроса, политических целях и уровне (национальный или европейский), на котором вопрос должен обсуждаться.

Благодаря такому первоначальному отбору, формируется основа для определения национальных интересов. Через различные источники распространения информации (семинары, мозговые центры, лекции, газетные статьи и личное взаимодействие между дипломатами различного уровня), оба эпистемологических сообщества пытаются достичь принятия их идей другими. В качестве примера можно привести взгляд евродипломатов и национальных дипломатов на Европейскую идентичность в области безопасности и обороны (ЕИБО). Обе группы в целом считали логичным создание Европейской идентичности, однако, национальные дипломаты скорее защищали ЕИБО в рамках Североатлантического альянса (НАТО), в отличие от евродипломатов, которые были последовательными сторонниками основанной на базе ЕС оборонной идентичности, впоследствии названной Европейской политикой в области безопасности и обороны (ЕПБО) [5].

Данные дебаты, изначально развившиеся в основном в министерствах иностранных

дел, постепенно просочились и в прессу, и влияние в целом сместилось в пользу мозговых центров с евродипломатическими убеждениями. Евродипломаты показали себя более жизнеспособным сообществом. В конце концов, именно взгляд евродипломатов был закреплён в правовых текстах и договорах после того, как в Сан Мало провозгласили Европейскую политику в области безопасности и обороны.

И это далеко не единичный случай, когда евродипломаты сумели склонить общественное мнение в свою сторону. Так, если бы изменение в уровне принятия политических решений от национального до уровня Брюсселя было не принято всеми как сопутствующее эффективному общему внешнеполитическому процессу, евродипломаты не добились бы формальной передачи власти посредством создания наднационального механизма – Европейской внешнеполитической службы.

Страны-члены ЕС отчётливо сохранили некоторое национальное присутствие за рубежом, а также механизмы для его поддержания. Однако они, вероятнее всего, делают это в различных пропорциях и формах, с учетом размера, уровня их географических и функциональных интересов, финансовых ресурсов и колеблющегося уровня их приверженности европеизации внешней политики. В краткосрочной и среднесрочной перспективе европейская дипломатия, вероятно, будет характеризоваться «изменяемой геометрией» представительских сетей и постоянного переосмысления того, что должно быть сделано [12].

Для малых стран-членов делегации Европейского Союза предлагают заманчивые перспективы усилить их представительство. Для крупных стран-членов с расширенным дипломатическим присутствием приветствуется возможность передачи координационных задач, связанных с председательством в Совете по иностранным делам, делегациям ЕС. Подобным образом может быть одобрено полное представительство стран-членов от имени делегаций Европейского Союза там, где нет очевидных отличий с точки зрения национальных интересов [16, p. 253].

Ещё в преддверии создания Европейской внешнеполитической службы повсеместно в Европе был признан долгосрочный эффект совместной подготовки для служащих министерств иностранных дел, организованной Европейской Комиссией и дипломатическими академиями и основанной на единой «Европейской дипломатической программе» [13, p. 861].

Представляется уместным задать вопрос, находятся ли национальные дипломаты, работающие в традиционных двусторонних посольствах в пределах Европейского Союза под некоторым воздействием европеизации, и способствует ли такое влияние развитию их карьеры в строго национальном или строго европейском направлениях. Глава представительства Европейского Союза в России, господин Фернандо Валенсуэла, подтвердил в интервью, что страны-члены делегируют своих национальных дипломатических служащих для работы в представительства Европейского Союза. Однако позднее они возвращаются вновь на работу в министерства иностранных дел, чтобы продвигать общеевропейские ценности и интересы в своём государстве и способствовать росту влияния европейской дипломатии [1].

Между тем по-прежнему сохраняется проблема общего администрирования внешней политикой через совместные бюрократические структуры. В рамках административных структур Общей внешней политики и политики безопасности неоднократно обсуждается необходимость введения единых дипломатических стандартов с целью использования общей инфраструктуры посольств, изменения облика дипломата, создания единообразия в условиях работы персонала, а также оценки эффективности его деятельности [7, p. 61]. В действительности, факт ежедневного сотрудничества по процедурам управления несомненно создаёт новый контекст для министерств иностранных дел и побуждает их искать административные и политические совместные решения с целью увеличения эффективности затрат.

В целом, акцент на поиск рентабельности в современной дипломатии остаётся фун-

даментальной чертой. Страны-кандидаты на вступление в Европейский Союз уже на подготовительном этапе проходят долгий путь к признанию «европейских ценностей и стандартов» (которые стоят выше национальных), что влечёт за собой обязательства к изменению управленческих практик и структур для получения программ помощи, необходимость унификации и гармонизации законодательства и т. д.

В качестве национального ответа странам-членам ЕС следует проанализировать эффективность их глобального присутствия, оценить, в чём состоит главный фокус их внешней политики и предусмотреть переход к миссиям с множественной аккредитацией. Другой подход фактически был озвучен Европейским парламентом, который приводит доводы в пользу подлинной общей европейской дипломатии, преобразующей делегации Европейского Союза в надлежащие дипломатические представительства в тех странах, где большинство стран-членов ЕС не представлено, и это уже реализуется на практике.

Так, Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности, баронесса Кэтрин Эштон, уже наделила 54 делегации из 136 статусом посольств и реальными полномочиями, что означает, что когда вопрос решается на уровне ЕС, делегации имеют преимущество над всеми традиционными посольствами, расположенными в той же самой столице [15].

Итак, можно утверждать, что уже существуют зачатки новой европейской дипломатии наряду с национальными дипломатическими системами. Эта новая европейская дипломатия, в частности, характеризуется взаимозависимостью двух различных дипломатических эпистемологических сообществ – национального и европейского. Предполагается, что «изменяемая геометрия» представительства (национального и наднационального) продолжится в ближайшей перспективе.

Резюмируя вышесказанное, необходимо подчеркнуть основное различие между двумя эпистемологическими сообществами. Национальное дипломатическое сообщество полагает, что внешняя политика остаётся приоритетом национального государства, даже если оно одновременно готово признать, что европейская координация внешней политики оказывает явный, положительный эффект. Евродипломаты, в свою очередь, явственно утверждают, что более тесная координация, наднациональное лидерство и замена межправительственного принципа единогласия голосованием квалифицированным большинством служат реальным внешнеполитическим интересам народов Европы. Вместе с тем наиболее адекватной оценкой существующих реалий представляется позиция, которая суммирует оба этих подхода и определяет текущую ситуацию во внешней политике ЕС как «взаимозависимость в параллелизме». И именно это сосуществование национальной и наднациональной дипломатической систем – то, что делает европейскую дипломатию в целом самобытной и, таким образом, выделяет её среди всех существующих когда-либо систем.

Принцип «взаимозависимости в параллелизме» подводит итог текущей диалектике между национальной дипломатией и дипломатией Европейского Союза. Он имеет преимущество, поскольку способствует снижению напряжённости в отношениях между двумя группами дипломатов, конкурируют ли они действительно объективно или являются взаимозависимыми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

1. Личное интервью с главой делегации Европейского Союза в России, господином Ф. Валенсуэла / Круглый стол. Открытые дебаты «Много культур – одна Европа». – Санкт-Петербург, 23.09.2011.
2. Blears H. British Home Office Minister. House of Lords Speech 'After Madrid: the EU's Response to Terrorism' Minutes of Evidence. Select Committee on the EU, 8 December 2004, Question 387. - URL: http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200405/ldselect/ldeucom/53/4120804.htm (дата обращения: 11.12.2011).
3. The Treaty of Lisbon. Official Journal of the European Union (Internet Version). Chapter 2. Specific Pro-

visions on the Common Foreign and Security Policy. Article 19b (iii), Article 13-a. – URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:0010:0041:EN:PDF (дата обращения: 09.12.2011).

Литература:

4. Барышников Д.Н., Костюк Р.В., Ткаченко С.Л. Эффективность дипломатии. – СПб., 2009. – 164 с.
5. Тихова В.В. Формирование политики безопасности в единой Европе. АПН Казахстан. 30.01.2006 [Сайт] – URL: http://www.apn.kz/publications/article177.htm (дата обращения: 09.01.2012).
6. Ткаченко С.Т. Эпистемологическое сообщество: роль учёных и банкиров в создании ЭВС в Европе // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6. – 2008. – Вып. 2. – С. 81-86.
7. Batora J. Does the European Union transform the institution of diplomacy // Journal of European Public Policy. – Vol. 12. – No. 1. – February 2005. – Pp. 44-66.
8. Cross M. D. A European Foreign Service: Turning Diplomacy Inside-Out // Paper prepared for the International Studies Association Conference. – New Orleans, February 17-20. 2010. – 21 p.
9. Cross M. D. Sustainable Diplomacy in the European Union / Costas M. Constantinou and James Der Derian (eds). – Sustainable Diplomacies, Studies and Diplomacy and International Relations, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – Pp. 192-212.
10. Cross M. D. The European Diplomatic Corps: Diplomats and International Cooperation from Westphalia to Maastricht / Studies in Diplomacy and International Relations. – Basingstoke: Palgrave, 2007. – 244 p.
11. Cross M. D. The European Union External Action Service and Smart Power. 03.11.2011 – URL: http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/newswire/cpdblog_detail/the_european_external_action_service_and_smart_power/ (дата обращения: 11.01.2012).
12. Crowe B. The European External Action Service: Roadmap for Success, a Chatman House Report. London: Royal Institute of International Affairs - URL: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Europe/0508eas_report.pdf (дата обращения: 12.01.2012).
13. Duke S.W. Preparing for European Diplomacy? // Journal of Common Market Studies. – Vol. 40. – No. 5. – 2002. – Pp. 849-870.
14. Haas M.P. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. – Vol. 46. – No. 1. – Knowledge, Power and International Policy Coordination (winter, 1992). – Pp. 1-31.
15. Rettman A. EU Commission 'embassies' granted new powers // EU Observer, 21, January 2010 – URL: http://euobserver.com/24/29308 (дата обращения: 20.12.2011).
16. Spence D. Taking Stock: 50 Years of European Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. – Vol. 4. – No. 2. – 2009. – Pp. 235-259.

НАШИ АВТОРЫ

Базаркина Дарья Юрьевна – докторант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета; e-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru

Бондаренко Юлия Юрьевна – аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: juliamaster@gmail.com

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: svititnev@yandex.ru

Высоцкий Иван Владимирович – кандидат политических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Московского института государственного и корпоративного управления; e-mail: IvanVysotskiy@yandex.ru

Дейников Равиль Тагирович – соискатель кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: Deinikov@yandex.ru

Денисов Алексей Владимирович – аспирант кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии; e-mail: sarmat_samara@mail.ru

Каширина Татьяна Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: Kashirinatv@mail.ru

Колесникова Мария Александровна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: Kolesnucova_14@mail.ru

Крюков Алексей Николаевич – аспирант кафедры всеобщей истории Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина; e-mail: kryukov-87@inbox.ru

Курков Николай Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: fakul-ipp@mgou.ru

Машкин Михаил Николаевич –доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник-консультант Института всеобщей истории Российской академии наук (г. Москва); e-mail: dir@igh.ru

Морозов Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail evmorozov@rambler.ru

Никитаева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: enikitaeva@mail.ru

Плюйко Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург); e-mail: jan_boden@rambler.ru

Рудакова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (г. Люберцы МО) ; e-mail: elena_nikolaevna_rf@mail.ru

Севостьянов Алексей Сергеевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: HMSsurprise@mail.ru

Сергеев Всеволод Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Российской открытой академии транспорта Московского государственного университета путей сообщения; e-mail: vsevolod_sergeev@inbox.ru

Снесарева Наталья Вадимовна – соискатель кафедры истории России средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: n-snes@mail.ru

Тен Виктор Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, Почетный работник высшей школы РФ; e-mail: victen1943@mail.ru

Травникова Елизавета Григорьевна – аспирант кафедры гуманитарных наук Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва); e-mail: grass31@mail.ru

Трофимов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург); e-mail: 2519612@rambler.ru

Федорова Екатерина Юрьевна – преподаватель кафедры истории России Российского университета дружбы народов; e-mail: nadis2003@bk.ru

Хабарова Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры политической истории факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: chebotarew.mpgu@mail.ru

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов , в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «История и политические науки»
2012. № 3

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *И.А. Потапова*
литературный редактор *Т.О. Волобуева*
переводчик *Е.В. Приказчикова*
корректор *Н.Л. Борисова*
компьютерная верстка *А.В. Тетерин*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 450 экз. Уч.-изд. л. 11,5, усл. п.л. 17,25.
Подписано в печать 20.06.2012. Заказ № 583.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а